

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка

На правах рукописи

ОСЬМАК Наталья Андреевна

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ:
ПУТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ИХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 <u>РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ</u> <u>ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: ИСТОРИЯ,</u> <u>ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА, ПЕРСПЕКТИВЫ</u>	13
1.1. Разговорная речь как объект лексикографического описания.....	13
1.1.1. Принцип отбора материала и состав словника исследуемых лексикографических изданий	23
1.1.2. Принцип подачи иллюстративного материала	28
1.1.3. Принцип отражения многозначности	30
1.1.4. Принцип построения словарной статьи.....	31
1.1.5. Выводы	40
1.2. Речевые и языковые базы данных как источник лексикографического описания русской разговорной речи.....	42
1.2.1. Корпус устных текстов Национального корпуса русского языка... 47	
1.2.2. Корпус «Рассказы о сновидениях».....	50
1.2.3. Выводы	51
ГЛАВА 2 <u>ПОВСЕДНЕВНАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ОБОСНОВАНИЕ</u> <u>ВЫБОРА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ</u>	52
2.1. Определение основных понятий	52
2.1.1. Устная речь — письменная речь — разговорная речь	52
2.1.2. Понятие спонтанности.....	54
2.1.3. Монолог — диалог — полилог	61
2.2. Звуковой корпус русского языка как источник для лексикографического описания повседневной разговорной речи... 65	
2.2.1. Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ)	66
2.2.2. Несбалансированный материал — проект «Один речевой день»... 68	
2.3. Выводы.....	71
ГЛАВА 3 <u>РУССКАЯ УСТНАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ:</u> <u>ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ</u>	73
3.1. Постановка проблемы.....	73
3.2. О путях лексикографического описания русской повседневной разговорной речи.....	78
3.2.1. Метод сплошной выборки.....	78
3.2.2. Лексическая специфика «верхушки» частотного словника ОРД ... 94	
3.2.3. Анализ и лексикографическое описание отдельных лексико- семантических групп	113
3.2.3.1. Основные критерии отбора материала	113
3.2.3.2. Этапы работы с материалом	117
3.3. Слово в языке vs. слово в речи	131
3.3.1. Появление «несловарных» коннотаций	134
3.3.2. Появление «несловарных» значений	140

3.3.3. Появление «несловарных» единиц в рамках лексико-семантической группы	146
3.3.3.1. Диминутивы <i>бабулька, бабуська, дядечка, мужичок и мужчинка</i>	147
3.3.3.2. <i>Бабец/бабца</i>	157
3.3.3.3. <i>Чувак</i>	161
3.3.3.4. <i>Дедун</i>	167
3.3.3.5. <i>Малой</i>	170
3.3.3.6. <i>Ст арпер</i>	174
3.3.4. Появление особых случаев сочетаемости антрополексем	176
3.3.5. Появление «новых» устойчивых сочетаний с единицами данной лексико-семантической группы	180
3.3.5.1. <i>Тетя Мотя</i>	180
3.3.5.2. <i>Молодой человек</i>	184
3.4. Структура словарной статьи	187
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ	197
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	199
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ РЕСУРСОВ	222
Словари	222
Интернет-ресурсы	224
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Образцы лингвистических Словаря русской повседневной разговорной речи	227
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 Частота употребления некоторых антрополексем в речи (по данным психолингвистического эксперимента)	230
ПРИЛОЖЕНИЕ 3 Образец анкеты для электронного опроса носителей языка	233

ВВЕДЕНИЕ

Изучение устной речи (УР) — одно из наиболее перспективных направлений современной лингвистики, интерес к которому на протяжении последних десятилетий неизменно возрастает. В конце XX и начале XXI века появилось большое количество работ, представляющих описание УР в фонетическом (см., например: *Бондарко и др.* 1991; *Бондарко* 1998; *Фонетика спонтанной речи* 1988) и социолингвистическом аспектах (например: *Крысин* 1989; *Ерофеева Т.* 1991, 1996; *Кирилина* 1999); а также комплексное описание устной диалогической (см., например: *Шведова* 1960; *Земская и др.* 1981; *Сиротинина* 1974; *Лантева* 1976; *Земская* 1979) и монологической (*Лантева* 1995) речи.

Такой интерес объясняется, в первую очередь, тем, что устная форма языка постоянно меняется. Именно живая речь является своеобразным проводником изменений в более стабильную систему — язык. Особенно ярко эта динамика отражается в изменении лексикона языка, что достаточно легко объяснить. Известно, что язык — это «прежде всего и главным образом язык слов» (*Морковкин* 1987: 33). При этом «слово выступает не только как основная единица словарного состава, но и как центральная узловое единица вообще языка» (*Смирницкий* 1952: 183)¹. Исследования последних лет показывают, что с лексической точки зрения язык бытовой коммуникации (повседневная разговорная речь) существенно отличается от академически описанного письменного языка: возникают новые, «нетрадиционные», значения (оттенки значений) слов, появляются неологизмы и окказионализмы, новые словообразовательные модели и новые

¹ Ср. также: «Слово, несмотря на трудность определить это понятие, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное во всем механизме языка» (*Соссюр* 1933: 111); «Слово — это важнейшая языковая категория. Когда среди широкой публики говорят о языке, то обычно думают прежде всего о словах, так как язык состоит из системы слов, “распадается” на слова, формируется в процессе взаимодействия слов» (*Будагов* 1965: 9); «...слово, и это совершенно несомненно, выступает в качестве основной единицы языка, определяющей его особый характер среди других семиотических систем» (*Шанский* 1972: 9). Иными словами, в отвлечении от его письменной формы, язык в сознании рядового носителя языка ассоциируется прежде всего со словом, «язык как орудие общения — это прежде всего “словесное орудие”, это “язык слов”» (*Реформатский* 1967: 54).

возможности сочетания лексических единиц. Кроме того, в речевой коммуникации, по сравнению с письменной речью, наблюдается значительное перераспределение функциональной активности языковых единиц и проявляется сильная зависимость лексического инвентаря от типа конкретной коммуникативной ситуации и социальной роли говорящего в этой ситуации, от его психологического типа и состояния, его гендерных и некоторых других социальных характеристик. Несмотря на значимость неформальной и «непубличной» речевой коммуникации в жизни любого человека, именно этот аспект языка остается до сих пор наименее изученным — как раз вследствие своего непубличного, приватного или даже интимного характера.

Именно поэтому не угасает интерес и к лексикографическому описанию устной разговорной речи. Долго время устной речью занимались в основном в рамках диалектной и социолектной лексикографии, противопоставленной так называемой академической лексикографии как *дескриптивная* (описательная) — *прескриптивной* (предписываемой, обязательной, нормативной). Однако до недавнего времени реальная повседневная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, практически не попадала даже в дескриптивные словари (см. Крысин 2010).

Лишь в самое последнее время стала обсуждаться возможность использования для лексикографического описания объемных корпусов реальной повседневной спонтанной речи (см. Богданова 2010а), что позволяет говорить о принципиально новом этапе в развитии уже сложившейся и имеющей свои традиции дескриптивной лексикографии: существенном расширении ее материала и возможностей фиксации, анализа и описания. Эту разновидность, в отличие от всего предыдущего, уместно назвать *речевой лексикографией*. Объектом ее описания становится не лексема как единица языка, а все разноуровневые функциональные единицы устной речи (речевые, условно-речевые и неречевые) в их конкретных употреблениях. Ср. близкое к нашему понимание задачи современной

лингвистики, в том числе и лексикографии: «Естественное желание каждого неравнодушного к предмету своих научных изысканий лингвиста — схватить эту рождающуюся на наших глазах и быстро ускользающую речевую реальность, зафиксировать момент, а потом уже — попытаться разобраться в том, откуда это, как это меняет наши представления о мире и о нас, кому это нужно и зачем... Через язык увидеть себя, опознать приметы времени, заново сформировать представление о стране, в которой живем, — чем не увлекательная задача? А может быть, увидеть изъяны словаря? Понять, что в сегодняшнем мире происходит борьба не только идей, но и дискурсов? Наша “логоцентрическая” цивилизация дает основания думать, что эти вопросы имеют отношение не только к лингвистической теории, но и к социальной практике» (Иссерс 2012: 8).

Такой поворот к изучению повседневной речи не случаен, ведь в речи любого носителя литературного языка обязательно присутствуют элементы, как минимум, разговорной или профессиональной речи; поскольку люди владеют не только несколькими речевыми стилями одного литературного языка, но и “специальными языками”, социальными диалектами, тяготеющими к литературному языку или являющимися его подсистемами, а также неcodифицированными разновидностями языка в виде местных диалектов, жаргонов и проч., не говоря уже о владении иностранными языками. Ярче всего эта особенность проявляется в городской речевой ситуации, характеризующейся таким явлением, как *полиглотизм* (см. Ларин 1977 а, б). Источником материала для *речевой лексикографии*, описывающей такую *полиглотическую* городскую речь, является максимально естественная форма существования устной речи — повседневный спонтанный диалог или полилог.

Именно спонтанный устный текст, возникающий в процессе естественной коммуникации, чаще всего в виде бытового диалога или полилога, как основной материал для лексикографического описания, и служит **объектом исследования** в настоящей работе.

Предметом исследования стали возможности и основные пути лексикографического описания русской устной повседневной разговорной речи, а также функционирование ряда лексических единиц из материалов Звукового корпуса русского языка.

Цель работы — дать анализ употреблений различных лексических единиц современной повседневной разговорной речи, рассмотреть возможные пути и принципы лексикографического описания их функционирования и на этой базе определить специфику *речевой лексикографии*.

Выбранная цель предполагает постановку и решение следующих **задач**:

- формирование теоретической научной базы исследования;
- анализ словарей разговорной речи;
- анализ существующих корпусов устной русской речи с целью определения источника материала для анализа;
- определение принципов речевой лексикографии;
- анализ возможных путей лексикографического описания русской повседневной разговорной речи;
- анализ употребления лексических единиц современной повседневной разговорной речи:
 - определение значений/функций единиц в их реальных речевых употреблениях;
 - определение коннотативных, ситуативных и социально обусловленных особенностей употребления лексических единиц в речи;
- проведение серии психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка, а также обращение к ресурсам Интернета — для уточнения особенностей функционирования анализируемых единиц в речи;
- разработка структуры словарной статьи *Словаря русской повседневной разговорной речи*.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что оно проведено в русле *дескриптивного* лексикографического описания повседневной устной диалогической и полилогической речи, обладающей максимальной степенью спонтанности и естественности. Именно такая речь в последнее время служит предметом активного интереса лингвистов. Исследование выполнено в рамках *корпусного подхода* к изучению речи, который также является одним из ведущих в современной науке.

В работе для определения характеристик исследуемых единиц привлекается ментальный лексикон говорящего, что соответствует требованиям современной психолингвистики и лексикологии.

Материалом для исследования послужил блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка (450 часов звучания, записанных от 50 информантов и почти 600 их коммуникантов, около 300 тыс. словоупотреблений в расшифровках), а также 50 тыс. реакций респондентов на различные стимулы в ходе психолингвистических экспериментов и около 100 тыс. интроспективных наблюдений носителей языка, извлеченных из Интернета методом сплошной выборки.

Основные методы работы:

- метод контрастивного анализа;
- метод заочного анкетирования;
- описательный метод (наблюдение, обобщение, анализ, классификация).

Научная новизна работы заключается в подробном анализе употребления лексических единиц современной повседневной речи и в определении принципов речевой лексикографии как нового этапа развития дескриптивного лексикографического описания разговорной речи.

Теоретическая значимость исследования состоит в рассмотрении различных путей лексикографического описания устной повседневной разговорной речи, а также в определении понятия и принципов *речевой лексикографии*.

Практическое значение работы заключается в том, что рассмотрение возможных путей лексикографического описания спонтанной речи открывает широкие перспективы для создания разнообразных словарей, соответствующих принципам *речевой лексикографии*. Разработка принципов и структуры *Словаря русской повседневной разговорной речи* позволит в дальнейшем создать серию словарных статей (*лингвистических эссе*) для всех единиц его словника. Кроме этого, настоящая работа является частью большого проекта, направленного на формирование уникальной информационно-исследовательской лексикографической системы «Язык мегаполиса», предназначенной для создания настраиваемых мультимедийных словарей, описывающих современную русскую повседневную коммуникацию, и для многоуровневой обработки словарных данных по запросу пользователя.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты настоящего исследования были представлены в докладах и сообщениях на ряде научных конференций и семинаров:

- 1) XXXIX, XL, XLI и XLII Международные филологические конференции (Санкт-Петербург, март 2010, 2011, 2012 и 2014 гг.);
- 2) XII Невские чтения «Язык и культура — основа общественной связности» (Санкт-Петербург, апрель 2010 г.);
- 3) II Всероссийская научная конференция «Слово и текст в культурном сознании эпохи» (Вологда, сентябрь 2010 г.);
- 4) XII Конференция молодых филологов (Таллинн, февраль 2011 г.);
- 5) IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре (Ереван — Вермонт, март 2011 г.);
- 6) XIII Невские чтения «Коммуникация в условиях глобальной информатизации» (Санкт-Петербург, апрель 2011 г.);
- 7) Международные конференции «Диалог» «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (Москва (Бекасово), май 2011 г., июнь 2012 г.);

- 8) Фразеологический семинар проф. В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург, декабрь 2013 г.).

Основные положения работы отражены в следующих **публикациях** автора:

- 1) О возможностях лексикографического описания русской спонтанной речи // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура: Сборник статей. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 231-236 (в соавторстве с Ч. В. Чен);
- 2) К вопросу о возможности создания словаря живой русской речи // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 5. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 13-17;
- 3) Опыт лексикографического описания русской спонтанной речи (слова, обозначающие лицо женского пола в Звуковом корпусе русского языка) // Материалы XXXIX международной филологической конференции. Выпуск 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 54-70 (в соавторстве с Ч. В. Чен);
- 4) Новые коннотации старых слов (о лексикографическом описании русской спонтанной речи) // Образовательные технологии в виртуальном лингвокоммуникативном пространстве. IV Международная виртуальная конференция по русистике, литературе и культуре. 2-4 марта 2011 г. США, Вермонт, Мидлбери колледж. 2011. С. 166-170;
- 5) О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово,

- 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / Отв.ред. *А. Е. Кибрик*. М., РГГУ, 2011. С. 110-123 (в соавторстве с Н. В. Богдановой);
- 6) Из истории лексикографического описания русской разговорной речи (далеко ли до Даля?) // Материалы XL Международной филологической конференции. Выпуск 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2011. С. 160-182;
- 7) **Мужчинка: семантические метаморфозы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 2 (18). Пермь, 2012. С. 61-66;**
- 8) **Новые значения старых слов (корпусное исследование на материале повседневной русской речи) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. Вып. 1. Элиста, 2012. С. 12-17;**
- 9) О способах лексикографического описания русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 03 июня 2012 г.) / Отв. ред. *А. Е. Кибрик*. М., 2012. С. 510-521;
- 10) О создании словаря русской спонтанной речи: проблемы и перспективы // *STUDIA SLAVICA XI: Сборник научных трудов молодых филологов. Русистика и сопоставительные исследования.* / Отв. ред. *И. Адамсон*. Таллин: Издательство Таллинского университета, 2013. С. 79-91.
- 11) **О проблемах лексикографического описания русской спонтанной речи (на примере обозначений лица в Звуковом корпусе русского языка) // Мир русского слова. 2013, № 4. СПб., 2013. С. 41-46.**

- 12) Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов. Коллективная монография / *Н. В. Богданова-Бегларян (Богданова), И. С. Бродт (Панарина), Е. А. Зобнина, А. И. Кислощук, И. В. Никрус, Н. А. Осьмак (Андросова), Д. А. Пальшина* и др. / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014 (в печати).

Структура работы отражает ход исследования и включает введение, три главы, заключение, список использованных сокращений, словарей, литературы и Интернет-ресурсов, а также ряд приложений, содержащих образцы лингвистических эссе *Словаря русской повседневной разговорной речи* и результаты психолингвистических экспериментов в диаграммах.

ГЛАВА 1

РУССКАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ: ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА, ПЕРСПЕКТИВЫ

1.1. Разговорная речь как объект лексикографического описания

Процессы, происходящие в настоящий момент в русской разговорной речи (далее — РР), характеризуются многими лингвистами как «хаотические» (см, например: *Скляревская* 1996: 463; *Крысин* 2008: 110), что заставляет вспомнить о теории Е. Д. Поливанова, утверждавшего, что в период различных социальных потрясений *эволюционные* изменения в языке приобретают *революционный* характер (*Поливанов* 1931). Сложно сказать, насколько понятие «революционности» применимо к языку, который является достаточно стабильной системой, однако несомненно, что эта теория справедлива по отношению к речи. Долгое время под разговорной речью понималась «особая языковая система, противопоставленная в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку» (далее — КЛЯ) (*Земская* 1981: 5) и характеризующаяся следующими особенностями внеязыковой ситуации:

- 1) неподготовленность акта коммуникации;
- 2) непринужденность акта коммуникации;
- 3) непосредственное участие говорящих в акте коммуникации (*Земская* 1981: 5; *Сиротинина* 1983: 20).

Таким образом, важнейшими свойствами РР являются персональность общения (ситуация обращения одного конкретного человека к другому) и его ситуативность (опора на ситуацию общения и использование средств как вербальной, так и невербальной коммуникации). При этом разговорной речи противопоставляется понятие *городского просторечия*, носителями которого являются горожане по рождению (или лица, долго прожившие в городе), не овладевшие в достаточной мере нормами литературного языка. Носители же РР могут сознательно употреблять элементы просторечия для создания,

например, комического эффекта (такое просторечие называют еще *литературным*, или *функциональным*) (см., например: *Филин* 1979: 274; *Бельчиков* 1990: 402; *Химик* 2000).

Однако в последнее время в русском культурном и языковом пространстве произошла своеобразная «переоценка ценностей», проявившаяся, в том числе, в смене нормативных основ литературного языка (*Химик* 2004), что было вызвано рядом причин неязыкового характера. Среди них можно отметить и быстрый темп научно-технического прогресса, обусловивший появление новых средств коммуникации, отбросивших во многом назад использование письменной книжной речи, и демографические процессы, т. е. увеличение роли молодежи в жизни общества, и социальные изменения: появление свободы слова, расслоение общества, развитие рыночной экономики и пр. Все это обусловило значительную коллоквиализацию публичных сфер общения, насыщение их разговорными элементами (*Крысин* 2008: 110). Кроме этого, исторические события конца XX века вызвали постепенное уменьшение класса высокообразованных людей, тех самых носителей литературного русского языка. Все это привело, по меткому выражению В. В. Химика, к «тектоническому смещению функциональных стилей языка» (*Химик* 2004), а главное — к снижению уровня литературного языка, к тому, что Л. П. Крысин назвал «люмпенизацией языка». И. А. Стернин в своей работе «Социальные факторы и развитие современного русского языка» отмечает, что в современном российском обществе вследствие смены общественно-политической парадигмы происходит и смена коммуникативной парадигмы, т. е. доминирующего типа общения. (*Стернин* 2000). Результатом подобных изменений стали следующие процессы:

- *орализация* общения (возрастание роли устной речи как формы существования языка, расширение ее функций);

- *диалогизация* общения (повышение роли диалога в процессе коммуникации, формирование новых правил диалогического общения, развитие новых форм и видов диалогов);
- *плюрализация* общения (демократическое сосуществование дискурсов различного типа);
- *персонализация* общения (увеличение числа индивидуально неповторимых личностных дискурсов в коммуникативном пространстве языка) (Стернин 2000).

Наиболее заметно влияние этих процессов в лексико-фразеологической системе, где наблюдается и изменение коммуникативного ядра лексикона, и увеличение роли заимствования как одного из основных способов пополнения лексического состава языка. Кроме того, И. А. Стернин говорит об изменениях в русском бытовом дискурсе, «который стал диалогичнее, эмоциональнее, экспрессивнее и оценочнее, стал допускать более широкое использование единиц сниженных стилистических разрядов» (*там же*). Наконец, нельзя не сказать о произошедшей либерализации понятий *языковой нормы* и *культуры речи*, что выражается в увеличении количества допускаемых обществом отклонений от языковой нормы.

Таким образом, справедливым представляется утверждение Л. П. Крысина, что «современная разговорная речь по ее лексико-фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана» в работах Е. А. Земской и О. Б. Сиротиной (Крысин 2008: 111): она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно имеющие помету *разг.* в лексикографических источниках, так и те единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка².

² Ср.: «от современной разговорной речи в ее нейтральном слое невозможно (со стилистической точки зрения) отсечь обширный репертуар нелитературных и окололитературных — сниженно-обиходных, просторечно-профессиональных, жаргонных и полужаргонных средств» (Винокур Т. Г. 1988: 54); «Определение разговорной речи как непринужденной неофициальной речи горожан, не ограниченной рамками литературности (курсив мой. — Н. О.), в большей мере соответствует реальному месту разговорной речи в системе общенационального языка» (Сибирякова 1996: 115).

Иначе говоря, под русской РР можно понимать речь носителя языка, противопоставленную кодифицированному русскому языку, включающую в себя элементы нелитературного языка, признаваемые другими носителями нормативными (по крайней мере, в конкретной коммуникативной ситуации). При этом соблюдается уже упомянутый выше принцип трех «НЕ»: НЕподготовленность и НЕпринужденность речевого акта, а также НЕпосредственное участие в нем говорящих.

Так или иначе, разговорная речь оказывает непосредственное влияние на развитие языка. Многие явления, первоначально появившись в ней, в дальнейшем проникли в общий литературный фонд языка. Это делает актуальным изучение современной русской РР, особенно ее лексических ресурсов, а также ее словарное описание, поскольку «именно совокупность лексикографических изданий отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности» (Черняк 2004: 131).

В современной лингвистике лексикография определяется как самостоятельная научная дисциплина, занимающаяся созданием, изучением и использованием словарей (см. Дубичинский 2008: 8). При этом принято говорить о *теоретической лексикографии*, разрабатывающей типологию, макро- и микроструктуру словарей, и *практической лексикографии*, или собственно словарном деле. Русская лексикография, получившая свое начало в 1282 году (*там же*: 18), с первого списка объясняемых слов, помещенного в Новгородской кормчей, в настоящее время представляет собой целый комплекс различных направлений. Так, например, можно выделить историческую, терминологическую, компьютерную, фразеологическую, идеографическую и пр. лексикографии. Однако в рамках настоящего исследования остановимся на рассмотрении понятий прескриптивной (академической) и дескриптивной (диалектной и социолектной) лексикографии.

Традиция прескриптивной *академической* (нормативной³, или толковой) *лексикографии*, ставящей перед собой в качестве цели «отражение только тех фактов лексики и семантики, которые характерны для стандартного современного общелитературного, общеразговорного употребления как в его письменной, так и в устной форме; ничего индивидуального, ничего окказионального» (Герд 1990: 29-30), находит отражение в таких важнейших словарях, как «Толковый словарь русского языка в 4-х томах» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935-1940 гг.), «Словарь современного русского литературного языка в 17 томах», или Большой академический словарь (БАС) (издавался с 1950 г.), «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (первое издание — 1949 г.), «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, получивший название Малого академического словаря (МАС) (1981–1984 гг.), «Малый толковый словарь русского языка» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной (1990 г.), «Большой толковый словарь русского языка» (БТС) под редакцией С. А. Кузнецова (1998 г.) и ряд др.

Наряду с этим, существует богатая традиция дескриптивной *диалектной* (или региональной) *лексикографии*, предметом которой является лексика одного или нескольких говоров. В зависимости от широты территориального охвата лексики словари диалектов могут быть *общими* (включающими лексику всех диалектов языка), *региональными* (включающими лексику одного диалектного региона) и даже лексиконами одного говора⁴. По принципу отбора лексики выделяются словари *дифференциальные* и *полные* (недифференциальные). В словаре первого типа представлены как слова, отсутствующие в литературном языке (*копотно* — ‘пыльно’, *нелайдница* — ‘беда’, *напятнить* — ‘посыпать, обсыпать’, *заяристый* — ‘задиристый’), так и слова, встречающиеся в литературной речи, но имеющие особое, диалектное, значение — так называемые

³ Именно нормативным видел академический словарь Л. В. Щерба (см. Щерба 1974а). См. также рассуждения на эту тему в работе: Бабаев 2012: 23-27.

⁴ См., например: «Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)» (1984-1990 гг.).

семантические диалектизмы (*дворник* — ‘мужчина, пришедший жить в дом к жене’, *резкий* — ‘способный порезать’, *волочить* — ‘бороновать’)⁵. Словари *полного* (недифференциального) типа включают все бытующие в речи носителей говора слова: общенародные и локально ограниченные (см. подробнее *Дубичинский* 2008: 248-249)⁶.

Одной из первых лексикографических работ, описывающей богатство русских диалектов, стал «Толковый словарь живого великорусского языка», составленный В. И. Далем еще в середине XIX века (1863-1866 гг.). В своем словаре В. И. Даль представлял народную лексику в тесной связи с ее фольклорно-этнографической основой — такой подход получил в дальнейшем название *этнолингвистического* (*Плотникова* 2000: 32-33). Формирование словника словаря тесно связано с пониманием В. И. Далем народного языка, который он противопоставляет письменному и определяет как многообразный, но единый в лексическом отношении великорусский язык. А. А. Плотникова отмечает, что именно такая концепция словаря «народного языка» объясняет тот факт, что бо**ль**шее количество областных лексических единиц в нем лишены помет о географической локализации и тем самым отнесены к общей лексике (*там же*: 34). Словарь В. И. Даля составлен по алфавитно-гнездовому принципу, поскольку, по мысли автора, такой метод способствует раскрытию ассоциативно-ценностных связей между словами. Что касается раскрытия значения толкуемого слова, то В. И. Даль сознательно в большинстве случаев отказался от использования развернутых определений — он прибегает к этому приему, только когда дело касается вещественных толкований. Таким образом, логическому определению автор противопоставляет описательный метод толкования слов. При этом описания, предлагаемые им, могут различаться по объему в зависимости от особенностей описываемого явления, предмета и пр.

⁵ Так построены, например, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (1994-2005 гг.) и «Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь» (начал выходить в 2003 г., в 2013 г. вышел выпуск 5, издание словаря продолжается), созданные на филологическом факультете СПбГУ.

⁶ Так строится «Псковский областной словарь с историческими данными» (выходит с 1967 г.), также создаваемый на филологическом факультете СПбГУ.

В остальном автор широко пользуется подбором групп синонимов, антонимов и пр., после чего приводит большое количество иллюстративных примеров. Многие исследователи отмечают, что словарь В. И. Даля по типу словника, способам толкования и структуры словарных статей «полемически противопоставляется всей академической лексикографии» (Сороколетов 1974: 25).

В XX веке появилось большое количество авторитетных диалектных словарей, среди которых можно отметить «Словарь русских народных говоров» (выходит с 1965 г.) и «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) (выходит с 1967 г.), «Новгородский областной словарь» (2010 г.), «Архангельский областной словарь» (выходит с 1980 г.) и мн. др. В последнее время в диалектной лексикографии появились также комплексные словари, описывающие диалектную лексику одновременно с грамматической, идеографической и фразеологической точек зрения. К ним относится, например, словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» М. А. Алексеенко, Т. П. Белоусовой и О. И. Литвинниковой, вышедший в Москве в 2004 году, а также словарь «Глагольные омонимы русской диалектной речи» М. А. Алексеенко и О. И. Литвинниковой, увидевший свет в 2005 году.

Кроме этого, существует и богатая традиция также дескриптивной *социолектной лексикографии*, или *социолектографии*, занимающейся теорией и практикой составления словарей социальных диалектов (социолектов) (Рюмин 2008: 150). Под социолектом при этом понимается «речь “среднего индивида”», представляющего определенную социальную группу, культуру; иными словами, *социолект* — инвариантный признак социально маркированных подсистем языка» (Ерофеева Т. И. 2009: 28). О неиссякающем интересе к речи различных социальных групп общества свидетельствует большое количество лексикографических источников, количество которых постоянно растет. Среди них и словари речи деклассированных элементов, например: «Блатная музыка (“Жаргон”

тюрьмы)» В. Ф. Трахтенберга (1908 г.), «Словарь воровского и арестантского языка» В. М. Попова (1912 г.), «Словарь блатного воровского жаргона» Д. С. Балдаева в двух томах (1997 г.), «Словарь современного интержаргона асоциальных элементов» Влада Быкова (1994 г.), а также источники, отражающие сленги различного времени или различных социальных групп, например: «Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов)» под редакцией А. Н. Баранова (1997 г.), «Сленг хиппи» В. Ф. Рожанского (1992 г.), «Словарь молодежного жаргона» И. А. Стернина (1992 г.) и пр. Существует также большое количество Интернет-ресурсов, фиксирующих особенности языка неформалов: www.slovoborg.ru, www.slang.ru, www.lingvoforum.net/index.php, www.teenslang.su и мн. др., включая даже переводные словари — например, с разговорного русского на разговорный английский: <http://english-dictionary.ru>, <http://www.amalgam-lab.com>.

Однако непосредственно повседневная (бытовая) разговорная речь, со всеми особенностями ее спонтанного порождения, долгое время не была объектом лексикографического описания⁷, в первую очередь, из-за трудностей технического характера: отсутствия возможности фиксировать в больших объемах максимально естественную повседневную речь носителя языка. В настоящее время, в связи с ростом научно-технического прогресса, позволившего создавать массивные базы данных разговорной речи, лексикографы все чаще обращаются к этому материалу, делая именно его объектом своего исследования. Таким образом, можно сказать, что дескриптивная лексикография (диалектная и социолектная) получила в своем развитии еще одно направление, для обозначения которого можно предложить термин *речевая лексикография*. Научное обоснование для

⁷ Ср. уместные в этом контексте размышления об общетеоретической значимости корпусных исследований современной речи А. А. Кибрика и В. И. Подлесской: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как гезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» (*Рассказы о свидениях* 2009: 27).

подобного лексикографического описания в лингвистике хорошо проработано и базируется, в первую очередь, на изучении *языка города*. На этом языке разговаривает около 74 %⁸ населения России. При этом именно в городской среде языковая и речевая «картина все время меняется в силу постоянного притока разнообразного населения, которое, ассимилируясь, привносит, однако, кое-что и свое, а главное, стирает все чересчур индивидуальное» (Ларин 1977а: 177-178). В городской среде в тесном взаимодействии постоянно находятся различные социальные, возрастные и профессиональные группы, «в силу этого языковое разнообразие города двояко: 1) оно не только во встрече разноязычных коллективов (будем называть это многоязычием города, но еще и 2) в многообразии языковых навыков каждой группы (спаянной каким-нибудь одним наречием), т. е. в двудиалектности и многодиалектности, — в зачаточном или совершенном полиглотизме горожан» (Ларин 1977б: 190-191). Именно этот полиглотизм и дает возможность выделять язык города из ряда диалектов, и говорить о нем как об особом языковом и речевом явлении. Эта идея была высказана в 20-х годах Б. А. Лариным и определила появление нового, особого, направления языкознания, связанного с изучением лингвистической ситуации города. В своих работах (Ларин 1977 а, б) автор настаивает на изучении языка города не как «сниженного литературного языка» и не как «облагороженной крестьянской речи», а как отдельной, самостоятельной сущности, поскольку последний не совпадает по своей социальной основе и лингвистическим признакам ни с литературным языком, ни с диалектами, являя, наряду с ними, «третий основной круг языковых явлений» (Ларин 1977а: 178).

В дальнейшем идея изучения языка города нашла отражение в работах многих выдающихся лингвистов. Так, говоря о речи Петербурга, нельзя не отметить работы В. В. Колесова и В. В. Химика (Колесов 1991, 1998; Химик 2000, 2004); речь Москвы стала объектом изучения М. В. Китайгородской

⁸ По данным Федеральной службы государственной статистики на 2013 год.

и Н. Н. Розановой (*Китайгородская, Розанова* 1996, 1999, 2005, 2010), Заполярья и Приполярья — А. С. Герда и его коллег (*Богданов и др.* 1983, 1984 а, б; *Герд* 1984, 1986; *Русская разговорная речь* 1998, 2002, 2007), речь Омска фиксируется и анализируется в работах А. А. Юнаковской (*Юнаковская* 2007; см. также: *Воспоминания...* 1997), речь уральского города — в работах лингвистов Екатеринбурга и Перми (*Ерофеева Т. И.* 1979, 1991, 2004, 2009; *Ерофеева Е. В.* 1997, 2005; *Живая речь...* 1988, 1995, 2011; *Русская спонтанная речь коми-пермяков* 2007; *Русская спонтанная речь* 2010, 2012). Различные аспекты этой проблемы отражены и в работах Е. В. Красильниковой (*Красильникова* 1988; см. также: *Капанадзе, Красильникова* 1982), О. Б. Сиротининой (*Сиротинина* 1988), Е. А. Земской (*Земская* 1979, 1983, 1987, 1988, 2004), Л. П. Крысина (*Крысин.* 1989, 1994, 2003, 2008), Н. А. Прокуровской (*Прокуровская* 1996) и мн. др.

Лексикографическому же описанию языка и речи города долгое время не уделялось должного внимания, однако в последние десятилетия появился ряд работ, рассмотрение которых позволяет сделать определенные выводы относительно направлений такого исследования.

Во-первых, это опыт лексикографического описания непосредственно разговорной речи (*Скляревская* 2004; *Толковый словарь русской разговорной речи* 2010). Во-вторых, это лексикографическое описание городской речи, содержащей и разговорную речь, и городское просторечие, и диалектизмы (*Осипов* 2003; *Химик* 2004; *Морозова* 2010). Для того чтобы выявить характерные черты каждого из направлений, целесообразно рассмотреть и проанализировать упоминаемые словари подробнее, обратив особое внимание на следующие параметры:

- 1) принцип отбора материала и состав словника;
- 2) принцип подачи иллюстраций;
- 3) принцип отражения многозначности и грамматических особенностей;
- 4) принцип построения словарной статьи.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу лексикографических изданий, необходимо подробнее рассказать о каждом из них.

«Словарь современного русского города» под редакцией Б. И. Осипова, вышедший в свет в 2003 году, стал одной из первых попыток дать лексикографическое описание городской речевой ситуации.

«Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химики (2004) можно отнести к работам, выполненным в рамках описания городской речи, поскольку автор основную свою цель видел в «полной лексикографической фиксации, систематизации <...> своеобразного единства слов и фразеологических единиц с общим содержанием сниженности, неофициальности, фамильярности, шутливости, насмешливой или грубой оценки, брани, издевки, непристойности, т. е. особым образом систематизированного функционально-стилистического поля экспрессивов» (Химик 2004).

Проект «Словаря народно-разговорной речи г. Архангельска» под ред. О. Е. Морозовой (2010) также относится к «городской» лексикографии, поскольку, как следует уже из названия, посвящен представлению речи одного города.

Лексикографическое описание современной разговорной речи представлено такими изданиями, как «Толковый словарь современного русского разговорного языка» под редакцией А. Д. Куриловой (2007), проект «Нормативного толкового словаря живого русского языка» под редакцией Г. Н. Складневской (2007) и проспект «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (2010).

Рассмотрим далее основные принципы построения этих словарей.

1.1.1. Принцип отбора материала и состав словника исследуемых лексикографических изданий

«Словарь современного русского города» под ред. Б. И. Осипова (Осипов 2003) составители определили как словарь «народно-разговорной

речи современного города» (*там же*: 3), что подразумевает включение в его словник следующих пластов лексики:

- 1) разговорная речь носителей литературной нормы;
- 2) просторечие;
- 3) возрастные и социальные диалекты (жаргоны);
- 4) элементы территориальных диалектов (сельских говоров).

Основой данного словаря стала картотека словарного кабинета Омского государственного университета, создающаяся, во-первых, на основе личных наблюдений сотрудников, а во-вторых, при помощи записей речи горожан, сделанных студентами во время диалектологической практики. При этом информант должен был проживать в городе и родным его языком должен быть русский. Стоит отметить, что словарь построен по *дифференциальному принципу*, что подразумевает включение в состав словника лексем, характерных только для разговорной речи.

Основными источниками формирования словника «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика послужили записи публичной устной речи радио- и телепередач, газетно-журнальные публикации за предшествующие изданию 8–9 лет, тексты русского Интернета, записи обиходной городской речи, а также современная художественная литература. В состав словника вошли лексические единицы, составляющие так называемый общезтничный субстандарт:

- 1) разговорно-деловые или просторечно-деловые номинации, источником которых является литературный язык, с его системой словообразовательных средств, характерных для РР (*бомж, безнал, обменник, отксерить*);
- 2) традиционный пласт:
 - «старое» просторечие (*брульянт, ветеринарка, вдарить*),
 - экспрессивное просторечие — единицы, несущие этические ограничения в употреблении и не рекомендованные для использования (*америкашка, китаёза, косоглазый, жид*),

- лексика маргинального характера, включающая вульгарные единицы первичной физиологической номинации (*старый пердун, жопа с ручками*);

- матизмы;

3) жаргонное просторечие, основным источником которого являются социолекты (*заказуха, двинутый, камчатка, мотик*).

Таким образом, можно сказать, что при формировании словника данного словаря реализован принцип *стилистической/экспрессивной маркированности*.

Авторы «Словаря народно-разговорной речи г. Архангельска» (Морозова 2010) отталкивались от того, что традиционно городская речь включает различные пласты лексики: и просторечие, и различные социальные диалекты, и даже территориальные диалекты, обуславливающие специфику речи конкретного города. Существуют два способа подачи материала в этом словаре: первый — алфавитный; второй — разнесение пластов лексики по тематическим разделам. Составители указанного словаря считают второй путь наиболее удачным, поскольку он позволяет «увидеть своеобразие различных подсистем общенародного языка» (*там же*: 224). При этом сознательно ограничивается включение в региональный словарь общепросторечной лексики (в состав словника входят только слова, изменившие свое значение или область употребления, с указанием ссылки на словари, в которых они зафиксированы).

Что касается представленного в словаре материала, то он включает в себя следующие пласты лексики:

1) городское просторечие и реликты диалекта;

2) социальные диалекты (общемолодежный жаргон, жаргоны неформальных молодежных объединений, морской и рыбацкий профессиональные жаргоны).

Таким образом, принцип отбора материала в данном словаре можно обозначить как принцип *региональной маркированности*.

«Толковый словарь современного русского разговорного языка» (Курилова 2007) стал одной из первых воплощенных в жизнь попыток обращения к словарному описанию РР. Как пишет сам автор в предисловии, «цель Словаря — это фиксация и толкование наиболее употребительных лексических единиц разговорной речи» (*там же*: 3-4).

Основу словника составляют слова общей разговорной лексики, а также слова, традиционно относимые к общему городскому просторечию (элементы сельского просторечия сознательно не представлены). При этом особое внимание уделяется словам, приобретающим в разговорной речи значение, отличное от общеупотребительного. К просторечной лексике авторы относят также релятивы (слова, отражающие реакцию на реплику собеседника: *Отпад! Абзац!*)⁹. Кроме того, в состав словника вошли жаргонные слова, относящиеся преимущественно к общему жаргону, и ряд наиболее употребительных лексем из молодежного и армейского жаргонов. Таким образом, можно сказать, что словарь А. Д. Куриловой построен по *дифференциальному принципу*, так как указываются слова и значения, характерные именно для разговорной речи.

«Нормативный толковый словарь живого русского языка» (Скляревская 2007), по замыслу составителей, представляет собой «попытку отразить живой язык, данный в реальном употреблении, ориентированный на языковое сознание современников и обращенный непосредственно к говорящему человеку» (*там же*: 17). Подобная цель объясняет следование так называемому *принципу антропоцентричности*, выдвигаемому в качестве основного при формировании словника. Данный принцип выдвигает следующие требования к создаваемому словарю. Во-первых, он должен не просто отражать речевую ситуацию, а являться «идеализированной моделью,

⁹ В других терминах, это *коммуникативы* — «ответные реплики междометного типа, то есть единицы, лишенные номинативного значения и передающие только субъективные смыслы, такие как иллокутивный характер реплики и ментально-эмоциональное отношение говорящего к предмету речи и собеседнику» (Шаронов 2012: 218). Такие единицы, являясь элементами разговорной речи, уже становятся объектом отдельного лексикографического описания. См. также ниже (раздел 3.1.1 настоящего исследования) о словаре *редуцированных форм* русской речи или о материалах к словарю *вербальных хезитативов*, создаваемых на базе Звукового корпуса русского языка.

предназначенной для активного воздействия на общество» (*там же*: 18). Во-вторых, словарь должен быть ориентирован не на застывшую систему языка, а на языковую индивидуальность. Основными источниками при формировании словника послужили Электронный фонд современного русского языка, содержащий свыше 17 миллионов словоупотреблений, а также средства массовой информации, записи теле- и радиопередач, Интернет.

«Толковый словарь русской разговорной речи» (*Толковый словарь русской разговорной речи* 2010) в настоящий момент является наиболее проработанным и имеющим подробное теоретическое обоснование. Под «разговорной речью» его составители понимают «непринужденную, заранее не подготовленную, спонтанную речь носителей литературного языка, реализуемую в неофициальных, повседневных формах общения» (*Крысин* 2010: 16)¹⁰. Объектом лексикографического описания стала, таким образом, устная неподготовленная речь носителей русского литературного языка второй половины XX — начала XXI вв. При этом акцент делается на том, что основу словника составила разговорная лексика культурных центров России (Москвы и Петербурга).

В качестве основных критериев отбора лексем для словника этого словаря были выбраны следующие:

- 1) стилистическая окраска слова, фиксируемая в словарях при помощи помет *разг.*, *прост.*, *сниж.*, *неодобр.*, *груб.*, *фам.* и др., подтверждаемая представлением носителей языка¹¹;
- 2) сфера употребления слова (бытовые ситуации, неформальные, дружеские отношения);
- 3) фактор активного употребления слова (допускается включение наиболее употребительных лексем, характерных для речи определенных возрастных или профессиональных групп).

¹⁰ Те же три «НЕ», о которых говорилось выше.

¹¹ Не очень понятно, что стоит за этой формулировкой, однако никаких указаний на экспериментальные исследования с привлечением носителей языка словарь не содержит.

Основу словника составляют записи современной разговорной речи (созданные как ранее, так и при работе над данным изданием), материал современных словарей, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также современной публицистической и художественной литературы. Важно отметить, что в словаре получила отражение, прежде всего, коммуникативно наиболее актуальная, активная лексика.

Кроме этого, Л. П. Крысин сформулировал основные принципы, на которых должно строиться словарное описание разговорной речи. Их стоит рассмотреть подробнее.

Принцип диффузности заключается в необходимости отражения в словаре всех возможных лексических слоев (и разговорного варианта литературного языка, и заимствований из неcodифицированной речи — просторечия, социальных и пр. жаргонов) с соответствующими пометами, что обусловлено отсутствием четких границ в лексическом составе современной разговорной речи.

Принцип дифференциальности, нашедший отражение и в других лексикографических изданиях, реализуется как на уровне составления словника, так и на уровне словарной статьи. В первом случае он определяет включение в словарь только слов, характерных для РР; во втором — описание только тех лингвистических свойств слова, которые присущи ему именно как единице разговорной речи.

Наконец, *принцип маркированности*, который подразумевает наличие в словаре лексем, маркированных семантически, морфологически, синтаксически, стилистически или прагматически.

1.1.2. Принцип подачи иллюстративного материала

Что касается принципов подачи и источников иллюстративного материала, то можно сказать, что в дескриптивной лексикографии существует несколько подходов к решению этого вопроса:

- 1) источник примеров — записи устной речи;
- 2) источник примеров — записи теле- и радиопередач;

3) источник примеров — письменные тексты (художественная литература, материалы СМИ).

В некоторых словарях реализовано одновременно несколько подходов: например, в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (Химик 2004) и в «Словаре современного русского города» (Осипов 2003). В первом случае составитель обращается как к записям устной речи, так и к письменным текстам и к городскому фольклору. Во втором — к записям устной речи, сделанным во время диалектологической практики, и к письменным текстам, но только в качестве дополнительного материала, в случае если употребленное в них слово зафиксировано также и в живом употреблении. Текстовые примеры даны в фонетической «орфографии», с сохранением индивидуальных особенностей произношений информанта (например, оканье или эканье).

Составители «Словаря народно-разговорной речи г. Архангельска» (Морозова 2010) в качестве основного источника примеров используют записи устной речи, а также местную прессу, что объясняется принципом региональной маркированности.

В «Толковом словаре разговорного русского языка» (Курилова 2007) иллюстративный материал представлен примерами из современной художественной литературы, что, на наш взгляд, не всегда является удачным решением, поскольку не отражает реального употребления той или иной лексической единицы в речи.

Составители «Толкового словаря русской разговорной речи» (Толковый словарь русской разговорной речи 2010), опираясь на принцип дифференциальности, приводят примеры употребления лексем из записей устной речи, что дает представление о функционировании этих единиц в обыденных речевых ситуациях.

Достаточно интересным является подход авторов «Нормативного толкового словаря живого русского языка» (Скляревская 2007). Выдвигая утверждение о том, что живой язык — «язык, постоянно “видимый” (на

страницах книг и газет, на экране монитора) и “слышимый” (в официальной и обиходной русской речи), включающий и адаптирующий самые разнородные лексические элементы, от заимствований и терминологии до жаргона (на социальной оси) и от некоторой части архаизмов до неологизмов (на хронологической оси)» (Склярёвская 2007: 23), авторы, тем не менее, отказываются от использования в качестве источника иллюстративного материала записей живой речи, считая, что более предпочтительными являются примеры из традиционных письменных источников, а также теле- и радиопередач, поскольку они, в отличие от спонтанных диалогов, предполагающих лишь косвенное понимание, всегда ориентированы на семантизацию высказывания, а значит, информативны в лексикографическом отношении.

1.1.3. Принцип отражения многозначности

В большинстве словарей разговорной речи вопрос презентации полисемии решен достаточно традиционно, значения многозначных слов представлены двумя способами:

1) в отдельных абзацах после цифр с точкой, оттенки значений приводятся после знака (||);

2) в одном абзаце после общего толкования, нумеруются цифрами с закрывающей круглой скобкой, если возможно дальнейшее развитие многозначности.

В «Словаре современного русского города» (Осинов 2003) составители подходят к этой проблеме в соответствии с идеей семантического словообразования, ведущей свое начало от А. А. Потебни и активно разрабатываемой школой профессора В. М. Маркова: каждое новое значение, возникающее на базе метафоры, метонимии или конверсии, расценивается как образование нового омонима. По мнению авторов, трактовка разных значений, связанных между собой, как принадлежащих одному и тому же слову, недопустима, поскольку связь между значениями является обязательным признаком любого производного слова в его отношении

к производящему (Осинов 2003: 5). Такое решение вопроса о представлении многозначности не только имеет глубокие теоретические основания, но и является намного более удобным в практическом плане, поскольку позволяет избежать мнимой многозначности, зачастую фиксируемой в случае гиперонимии или при смешении референтного и понятийного значений слов.

В остальных словарях разговорной речи разграничение и отражение омонимов является более традиционным. Чаще всего выделяют следующие группы омонимов:

- 1) слова, имеющие различный источник происхождения (например, *брак*¹ — ‘супружеские отношения’, от гл. *брать*, и *брак*² — ‘недостаток, дефект’, от нем. *Brack*);
- 2) слова, имеющие общее происхождение, распавшиеся в ходе исторического развития на не связанные между собой семантические общности (например, *адаптация*¹ — ‘приживание’ и *адаптация*² — ‘усыновление’, произошедшие от общего лат. *adoptatio*);
- 3) слова, принадлежащие к разным частям речи (например, существительное *абзац*¹, обозначающее ‘отступ вправо в начале первой строки отрезка текста или часть текста между такими отступами’, и междометие *абзац*², служащее для выражения досады или раздражения).

В то же время в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» (Ваулина 2007), в дополнение к упомянутым группам, к омонимам относят и их дериваты (например, цепочку *ворот* — *воротник* — *воротничок* — *воротниковый*), а также совпавшие по форме сложносокращенные слова и аббревиатуры (например, *НПФ* — ‘негосударственный пенсионный фонд’ и *НПФ* — ‘научно-производственная фирма’, и т. п.).

1.1.4. Принцип построения словарной статьи

Пожалуй, одной из самых сложных проблем, стоящих перед лексикографом, является разработка структуры словарной статьи,

представляющей «описание словарной единицы, которое складывается из раскрытия ее важнейших свойств, predeterminedенных типом словаря» (*Лексикография русского языка 2009*: 48). Поскольку речевая лексикография находится в процессе становления, еще не определено, какие именно зоны должна содержать статья, описывающая речевую единицу. В анализируемых словарях применяются разные подходы, которые хотелось бы проиллюстрировать на примере словарных статей для одной и той же лексемы *баба* (в тех случаях, когда это возможно, поскольку некоторые лексикографические издания находятся только на стадии проектирования и их словарные статьи не всегда доступны).

Так, В. В. Химик в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» предложил пять различных типов словарной статьи:

- *лексическая*, содержащая толкование слова со всеми его значениями или оттенками значений,
- *семантическая*, в состав которой входит толкование только некоторых значений слов, обычно сниженных,
- *фразеологическая*, рассматривающая устойчивые единицы разных типов,
- *смешанная*, предлагающая толкование и слова, и фразеологизмов, содержащих его,
- *отсылочная*, представляющая собой отсылку на другие словарные статьи.

Таким образом, полная словарная статья в словаре В. В. Химика включает в себя:

- 1) заголовочное слово со всеми вариантами (произносительными, графическими, грамматическими, морфологическими);
- 2) грамматический комментарий;
- 3) толкование (развернутое объяснение или отсылочное определение);
- 4) иллюстративный материал;
- 5) стилистические пометы;

б) словообразовательные данные (через отсылку к производящему слову или список однокоренных слов в конце статьи);

7) синонимы.

В качестве примера можно привести следующую словарную статью, являющуюся по классификации, предложенной В. В. Химиком, смешанной:

- «*БА⁵БА, -ы, ж. Разг.-сниж. 1. Фам. или пренебр. Любая женщина, девушка. Молодая, здоровая б. ° Хитрая, злая б. [□□] Жена выглянула в прихожую. Снисходительно: — А! Это ты!.. Тебе какая-то баба звонила! В. Попов. Чернильный ангел. — А вы не собираетесь участвовать в следующих президентских выборах? — Даже мысли такой не допускаю... В нашей стране это нереально. Здесь уже сложившийся менталитет, традиции... Ну куда там, ну баба... Как это можно? АиФ 48/00 (≈ БАБЁНКА, БАБЕНЦИЯ, БАБЁХА, БАБЁШКА, БАБЁШНИК, БАБЕЦ, БАБЦА, БАБИНА, БАБИЦА). 2. Пренебр. Жена, любовница, сожительница. Зарплату он своей бабе всегда отдает...° У Петровича б. в столовой работает. [□□] Я могу бабе что-то соврать, если трахнул на стороне. Это бывает. Вернее бывало. АиФ 20/00. ...Витька Селиверстов? Ну этот, понятное дело, сколько хочешь возьмет. Трем бабам алименты платит, да и теперь с телками по кабакам шляется. В. Тучков. Скрытые пружины. 3. Груб. уничиж. О женщине как о низком по сравнению с мужчиной, слабом существе. [□□] «Чулки... Как баба!» — хохочет ему в лицо Витька. Бабами он называет девчонок, начиная с грудного возраста, а подлинные бабы — это тёхи и тёханы. А. Мелихов. Изгнание из Эдема. Я недаром сказал: бабами (а не женщинами) себя окружают, поскольку для меня «баба» — существительное общего рода, бабой может быть и обладатель двух точек с запятой. Ну, есть такая эпиграмма у Пушкина, да, да: то самое он так и назвал. Вл. Новиков. Сентиментальный дискурс. 4. Презр. бран. О слабом, безвольном или трусливом мужчине, утратившем мужские качества, уподобившемся БАБЕ (3 знач.) Эх, ты, б.! Хватит ныть, совсем уже бабой стал! [□□] Держи у себя в запасе... все синонимы бабы для того, кого нужно попрекнуть, чтобы слышала вся деревня, что лентяй и пьяница есть баба и дрянь. Н. Гоголь. Русский помещик. → ОБАБИТЬСЯ. 5. = БА⁵БКА (2 знач.) В цирк ходила с дедом и бабой. ° Баба Таня. ♣ Жили-были дед да баба... → БАБАНЯ.

♦Баба с возу — кобыле легче. Посл. груб. трад. О чьем-л. отказе от помощи, о неожиданном уходе, что расценивается говорящим как облегчение, избавление от лишних хлопот или обязательств. ° Часто говорится для того, чтобы сгладить неприятное впечатление от отказа или ухода. Петрович из бригады уходит? Ну и ладно, пусть идет, баба с возу — кобыле легче, молодого возьмем. [□□] — У тебя сколько сейчас дел

в производстве? — Двенадцать, — уточнил Кабанов. — Вот и работай, — напутствовал начальник, — а этому делу, слава богу, конец пришел. Главный подозреваемый мертв, сдавай папки в архив. Баба с возу — кобыле легче. Д. Донцова. Бассейн с крокодилами.

Баба с яйцами. Вульг. 1. Неодобр. ирон. О мужеподобной женщине с грубыми манерами поведения. *Какая она женщина? Да это мужик, баба с яйцами!* [□□] Она с удовольствием пила водку, залихватски ругалась матом и в работе не отставала от мужиков, поэтому в поселке ее звали — баба с яйцами. <http://www.brinkster.com>. 2. Одобр. Об энергичной, властной и решительной женщине, напоминающей своим поведением сильного мужчину. *Петровна? О, это баба с яйцами, знаешь, как завод держит? Ее все мужики у нас боятся. ° Завучем в школе Марья Ивановна, баба с яйцами — голос командира, поступь солдатская, взгляд прокурора.* (≈ МУЖИК В ЮБКЕ).

Базарная баба. Презр. разг.-сниж. О крикливой, грубой женщине с вульгарными манерами, склонной к скандалам, склокам. • Часто в сравнительном обороте. [□□] *Чудаковатый ты спорщик... Неужели слов тебе не хватает, что ты, как базарная баба, мне кукиш показываешь.* М. Шолохов. *Поднятая целина*. <...>» (Химик 2004: 28-29).

Как видно из этого примера, словарная статья представляет достаточно большой объем лингвистической информации — задействованы все семь зон, заявленных автором. При этом все указанные значения имеют экспрессивную окраску, обозначенную стилистическими пометами, что соответствует цели данного словаря. Однако приписывание слову той или иной стилистической характеристики основывается, по-видимому, на субъективном мнении составителя, поскольку других данных, полученных, например, в ходе психолингвистических исследований, не приводится.

По мнению О. Е. Морозовой, составителя «Словаря народно-разговорной речи г. Архангельска», наиболее целесообразным являются включение в словарную статью пяти зон (Морозова 2010: 225):

- 1) *нормативно-грамматическая зона* — отражает узуальное употребление слова, а также предлагает читателю рекомендации по его применению в речи;
- 2) *зона семантизации*, кроме словарной дефиниции, по замыслу составителей, будет содержать и эмоционально-оценочные пометы (например, *уничижит.*, *шутл.*, *бран.* и т. п.);

- 3) *функциональная зона* — включает пометы, отражающие сферу употребления слова (*диал., молод. и т. п.*), функционально-статистические пометы (*редкое, очень редкое и т. п.*), хронологические (*уст.* или датирование примера); и функционально-стилистические пометы.
- 4) *иллюстративная зона*;
- 5) *историко-энциклопедическая зона* — содержит как данные о происхождении слова (в случае заимствований или перехода слова из одной формы существования языка в другую), так и пометы энциклопедического характера, например, для слов, обозначающих утраченные реалии.

В «Словаре современного русского города» (Осипов 2003), как и в словаре В. В. Химика, можно выделить несколько типов статей: лексические и ссылочные (отмечены знаком ●), которые содержат либо отдельное слово, встретившееся в составе того или иного фразеологизма, с отсылкой к этому фразеологизму (● *ампер. см. ноль ампер*), либо фразеологизм с отсылкой к словарной статье, в которой дается его описание (● *баки забивать см. забивать*).

Полная статья в печатной версии словаря Б. И. Осипова содержит:

- 1) заглавное слово, выделенное прописным полужирным шрифтом, с ударением (при вариантности ударения приводятся варианты, при словах омонимах дается номер в омонимическом ряду);
- 2) финали грамматических форм;
- 3) грамматические пометы;
- 4) стилистические пометы;
- 5) пометы, отражающие сферу употребления;
- 6) пометы, отражающие фиксацию слова в прежних словарях;
- 7) толкование слова с возможными элементами исторического, этимологического, словообразовательного, грамматического комментария;

- 8) синонимы;
- 9) датированные примеры употребления;
- 10) фразеологизмы с данным словом.

В электронной версии рассматриваемого словаря единицы словника дополнительно снабжены пометами, представляющими собой номера акцентных парадигм, что дает возможность автоматически показывать все слова с однотипным ударением. Важно отметить, что электронная словарная статья состоит из отдельных зон, что позволяет выводить (на экран компьютера) лексикографическую информацию по мере необходимости.

В качестве примера приведем следующую словарную статью из словаря Б. И. Осипова:

- «БА⁵БА, -ы, -ы, - \emptyset — *сущ. 1 скл. жен. р. одуш. — нейтр. — общеупотр. — БАС, МАС, Даль. — Бабушка. — ба⁵ушка — [ма⁵ленькая семья⁵ была⁵, ну-чѐ-там, де⁵да-ба⁵ба] 1988» (Осипов 2003: 21).*

Безусловным достоинством данной структуры словарной статьи является зона, представляющая информацию о фиксации значения в других словарях, а также иллюстративный материал, представленный в виде транскрипции, что позволяет «услышать» слово. В качестве недостатка можно выделить тот факт, что приводится только один, не очень полный контекст, полученный в 1988 году, т. е. современная речевая ситуация иллюстрируется далеко уже не современными примерами.

Полная словарная статья «Толкового словаря разговорного русского языка» (Курилова 2007) имеет следующую структуру:

- 1) заголовочное слово;
- 2) грамматические и лексико-стилистические пометы;
- 3) толкование одного или нескольких значений;
- 4) текстовый пример;
- 5) прямое значение слова;
- 6) этимологическая справка (для слов иностранного происхождения);
- 7) фразеологизмы после знака \diamond .

Проиллюстрируем данную структуру на следующем примере:

- «БА⁵БА, ж., пренебр. О слабом, нерешительном или трусливом мужчине, мальчике. — *Не бойся!* — *напутствовал его Сенька.* — *Смелее!* *Не будь бабой!* *Вода теплая!* *Не зима!* Н. Никандров, Береговой ветер. ПРЯМ. ЗНАЧ.: 1. Замужняя крестьянка. 2. Жена. 3. Женщина. 4. Бабушка» (Курилова 2007: 15).

Особенностью этой статьи, по сравнению с предыдущими, является упоминание прямого значения единицы, фиксируемого в толковых словарях. Это позволяет наглядно проследить изменения, произошедшие в ходе употреблении слова в речи.

Что касается структуры словарной статьи «Толкового словаря русской разговорной речи» (Толковый словарь русской разговорной речи 2010), то она внешне отличается от традиционной, поскольку содержит зоны, обозначенные специальными метками. В каждой из зон представлен определенный тип лексикографической информации:

- 1) зона входного слова (не имеет специальной метки) содержит само слово со знаком ударения, а также при наличии — акцентные и орфографические варианты;
- 2) зона толкования и иллюстративных примеров (метка DEF) включает все значения (в случае многозначности отмечены разными цифрами) и примеры с указанием источника;
- 3) зона морфологических сведений (метка MORPH), в которой указываются основные морфологические характеристики слова и даются краткие контексты его употребления;
- 4) зона сведений о синтаксических характеристиках слова (метка SYNT);
- 5) зона стилистических помет (метка STYL);
- 6) зона синонимов входного слова (метка SYN);
- 7) зона антонимов входного слова (метка ANT);
- 8) зона конверсивов входного слова (метка CONV);
- 9) зона аналогов входного слова (метка ANALOG);
- 10) зона фразеологизмов (метка PHRAS);

11) зона сведений об условиях употребления данной единицы в речи (метка PRAGM).

Подобная структура обеспечивает наглядность представления лексикографического материала и позволяет, в случае создания электронной версии словаря, облегчить перенос данных, а также выводить информацию на экран по заранее заданным параметрам, что даст возможность решать те или иные конкретные лингвистические задачи. Например, можно получить только толкования анализируемых слов или только их морфологические параметры. Ср.:

• **«БАБА»**. 1. DEF: женщина. (Сердито урезонивает подругу): *Вроде взрослая баба / а ведет себя как блин не знаю что... Вот чё ты ревёшь опять? Я эту бабу уже видел здесь с другим кавалером; Она такая баба классная! Вот дурная баба / опять поругалась с мужем /. Как говорится [гр'ицца], все бабы — дуры, а мужики — сволочи. Курица не птица, баба не человек.*

MORPH: ж.; одуш.

STYL: фам., сниж.

PHRAS: **базарная баба** — о невоспитанной, грубой, крикливой женщине. *Это такая баба базарная, с ней лучше не связываться, себе дороже; снежная баба* — фигура из снега в виде трех слепленных комков разной величины, поставленных друг на друга; снеговик. *Мы всегда лепим снежную бабу во дворе.*

2. DEF: пожилая или старая женщина. **Баба Маша** / *наша сторожиха в садике / очень хорошая бабулька // Я свою соседку бабу Марусю очень люблю.*

MORPH: ж.; одуш.

STYL: фам.

SYN: бабка, бабуля, бабуся, мать (во 2 знач.)

PRAGM: обычно употребляется в сочетании с именем собственным; часто употребляется в качестве обращения к хорошо знакомой пожилой женщине. **Баб Кать**, *ты сегодня с Сережкой посидишь? Дети-то тебя навещают, баб Зин?*

3. DEF: жена. *Я со своей бабой тридцать лет прожил душа в душу; Мне моя баба грехов молодости до сих пор простить не может; У него баба только и делает, что тряпки себе покупает.*

MORPH: ж.; одуш.

SYNT: часто употребляется в сочетании с притяжательным местоимением.

STYL: фам., сниж.

4. DEF: бабушка. **Баба**, пошли гулять! Сейчас, сейчас, **баба** тебя спать положит.

MORPH: ж.; одуш.

STYL: детск.

5. перен. DEF: о слабохарактерном мужчине. Ты просто **баба**, а не мужик. Можешь ты на что-нибудь решиться? Это он дома на жену орёт, а на работе **баба бабой**.

MORPH: м.; одуш.

STYL: презр.

6. DEF: сшитая в виде женской фигуры матерчатая покрывка на заварочный чайник, предназначенная для сохранения тепла и тем самым для более длительного настаивания чая. — Мне такую **бабу** на чайник подарили, класс! — А мне сразу двух **баб**, только разных.

MORPH: ж.; одуш.» (Толковый словарь русской разговорной речи 2010: 42-43).

Из приведенного примера видно, что обозначение зон метками позволяет быстрее находить интересующую информацию даже в печатном варианте. Несомненным достоинством данной словарной статьи является полнота лексикографического представления единицы, особенно включение сведений об условиях употребления ее в речи (ролевые различия, гендерные предпочтения и т. п.) (зона PRAGM). Что касается недостатков, то можно отметить соединение иллюстративного материала с толкованием значения в одной зоне, что не кажется оправданным и несколько затрудняет восприятие.

Словарная статья «Нормативного толкового словаря живого русского языка» (Скляревская 2007) построена традиционным образом и включает в себя следующие зоны:

- 1) зона входного слова, в которой присутствует само слово с проставленным ударением и, при наличии, варианты (акцентные или орфографические);
- 2) зона толкования и иллюстративных примеров (используются различные виды семантизации: сущностные/денотативные, номинальные, эквивалентные или отсылочные);
- 3) зона семантических связей и корреляции (содержит синонимы и антонимы входного слова);

- 4) нормативная зона (стилистические пометы, пометы запретительного характера);
- 5) зона грамматической информации (содержит традиционный для отечественной лексикографии набор грамматических сведений);
- б) зона синтаксической информации (примеры синтагмы, указание на управление);
- 7) зона прагматической информации (пометы, отражающие модальность);
- 8) этимологическая зона (для заимствованных слов);
- 9) зона фразеологизмов.

В качестве примера приведем статью из этого словаря для лексемы *бабуся* (статья для лексемы *баба* недоступна, поскольку в настоящее время опубликованы только отдельные статьи или их фрагменты):

- «**Бабуся**, и, ж. Разг. Ласк. = Бабуля (1 знач.). *Добрая, ласковая б. Приехать к бабусе в гости. Привезти бабусе гостинцы*» (Антошинева 2007: 218).

Данную словарную статью сложно охарактеризовать, поскольку в ней представлен довольно небольшой объем информации, однако можно сказать, что она практически ничем не отличается от статей, представленных в прескриптивных словарях, а значит, недостаточно отражает особенности употребления единицы в речи. Кроме этого, в статье, приведенной в качестве примера, не находят отражения некоторые из заявленных зон, например, зона семантических связей и корреляции (т. е. синонимы и антонимы) и зона прагматической информации, что свидетельствует о некоторой непоследовательности авторов.

1.1.5. Выводы

Проведенное сопоставление указанных лексикографических изданий показало, что ключевым в организации дескриптивного словаря является в настоящее время *принцип дифференциальности*, оказывающий влияние и на отбор материала для словника, и на выбор источников иллюстративных примеров, и даже на структуру словарной статьи. По сути, все остальные

принципы, выдвигающиеся в качестве основных составителями анализируемых словарей, выступают как более частные «проявления» или модификации принципа дифференциальности (например, принцип региональной маркированности или антропоцентричности). При отходе от этого принципа лексикограф неизбежно сталкивается с проблемой переизбытка информации, а также отступает от главной цели — описания русской разговорной речи, возвращаясь к ставшему уже традиционным описанию русского разговорного языка. С точки зрения лексикографического описания именно РР, наиболее удачным представляется «Толковый словарь русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина, что объясняется и соблюдением принципа дифференциальности, и обращением к записям устной речи в качестве иллюстративного материала, и интересным решением проблемы структуры словарной статьи. Однако ни один из существующих словарей не дает возможности в полной мере проследить особенности употребления лексических единиц в современной повседневной разговорной речи носителей языка, что отчасти связано с вопросом поиска материала, который предоставил бы возможность комплексного лексикографического исследования повседневной спонтанной речи. Объектом описания всех представленных словарей является слово. Однако для комплексного представления русской повседневной разговорной речи такой подход является недостаточным, так как неохваченными окажутся речевые единицы других уровней, которые и создают речевое богатство русского языка. При этом отказываться от описания речи в лексикографическом русле не стоит, поскольку оно является одним из наиболее оптимальных способов представления языкового и речевого материала, ведь, как писал Ю. Н. Караулов, «любые данные о языке (а значит, и речи. — *Н. О.*) могут быть представлены в лексикографической форме» (*Караулов* 1986: 13).

В современной лингвистике существует появившееся в Казанском университете во второй половине 80-х годов направление *лингвография*, объектом описания которой является язык, различные языковые единицы

(см.: *Компьютерная лингвография* 1995: 8). Результатом работы лингвиста в этом случае становится не словарь, а так называемый *лингварий* — «справочник, представляющий пользователю упорядоченную совокупность языковых единиц (слов, морфем, словосочетаний и т. п.) и их характеристики» (*там же*: 11). С учетом такой «предыстории» термин *речевая лексикография* целесообразно ввести для обозначения *направления лингвистических исследований, занимающихся описанием современной повседневной разговорной речи (во всем разнообразии ее функциональных единиц) и представляющих результаты такого описания в произведениях словарного или справочного типа*. Источниками материала для работ в русле речевой лексикографии становятся собрания записей (корпусы) устной речи; некоторые из них целесообразно рассмотреть подробнее.

1.2. Речевые и языковые базы данных как источник лексикографического описания русской разговорной речи

Как показал обзор лексикографических изданий, большинство словарей, описывающих русскую разговорную речь, так или иначе созданы на основе записей устной речи. Действительно, подобных работ по сбору материала довольно много (см. выше, в разделе 1.1, обзор соответствующей литературы). Можно отметить среди них, например, записи, сделанные М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой и нашедшие отражение в книге «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект» (*Китайгородская, Розанова* 2005).

Первый блок текстов этой книги составляют рассказы-воспоминания о Москве и москвичах, т. е. монологи нарративного характера. Для этого блока были опрошены 16 человек, по каждому из которых представлена информация о возрасте, происхождении, годе записи и пр.

Второй блок — это записи, дающие представление о жизни и быте Москвы 80-90х гг. XX в. В них отражено «языковое существование семьи в типовых коммуникативных ситуациях» (*Китайгородская, Розанова* 2005: 14). Данные тексты распределены по ситуации общения, что соответствует

коммуникативно-ситуативному принципу формирования корпуса текста. В большинстве своем это диалоги, однако встречаются и монологи.

Хотелось бы упомянуть и о записях речи коми-пермяков, собранных под руководством Т. И. Ерофеевой (*Русская спонтанная речь коми-пермяков* 2007). Целью этой работы было представить спонтанные тексты информантов в том виде, который позволял бы исследовать интерференцию между коми-пермяцким и русским языками с разных точек зрения. В хрестоматии представлены 22 спонтанных текста общей продолжительностью 1 час 25 минут. Возраст информантов — от 20 до 89 лет. Тексты в хрестоматии расположены по возрастному параметру: от самого старшего информанта к более молодым. Так создается возможность проследить изменения, происходящие в русском языке коми-пермяков в зависимости от поколения. Тексты представляют собой рассказы информантов о себе, т. е. монологи. В некоторых случаях, если информант испытывал проблемы с порождением спонтанной речи, ему задавались наводящие вопросы.

Уже на примере этих двух работ можно сказать, что такого рода записи отражают речь конкретного города или региона, т. е. эти данные проблематично использовать для создания словаря русской разговорной речи. Кроме того, состав информантов, к которым обращались исследователи, не сбалансирован по возрастному и гендерному признакам. Так, например, в хрестоматии «Русская спонтанная речь коми-пермяков» отражена речь только двух мужчин (на фоне 20 женщин).

Однако сама идея обращения к корпусам текстов (текстотекам) для лексикографического описания русской спонтанной речи кажется весьма привлекательной, поскольку, как известно, именно корпусный подход к описанию явлений живой речи позволяет положить в основу такого описания две самые важные вещи — словарь и грамматику. Речь идет, разумеется, о словаре и грамматике не языка, который описан в этом

отношении достаточно полно и всесторонне, а о *грамматике речи*¹² и *речевом лексиконе*, к созданию которых современная лингвистика еще только подступает.

Прежде чем приступить к обзору существующих корпусов русского языка, необходимо дать определение самому понятию *корпус*, а также немного подробнее остановиться на предпосылках возникновения такого направления в современной науке, как *корпусная лингвистика*.

Достаточно долгое время объектом лингвистических исследований был *язык*, являющийся относительно *стабильной системой*. Однако в условиях постоянной модернизации и развития всего общества, наблюдается постепенный переход к представлению о том, что в центре лингвистического исследования должна находиться *речь*, т. е. постоянно *изменяющаяся система*, язык в действии, в процессе речевой коммуникации. Соответственно перед лингвистами встал вопрос поиска источников, на базе которых можно было бы проводить изучение речи. Очевидным стало решение проводить исследования на образцах речи, письменной или устной, в зависимости от цели, стоящей перед лингвистом. Именно это и стало предпосылкой появления в современной лингвистике такого понятия, как *корпус*, и целого направления — *корпусной лингвистики*.

В настоящее время существует большое количество трактовок термина «корпус». Проводится определенная дифференциация между корпусом письменных текстов и корпусом устных текстов. В настоящей работе под корпусом понимается собрание письменных и/или устных текстов,

¹² Ср.: «Устная речь в быту не только произносится, но и имеет организованные формы своего построения» (Виноградов В. В. 1963: 17). Эти «организованные формы» еще предстоит выявить и описать, потому что, по мнению Л. В. Щербы, «если и изучать какую-то грамматику ради грамматики, то следует изучать только грамматику живого, произносимого языка» (Щерба 1957: 14). См. также далее: «Ведь изучение грамматики сводится к наблюдению над существующим в языке: наблюдать же можно только то, что хорошо известно, а вполне хорошо известен детям (да и взрослым) только произносимый и слышимый язык. Кроме того, наблюдать полезно то, что живет, так сказать, полной жизнью и свободно развивается — таков произносимый язык; язык же написанный является до некоторой степени *мертвым языком* (курсив мой. — Н. О.) и лишь насильно вталкивается школой в наши умы. Наконец, написанный язык живет не самостоятельно, а питается соками живого, произносимого языка — лучше же наблюдать источник жизни, нежели его наросты; к тому же в развитии произносимого языка участвуют силы всего народа, а письменного — лишь ничтожной его части» (там же: 14-15). О существовании грамматики речи, отличной от грамматики языка см. также: Соссюр 1933: 44; Мартине 1963: 389.

доступных в компьютерной форме и снабженных достаточной аннотацией и документацией, позволяющей использовать данные как для внутреннего, так и для внешнего пользования (см. *Handbook of Standards...* 1997: 79). Действительно, пожалуй, одним из важнейших свойств корпуса является его доступность для многих исследователей, что в настоящее время полностью поменяло требования к научным работам различного рода: обращение к корпусу того или иного языка становится необходимым условием получения наиболее полной картины функционирования того или иного языкового явления.

Если говорить о современном этапе развития корпусной лингвистики, то сейчас активно проводятся исследования языка и речи на всех уровнях: лексики, морфологии, синтаксиса, дискурса в целом и т. п. В качестве определенной тенденции отмечают увеличение интереса к изучению устной речи, что сопровождается работой над созданием соответствующих корпусов. Интерес лингвистов вызывает также проблема создания мультилингвальных корпусов.

Нельзя не упомянуть и о практической значимости корпусных исследований. Именно работа с корпусами позволила ученым значительно продвинуться в таких сферах, как компьютерный перевод, создание искусственного интеллекта, автоматическое распознавание и синтез речи и мн. др. (см. *Полевая лингвистическая практика* 2007: 18-21).

На протяжении долгого времени русский язык оставался одним из крупнейших языков, не имеющих своего корпуса текстов, доступных для исследователей. Существовали отдельные лингвистические базы данных или просто записи, но они не обладали, во-первых, сбалансированным характером, а во-вторых, не содержали разметки, что затрудняло работу с ними.

В настоящий момент наиболее известными корпусами русского языка являются следующие:

- 1) Тюбингенский корпус (университет г. Тюбингена, Германия);

- 2) Корпус текстов русских газет конца XX века (Лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова);
- 3) Хельсинский аннотированный корпус ХАНКО (Отделение славянских и балтийских языков и литератур Хельсинского университета, Финляндия);
- 4) Корпус русского литературного языка КРЛЯ (Санкт-Петербургский государственный университет и Институт лингвистических исследований РАН);
- 5) Национальный корпус русского языка НКРЯ (Ассоциация «Национальный корпус русского языка» в рамках программы РАН «Филология и информатика»);
- 6) Корпус «Рассказы о сновидениях», представляющий речь детей и подростков (проект А. А. Кибрика и В. И. Подлесской).

Разумеется, корпуса русского языка не исчерпываются данными ресурсами. Долгое время самым известным оставался Уппсальский корпус, созданный шведскими учеными-русистами и содержащий 1 млн. словоупотреблений, без лемматизации и морфологической разметки. В дальнейшем он лег в основу Тюбингенского корпуса. Из других проектов следует упомянуть следующие:

- 1) Машинный фонд русского языка (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН);
- 2) Параллельный русско-финский корпус (университет г. Тампере, Финляндия);
- 3) Фонетический фонд русского языка, созданный под руководством Л. В. Бондарко (СПбГУ) и К. Саппока (университет г. Бохума, Германия);
- 4) Международный банк данных по детской речи CHILDES, осуществляемый под руководством американского ученого Б. Мак-Винни;

5) Звуковой корпус русского языка (филологический факультет СПбГУ)¹³.

Для исследования речевого лексикона стоит использовать корпуса, содержащие образцы устной речи. Из перечисленных шести наиболее известных корпусов только два («Национальный корпус русского языка» и корпус «Рассказы о свидениях») содержат устные тексты. Именно поэтому они представляют наибольший интерес с точки зрения использования их материалов для лексикографического описания современной речи.

1.2.1. Корпус устных текстов Национального корпуса русского языка

Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ) — это отвечающий современным требованиям корпус современного русского языка. В настоящее время корпус частично представлен в электронной форме и его объем составляет более 120 млн. словоупотреблений.

НКРЯ представляет собой Интернет-ресурс, созданный благодаря сотрудничеству московских и петербургских лингвистов, а также разработчиков поисковой системы Яндекс. Координаторами лингвистической составляющей проекта являются Е. В. Рахилина и В. А. Плунгян в Москве и В. Б. Касевич и Н. Н. Казанский в Санкт-Петербурге.

НКРЯ представляет собой действительно огромный лингвистический материал, который подразделяется на несколько подкорпусов, различающихся не только по принципу отбора материала, но и по степени его аннотированности. Можно выделить следующие типы текстов, нашедших отражение в данном корпусе:

- 1) письменные тексты различных жанров (художественная литература, публицистика, научно-популярные тексты, бытовые тексты и пр.), представляющие литературный русский язык;
- 2) устные диалектные тексты;

¹³ См. о нем подробнее раздел 2.2 настоящей работы.

3) устные тексты, отражающие современную речевую ситуацию.

Особый интерес, с точки зрения лексикографического описания современной разговорной речи, представляет последний тип источников, представленный в «Корпусе устных текстов» (далее — КУТ). Е. А. Гришина и С. О. Савчук выделяют следующие особенности корпуса устных текстов НКРЯ:

1) КУТ содержит подлинные целые тексты объемом более 7,5 млн. словоупотреблений;

2) объем текстов позволяет судить о частотности или случайности явления, а также получать статистические данные о закономерностях функционирования единиц;

3) представленные тексты являются разнородными с точки зрения половозрастного, социального, профессионального состава говорящих, а также времени и географии записей (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Саратов, Самара, Таганрог, Воронеж, Новосибирск, Ульяновск, Екатеринбург, Кировская область);

4) временной диапазон, охваченный текстами, составляет около 70 лет, если вести отсчет от транскриптов кинофильмов 1930-х годов. Если говорить о записях собственно устной речи, то они велись с 1956 г. по весну 2008 г., что позволило осуществить ряд исследований, направленных на выявление изменений в устной речи. Большая часть относится все же к современному периоду — 2003-2006 гг, около 400 тыс. словоупотреблений — к 1990-м годам, 260 тыс. — 1970-ые гг., 160 тыс. — 1980-ые гг., 160 тыс. — до 1970 г.;

5) устная речь, представленная в КУТ, относится к разным сферам функционирования: это и разговорно-бытовая, и научная, и публицистическая, и официально-деловая, и производственно-техническая, и другие сферы общения;

б) по степени спонтанности тексты КУТ можно отнести к квазиспонтанным, включающим интервью, репродуцирование чужой речи, монологи на известную тему и пр.;

7) уникальным компонентом КУТ является подкорпус кино, включающий транскрипты игровых и мультипликационных фильмов (*Гришина, Савчук 2009: 130-133*).

Основными источниками при создании КУТ стали:

1) записи устной речи, опубликованные в различных хрестоматиях, составленных научными коллективами под руководством М. В. Китайгородской, А. С. Герда, О. А. Лаптевой, Н. Н. Розановой, Е. А. Земской и др.;

2) неопубликованные записи, собранные в исследовательских центрах;

3) стенограммы бесед социологов, предоставленные фондом «Общественное мнение»;

4) записи устных текстов, выполненные сотрудниками корпуса.

Структуру КУТ см. в табл. 1.1 (*Гришина, Савчук 2009: 133-134*):

Таблица 1.1

Состав корпуса устных текстов НКРЯ

Сфера функционирования	Тип текста	Количество словоупотреблений	Соотношение (в %)
Устная публичная речь	Беседа	1064750	27,1
	Интервью	305775	7,8
	Дискуссия	1920306	48,9
	Лекция	116636	3
	парламентские слушания	86640	2,2
	Конференция	48972	1,2
	круглый стол	49177	1,3
	Рассказ	75585	1,9
	Прочие	181547	6,1
Итого в КУТ¹⁴		3930076	52,0
Устная непубличная речь	Разговор	583752	76,6
	телефонный разговор	79990	10
	Рассказ	47340	6,2
	Пересказ	12533	1,6
	Микродиалог	25435	3,3
	Прочие	12916	1,8

¹⁴ Допускается отнесение текста к нескольким типам.

Итого в КУТ		761966	10,0
Речь кино	Кинодрама	661963	23,5
	Кинокомедия	1049043	37,2
	Кинодетектив	256423	9,1
	Киноповесть	2339922	8,5
	Кинофантастика	83812	3
	детское кино	233797	8,3
	Прочие	294427	10,4
Итого в КУТ		2819394	38,0

Система аннотирования в «Национальном корпусе русского языка» варьируется в зависимости от подкорпуса. Как и все тексты НКРЯ, «Корпус устных текстов» содержит большинство типов разметки: *морфологическую*¹⁵, *семантическую*¹⁶ и *метаразметку*¹⁷. Однако лингвистическая аннотация устных текстов этим не исчерпывается. Большое количество искаженных форм, характерных для устной речи (например, *щаз, здрасьте* и пр.), вызвало необходимость разработки *сохраняющей разметки*, которая позволяет работать с ними. Была также добавлена *социологическая разметка* — характеристика словоупотребления с точки зрения пола и возраста говорящего, что позволяет получить социолингвистическую информацию.

1.2.2. Корпус «Рассказы о сновидениях»

Корпус «Рассказы о сновидениях» состоит из 129 рассказов детей и подростков от 7 до 17 лет. Это достаточно небольшой по объему блок материалов (около 14 тысяч словоупотреблений), однако его вполне можно считать репрезентативным с точки зрения представленности русского устного дискурса, поскольку к этому возрасту формируются основные навыки использования языка и речи. Корпус представляет устную спонтанную монологическую речь определенного коммуникативного сценария — рассказа на свободную тему (о своем сновидении). Суммарная продолжительность звучания — 6974,6 секунды, т. е. чуть меньше двух часов (*Рассказы о сновидениях 2009*).

¹⁵ Морфологическая разметка заключается в приписывании каждой словоформе ряда помет, указывающих на ту или иную грамматическую характеристику.

¹⁶ Семантическая разметка отражает семантические характеристики той или иной лексемы (например, разряд и пр.)

¹⁷ Метаразметка заключается в снабжении текста максимально полным библиографическим описанием.

Данный корпус содержит *экстралингвистическую* и *фонетическую разметку*. Первая представлена информацией о рассказчике (пол, возраст, инициалы, для рассказчиков с невротическими расстройствами — диагноз), а *фонетическая разметка* заключается в отражении характеристик особенностей произношения, например, физиологических и аффективных проявлений (вдохи, насморк и пр.), глобальных просодий (длинные паузы, перепады громкости и пр.), тональных просодий (фальцет, низкий голос и пр.), акцентов, сегментных явлений (картавость и пр.).

1.2.3. Выводы

В настоящее время корпусное описание русского языка активно развивается. Очевидно, что в большей степени представлены письменные тексты различных жанров (это и художественная литература, и публицистика, и научно-популярные тексты, и др.). Что касается устных текстов, то можно сказать, что корпусная лингвистика только подступает к созданию ресурсов, отражающих состояние современной устной речи. Корпусы, содержащие устные тексты («Национальный корпус русского языка» и корпус «Рассказы о сновидениях»), открыли новые горизонты для работы лингвистов по исследованию УР. Однако записи КУТ были сделаны в разное время, разными специалистами, исходя из разных принципов, а корпус «Рассказы о сновидениях» представляет только речь детей, частично больных, что ограничивает возможности использования данного материала с целью получения лексикографической картины современной устной повседневной речи.

ГЛАВА 2

ПОВСЕДНЕВНАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Определение основных понятий

Последние десятилетия в лингвистике можно охарактеризовать как «эпоху» изучения устной речи — именно в этот период появилось большое количество работ, посвященных изучению различных процессов и специфики УР. Несмотря на это, интерес лингвистов к письменным текстам продолжает преобладать¹⁸, что отчасти можно объяснить доступностью и долговечностью зафиксированного на бумаге языкового материала, а также сформированностью соответствующего понятийного и терминологического аппарата.

Очевидно, что начавшаяся в лингвистике с середины 60-х годов XX века так называемая «золотая лихорадка» в изучении теории и практики устной речи (Костомаров 2005: 137) привела к пополнению терминологического корпуса в этой области. Так, в настоящее время в научной литературе широко используются термины *устная речь*, *разговорная речь*, *спонтанная речь*, *живая речь*. Рассмотрим эти понятия более подробно.

2.1.1. Устная речь — письменная речь — разговорная речь

Понятие *устной речи* традиционно противопоставляется понятию *письменной речи* на основе различий в форме существования и восприятия. Так, устная речь «существует» в виде звуковой материи и воспринимается человеком как акустический сигнал, а письменная — в виде графической материи и воспринимается визуально. Письменная речь — это чаще всего речь без непосредственного собеседника (в некоторых случаях собеседник представлен «виртуально»), поэтому ее мотив и замысел полностью

¹⁸ Ср.: «даже при современной технике написанное имеет несомненно более документальный характер, чем сказанное, и пока что, несмотря на всю важность возможности записывания речи на пленках или дисках, старинная поговорка “*verba volant, scripta manent*” (слова улетают, написанное остается. — *Н. О.*) сохраняет свою силу» (Щерба 1974б: 254).

определяются субъектом. Особенность письменной речи состоит именно в том, что весь процесс контроля над письменной речью остается в пределах деятельности самого пишущего, без коррекции со стороны слушателя. Кроме этого, письменная речь, в отличие от устной, не имеет почти никаких внеязыковых, дополнительных, средств выражения. Таким образом, вся информация, выражаемая в письменной речи, должна опираться лишь на достаточно полное использование развернутых грамматических и лексических средств языка.

Традиционно считается, что устная речь существует в трех основных формах: в форме *восклицания*, которую зачастую не рассматривают, поскольку она представляет собой аффективную речевую реакцию, произвольно возникающую в ответ на неожиданное явление, в форме *диалогической* и *монологической речи* (Лурия 1979).

Устная форма речи тесно связана с другим не менее важным понятием — *разговорная речь*. Именно оно до сих пор вызывает в лингвистике наибольшее количество вопросов и споров исследователей, связанных в первую очередь с разграничением таких понятий, как *разговорная речь* и *разговорный язык*.

Е. А. Земская в своих ранних работах предлагала проводить границу между этим двумя понятиями и называть *разговорной*, или литературной разговорной, «непринужденную речь носителей литературного языка», в отличие от других форм устной речи, таких, например, как научный доклад, лекция и проч. (Земская 1970: 3). При таком понимании само употребление термина «речь» оказывается достаточно условным, поскольку объектом изучения в этом случае становится особая языковая система, «противопоставленная в пределах литературного языка кодифицированному литературному языку» (Земская и др. 1981: 5) и характеризующаяся уже упоминаемыми тремя «НЕ»: неподготовленность и непринужденность акта коммуникации, а также непосредственное участие в нем говорящих (*там же*).

Эту точку зрения поддерживает и О. Б. Сиротина, упоминая, что «разговорная речь используется в тех случаях, когда существует неподготовленность речевого акта, непринужденность речевого акта и непосредственное участие говорящих в речевом акте» (Сиротина 1983: 20). Таким образом, из сферы разговорной речи исключается общение при помощи служб мгновенных сообщений в Интернете, обмен SMS-ками по мобильному телефону или, наконец, «общение» с помощью записок.

В более поздних работах Е. А. Земской можно найти отождествление понятий *разговорная речь* и *разговорный язык*, а также значительно более широкую трактовку сущности разговорной речи: «Разговорная речь — 1) то же, что разговорный язык; 2) любая речь, проявляющаяся в устной форме: научный доклад, лекция, выступление по радио, телевидению, бытовая речь, городское просторечие, территориальные диалекты; 3) любая устная речь городского населения; 4) бытовая речь городского и сельского населения. <...> Термин “Р.р.” в 1-м значении заменяется термином “разговорный язык”, во 2-м значении — термином “устная речь”, в 3-м значении — термином “городская (устная) речь”, в 4-м значении — термином “бытовая речь”, поскольку все эти разновидности литературного языка имеют существенные различия, а понятия — разное лингвистическое содержание» (Земская 1998: 406).

Таким образом, произошло своеобразное поглощение упомянутых сущностей понятием *разговорная речь*, что сейчас привело к тенденции обособления терминов *городская речь*, *бытовая речь*, *живая речь* и проч. Эту тенденцию отчасти поддерживает дискуссия относительно понятий *спонтанности* и *спонтанной речи*.

2.1.2. Понятие спонтанности

Понятие *спонтанности* пришло из нейролингвистики, противопоставляющей высказывания *спонтанные*, т. е. непосредственно складывающиеся в момент речевой коммуникации, и высказывания *подготовленные*, заранее сознательно вырабатываемые говорящим.

Одновременность процессов обдумывания и производства текста объясняет особенности устной *спонтанной речи* на всех языковых уровнях.

В научной литературе существует несколько точек зрения по поводу того, какую форму речи, устную или письменную, может характеризовать понятие спонтанности. Ряд исследователей считает, что «спонтанность как важное свойство организации речевой деятельности наиболее ярко проявляется в организации устной речи, а письменная форма предполагает сведение к минимуму какого-либо проявления спонтанности. Можно даже сказать, что письменной форме речи практически несвойственна спонтанность» (Филиппов 1993: 7). О. Б. Сиротинина, в свою очередь, отмечала, что «в какой-то степени спонтанность характеризует любую устную речь, но в полной мере она проявляется лишь в разговорной речи» (Сиротинина 1974: 30).

Дж. Миллер и Р. Винерт также придерживаются этой точки зрения и отмечают следующие ключевые свойства спонтанной речи:

- 1) спонтанная речь производится в режиме реального времени, экспромтом и без возможности редактирования, в то время как письменный язык, как правило, производится с паузами для размышлений и содержит элементы редактирования;
- 2) на спонтанную речь накладывает ограничения кратковременная память как говорящего, так и слушающего;
- 3) спонтанная речь, как правило, создается людьми, говорящими «лицом к лицу» в конкретном контексте;
- 4) спонтанная речь, по определению, включает в себя характеристики амплитуды, ритма, и качества передачи голоса;
- 5) спонтанная речь «лицом к лицу» сопровождается жестами, взглядом, мимикой, положением, что является сигнальной информацией (Miller, Weinert 2007: 22).

Другие исследователи, например, В. Г. Адмони, полагают, напротив, что «спонтанная речь возможна и в письменной форме — особенно при

написании личных писем без их предварительного детального обдумывания. Такие “свободно льющиеся” письма характерны особенно для женщин» (*Адмони* 1994: 10). На настоящий момент, в эпоху активного использования Интернета как средства общения, представляется нецелесообразным выведение всех письменных текстов за рамки спонтанности. Такой точки зрения придерживается Н. В. Богданова, по мнению которой, «...спонтанным <...> может быть не только устный, но и письменный монолог — таковыми можно считать, например, дружеские письма, блиц-сочинения или изложения, которые пишутся с ограничением времени и без возможности проверки и правки, дневниковые записи и т. п.» (см. *Богданова* 2006: 288; *она же* 2004; см. об этом также: *Зырянова* 2009; *Плаксина* 2009; *Лебедева* 2001 а, б, 2003, 2006 а, б, 2007; *Лебедева и др.* 2001; и др.). Данная позиция основывается на выделении такого вида речевой деятельности, как *естественная письменная речь*, для которой характерны письменный способ воплощения, спонтанность, непрофессиональность исполнения, неофициальность сферы бытования, отсутствие промежуточных инстанций (корректоров, редакторов и пр.) между отправителем и реципиентом (см.: *Лебедева* 2001а, 2006 а, б).

В то же время устная речь далеко не всегда является полностью спонтанной, зачастую о степени ее подготовленности так же трудно судить, как и об этих характеристиках письменных текстов: «И при произнесении неожиданно-импровизированных бытовых (или иных) спонтанных высказываний говорящий обычно, если употребляются не устойчивые формулы, мгновенно набрасывает в уме (отнюдь не формулируя это сознательно) некую стратегию высказывания, иногда используя междометия, паузы, словесные повторы, чтобы наметить подобную стратегию. Тем не менее, это высказывание является спонтанным, потому что такая стратегия вырабатывается тут же, в зачине или даже в процессе развертывания коммуникативно-речевого акта. С другой стороны, и в препарированной речи вполне возможны вызванные различными факторами импровизационные

и тем самым спонтанные моменты. Это касается и заранее написанной парламентской речи, и научного доклада, и т. д.» (Адмони 1994: 10).

Е. А. Земская разграничивает понятия *неподготовленность* речи и ее *спонтанности*, называя *спонтанной* «речь, возникающую извне, без всяких внешних импульсов. При таком понимании неподготовленность и спонтанность называют разные признаки речи. Так, речь может быть неподготовленной, но и не спонтанной, если человека кто-то вынудил говорить. <...> Другими словами, речь может быть неспонтанной и неподготовленной, неспонтанной и подготовленной, спонтанной и неподготовленной, спонтанной и подготовленной» (Земская 1988: 8).

Л. В. Бондарко выделяет следующие оппозиции типов речи: монологическая — диалогическая, подготовленная — спонтанная, тщательная — непринужденная. По ее мнению, «подготовленная речь отличается от спонтанной тем, что говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только *что*, но и *как* он должен говорить. <...> Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее. <...> Спонтанная речь может быть монологической и диалогической, тщательной и непринужденной» (Бондарко 1998: 258-259).

Для того чтобы определить, насколько спонтанен тот или иной текст, целесообразно обратиться к таким понятиям, как *лингвистическая мотивированность* и *степень спонтанности* устного текста, поскольку «комбинация этих двух характеристик оказывает влияние на все лингвистические признаки порождаемого текста» (Богданова 1997: 37). Под мотивированностью в данном случае понимается «зависимость всех лингвистических признаков вторичного (порожденного) текста от характеристик первичного, ставшего как бы причиной вторичного», а под спонтанностью — «степень свободы говорящего от первичного текста, своего рода степень импровизации в процессе говорения» (Богданова 2001: 14) Эти признаки существенно зависят друг от друга: чем выше степень

лингвистической мотивированности текста, тем ниже показатель его спонтанности, и наоборот (см. *Богданова* 2001: 15).

Одной из первых к проблеме измерения признака неподготовленности или спонтанности обратилась Е. А. Земская, которая писала, что этот признак «не имеет абсолютного характера» (*Земская* 1988: 7), т. е. может уменьшаться или увеличиваться. По ее мнению, целесообразно говорить о своеобразной шкале проявления признака неподготовленности речи, на которой в точке максимума будет речь-импровизация, а в точке минимума — полностью подготовленная речь.

И. Н. Борисова выделяет четыре степени спонтанности устной речи. Рассмотрим их более подробно.

1. *Неподготовленная речь*, характеризующаяся редуцированностью замысла, отсутствием четкого определения темы, композиции, а также импровизированностью языковой формы. К этому типу речи И. Н. Борисова относит неофициальные бытовые диалоги в непринужденной сфере коммуникации.

2. *Частично подготовленная речь*, для которой свойственно наличие замысла в сознании говорящего и четкое определение темы исходя из ситуации. Однако форма выражения остается импровизированной. К такому типу можно отнести диалоги, сопровождающие предметно-практическую деятельность, а также решение интеллектуальных и познавательных задач; диалоги в процессе принятия совместного решения в актуальной коммуникации, а также высказывания с монологической установкой.

3. *Подготовленная речь*, при порождении которой тщательно прорабатывается ее структура: например, составляется план, конспект, делаются записи. В то же время имеет место определенная доля словесной импровизации, поскольку значительная часть языковых средств отбирается говорящим уже непосредственно в процессе говорения.

4. *Неспонтанная речь* может выступать в виде заученной (например, сценическая речь, речь дикторов радио и телевидения) и читаемой речи (Борисова 2001: 143-144).

В настоящее время, наряду с исследованиями, относящими чтение к неспонтанным видам речи (работы Е. А. Земской, Л. В. Бондарко, И. Н. Борисовой)¹⁹, существуют и другие исследования, опровергающие эту точку зрения (см.: *Фонетика спонтанной речи* 1988; Богданова 2001; Ерофеева 2005; Степихов 2005; Королёва 2006; Сапунова 2009).

О. Е. Фролова выделяет два критерия, в соответствии с которыми определяется степень спонтанности текста:

- 1) предварительная осведомленность или неосведомленность адресанта о теме будущего сообщения;
- 2) наличие или отсутствие в речевом сообщении четкой композиционной схемы.

Опираясь на данные критерии, О. Е. Фролова предлагает выделять речевые произведения на заранее неизвестную говорящему тему (максимальное проявление степени спонтанности), речевые произведения, тема которых известна, и квазиспонтанные тексты, тема и структура которых заранее хорошо известны (минимальное проявление степени спонтанности) (Фролова 2004: 148)²⁰.

Другое, более полное, на наш взгляд, понимание спонтанности предлагает О. В. Павлова, которая отмечает, что «спонтанность — это проявление в речевой коммуникации сбоев, связанных с несоответствием мысли условиям коммуникации. Это происходит из-за конфликта передаваемой мысли с эмоционально-чувственным, интеллектуальным или

¹⁹ Зарубежные исследователи также часто высказывают ту точку зрения, что чтение отличается от спонтанной речи, ср., например: «в отличие от пишущих и читающих текст, спонтанно говорящий человек должен планировать, кодировать и озвучивать свои высказывания в реальном времени, т. е. чрезвычайно быстро и почти одновременно» (Altenberg, Eeg-Olofsson 1990: 1), или «чтение вслух отличается от спонтанной речи по многим важным параметрам, и поэтому результаты чтения, как правило, не могут быть подведены под условия спонтанной речи» (Levelt 1993: xiv).

²⁰ См. также специальное сопоставительное исследование спонтанных монологов-рассказов одних и тех же информантов на знакомую и незнакомую тему: Колюхова 2007.

культурным состоянием говорящего» (Павлова 2009: 111). По ее мнению, можно выделить три типа спонтанности в речи:

- 1) *когнитивно-аффективная* — вызванная чувствами;
- 2) *интеллектуальная* — вызванная недостатком знания в данной области;
- 3) *мировоззренческая* — вызванная противоречием личностным установкам говорящего.

Существует также классификация уровней естественности спонтанных текстов в зависимости от условий их записи. В рамках этой классификации выделяется два типа спонтанной речи:

- 1) *экспериментальная*, т. е. заданная исследователем и ограниченная определенными рамками, не полностью естественная;
- 2) *живая* — речь в естественной среде.

При этом к *экспериментальной* относится речь, характеризующаяся первой и второй степенью естественности. Первой степенью естественности обладает спонтанная речь (чаще — монолог), продуцируемая при наличии заданного коммуникативного сценария (описание, пересказ и проч.). Иными словами, это «лабораторная речь, записываемая в условиях звукоизолированного помещения, когда не только наличие диктофона, но и вся обстановка записи, а также наличие конкретного “речевого задания” определенным образом “напрягают” говорящего, что не может не отразиться на его речи» (*Звуковой корпус...* 2013: 35-36). Вторая степень естественности характеризует речь, записанную в более привычных для информанта условиях (например, у него дома или на рабочем месте), что дает говорящему большую свободу, но все же сковывает его присутствием диктофона и рамками определенного речевого (коммуникативного) сценария, заданного экспериментатором.

Под *живой* речью понимается речь третьей и четвертой степени естественности. По мнению В. М. Чуйко, третьей степенью естественности обладает речь, продуцируемая человеком в естественных для них условиях и при наличии минимального влияния «фактора микрофона»: информант

в этой ситуации фактически в течение дня живет с «диктофоном на шее» и записывает всю свою речевую продукцию. Наконец, четвертая степень естественности характеризует зафиксированную речь собеседников информанта с «диктофоном на шее», которые чаще всего вообще не знают о том, что осуществляется запись. В этом случае «фактор микрофона» не оказывает влияния на говорящего, что и позволяет говорить о наиболее естественной спонтанной речи (см. Чуйко 2011).

Хотелось бы отметить, что термин *живая речь* используется в настоящее время преимущественно в качестве синонима *спонтанной речи*. Однако думается, что целесообразно под живой понимать речь, характеризующуюся третьей или четвертой степенью естественности, по указанной выше классификации.

2.1.3. Монолог — диалог — полилог

Устная речь существует в нескольких своих проявлениях, из которых два — *монолог* и *диалог* — традиционно попадают в сферу активного внимания лингвистов. В последнее время ведется дискуссия о возможности выделения еще одной формы речи — *полилога*.

О тесной связи *монолога* и *диалога* говорил еще М. М. Бахтин, отмечая, что каждая реплика диалога «сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы)» (Бахтин 1979: 296). В лингвистической традиции существует несколько точек зрения относительно разграничения понятий *диалога* и *монолога*.

Основоположником первой позиции, признающей обе эти формы самостоятельными, можно считать Л. В. Щербу. По его мнению, *диалог*, представляющий собой цепь реплик, является естественной формой существования языка в виде разговорной речи, в то время как для *монолога* — «литературного произведения в зачатке» — свойственна некая искусственность (Щерба 1957: 115).

Такой же позиции придерживался и Л. П. Якубинский, который видел различие между диалогом и монологом в форме воздействия речевого высказывания на собеседника. Так, для диалога характерно *непосредственное* воздействие на собеседника, а для монолога — *посредственное*. По мнению Л. П. Якубинского, *диалог* обладает следующими особенностями:

- сравнительно быстрый обмен речью, когда каждый компонент обмена является репликой и одна реплика в высшей степени обусловлена другой;
- обмен происходит вне какого-нибудь предварительного обдумывания;
- компоненты не имеют особой заданности;
- в построении реплик нет никакой предумышленной связанности, и они в высшей степени кратки (*Якубинский 1986: 31*).

Для *монолога* Л. П. Якубинский определяет следующие признаки:

- длительность и обусловленная ею связанность;
- построенность речевого ряда;
- односторонний характер высказывания, не рассчитанный на немедленную реплику;
- наличие заданности, предварительного обдумывания; и проч. (*там же*).

Н. Ю. Шведова также разграничивает эти две формы речи (*диалог* и *монолог*), основываясь на различиях в их *текстовой организации*. При этом *монолог* она считает более самостоятельной единицей, характеризующейся сложностью синтаксической структуры и традиционностью при выборе языковых и композиционных средств, в то время как *диалогические* реплики и по форме, и по содержанию обусловлены ситуационными и коммуникативными условиями (*Шведова 1960: 281*).

О. А. Лаптева, поддерживая разделение монолога и диалога, отмечает, что неправомерно исключать монолог из разговорной речи, так как это

«значит не учитывать существования многих ее жанров, и прежде всего жанра повествования, рассказа» (Лантева 2003: 49).

Таким образом, различия между диалогом и монологом чаще всего проводят, опираясь на следующие критерии:

- *естественность/искусственность*: «естественной» формой существования речи является диалог, «искусственной» — монолог;
- *количество коммуникантов*: в диалоге принимают участие два человека, в монологе — один;
- *функции говорящего и слушающего*: в диалоге участники коммуникации по очереди выполняют обе функции, в монологе же роли более четко определены, при этом роль слушающего в большей степени является пассивной;
- *протяженность реплик*: длительность реплик существенно выше в монологе;
- *композиционная структура*: монолог имеет довольно четкую композиционную структуру, в нем обычно маркированы начало, середина и конец (см., например: Пигрова 2005; Куканова 2009; Филиппова 2010); текстовая структура диалога не отличается подобной определенностью;
- *определенность темы*: замысел монолога продумывается и реализуется одним участником коммуникации, тема чаще всего определяется заранее. В формировании замысла и композиции диалога участвуют два коммуниканта, кроме этого, существенное влияние оказывает и ситуация общения.

Согласно второй точке зрения, в языковом пространстве носителей языка не существует монолога как речевого образования, так как речь диалогична по своей природе, т. е. всегда предполагает как минимум двух участников: читателя в письменной форме и слушателя — в устной. Монолог понимается здесь как лишь более или менее продолжительная реплика, «продолжительное сообщение» (Девкин 1979: 50), которое носит

монологический характер в цепи высказываний, что и позволяет сторонникам этой точки зрения отказывать монологу в статусе самостоятельной речевой продукции. Этой позиции, наряду с В. Д. Девкиным, придерживаются еще многие исследователи. Так, О. Б. Сиротина полностью отрицает возможность монолога в разговорной речи (*Сиротина* 1974: 29-30); Т. Н. Колокольцева считает, что первичной и основной формой организации речи является диалог (*Колокольцева* 2001: 12); а Е. Н. Ширяев отмечает, что «диалог — центральный вид разговорной коммуникации, разговорные монологи почти с неизбежностью включают в свой состав диалогические компоненты» (*Ширяев* 2001: 132).

В то же время, наряду с этими крайними точками зрения, большинство ученых считает, что, несмотря на различия между диалогом и монологом, существует большое количество переходных вариантов, когда диалог приобретает черты монологической речи, и наоборот (см.: *Виноградов* 1963; *Земская* 1979; *Якубинский* 1986; и др.).

Говоря о диалогической и монологической формах речи, нельзя не упомянуть о существовании термина *полилог*, появившегося в отечественной лингвистике в конце 70-х гг. XX века для обозначения коммуникативного акта, в котором принимают участие более двух человек.

Согласно современным исследованиям, *полилог* принято считать сложной формой организации диалога на основе их аналогичной композиционно-смысловой структуры (см.: *Солганик* 1997: 130-134; *Ахадов* 2006: 60). Об этом же говорит Т. Н. Колокольцева, называющая полилог *многосторонним диалогом*: «Наличие большего, чем два, количества коммуникантов не вносит ничего принципиально нового в сущность коммуникации. Активную роль в общении в обоих случаях играют несколько лиц, и речевые произведения появляются как продукт коллективного творчества» (*Колокольцева* 2001: 18).

В настоящее время не существует специальных монографий, посвященных изучению различий между диалогом и полилогом, однако

часто отмечается, что при полилоге могут происходить видоизменения коммуникативных ролей участников, меняться закономерности перехода речевых ходов (Макаров 1998).

Признавая очевидные сходства диалога и полилога, в данной работе мы не будем их отождествлять. Несомненно, что диалог является элементарной формой человеческого общения, в то время как полилог более сложен как по составу участников, так и по языковой структуре. Однако условия речевой коммуникации зачастую вынуждают нас обращаться именно к данной форме речевой деятельности.

Звуковой корпус русского языка (далее — ЗКРЯ), который создается на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета, предоставляет возможности лексикографического описания спонтанного диалога и полилога. В пользу обращения к ЗКРЯ говорит и то, что именно корпусный подход «отражает точку зрения многих лингвистов на то, каким должно быть адекватное “эмпирическое” изучение языка» (Meyer 2004: 141).

2.2. Звуковой корпус русского языка как источник для лексикографического описания повседневной разговорной речи

Идея создания Звукового корпуса русского языка основывается на ряде тезисов. Во-первых, именно «живая речь как подвижная, постоянно изменяющаяся система, самая суть которой заключается в ее бытовании в процессе использования, т. е. в процессе речевой коммуникации, плохо поддающаяся фиксации и систематизации, в отличие от языка как относительно стабильной системы, должна стать материальной базой лингвистических исследований» (Богданова и др. 2010а: 1499). Во-вторых, корпусный подход, позволяющий осуществлять систематическое описание и мониторинг современной речи, является наилучшим способом собрать подобный материал. Принципы корпусного подхода были учтены в процессе разработки уникального по своей сути Звукового корпуса русского языка. Данный корпус, целью которого является фиксация и мониторинг разных

форм естественного языка для описания грамматики и словаря русской речи, структурно представляет собой два принципиально разных блока. Рассмотрим их более подробно.

2.2.1. Сбалансированная аннотированная текстотека (САТ)

Этот блок Звукового корпуса изначально строился с учетом определенных социологических, психологических и лингвистических параметров. По выражению Н. В. Богдановой, в нем реализован «принцип ковчега» («каждой твари по паре») (Богданова и др. 2010б: 41).

Психолингвистическая балансировка материала САТ осуществлялась на основе психологических характеристик информантов, в первую очередь, их экстравертности/интровертности (в основу был положен тест Г. Айзенка²¹).

Социолингвистическая балансировка, соответственно, предполагала учет социальных характеристик, таких как пол, возраст, профессиональная принадлежность, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, уровень речевой компетенции говорящего и некот. др.

Наконец, *лингвистическая балансировка* заключалась в построении всех текстов в рамках целого комплекса коммуникативных сценариев наиболее характерных для обычной, повседневной речи человека:

- 1) *чтение* (сюжетный/несюжетный исходный текст);
- 2) *пересказ* (сюжетный/несюжетный исходный текст);
- 3) *описание изображения* (сюжетное/несюжетное);
- 4) *свободный рассказ* на заданную тему (знакомая/незнакомая тема)²².

Таким образом, все тексты этого блока представляют собой бытовые спонтанные монологи, характеризующиеся непринужденностью, неподготовленностью и неофициальностью (снова три «НЕ»).

²¹ См.: *Личностный опросник* 1995.

²² См. об этом подробнее: Богданова и др. 2008; *Звуковой корпус...* 2013.

К настоящему времени²³ структура этой части корпуса объемом около 700 текстов и около 40 часов звучания выглядит следующим образом — см. табл. 2.1.

Таблица 2.1

Сбалансированная аннотированная текстотека в составе Звукового корпуса русского языка

MED	Речь медицинских работников
JUR	Речь юристов
RKI	Речь филологов, преподавателей РКИ
STUD	Речь студентов
COMP	Речь «компьютерщиков»
PHIL	Речь преподавателей-философов
MIX	Речь смешанной группы носителей языка
RIA	Интерферирующая русская речь американцев
RIK	Интерферирующая русская речь китайцев

На этом материале уже получено множество интересных результатов, среди которых введение в научный обиход такого социального параметра, как *профессиональное/непрофессиональное отношение говорящего к языку/речи*, и связанного с ним признака *уровня речевой компетенции* говорящего (см. Богданова 2001, 2007, 2010в; Стетихов 2005), выявление синтаксических признаков спонтанного монолога, диагностирующих УРК говорящего (Бродт 2007), доказательство спонтанного характера такого вида речевой деятельности, как *чтение* (см. Сапунова 2009), исследование принципов построения устного *монолога-репродуктива* (Куканова 2009; Малиновская 2012) и *описательного дискурса* (см. Филиппова 2010; Суббота 2011), исследование *внутриязыкового контакта* между профессиональной и бытовой речью человека (Иванова 2011), первые шаги в построении *словаря дискурсивных (хезитационных) единиц устной речи (вербальных хезитативов)* (Богданова 2011а, б, в; Богданова и др. 2011; Хан 2012), а также мн. др. В ряде случаев материалы САТ используются и в настоящем исследовании, что каждый раз специально оговаривается.

²³ Имеется в виду время работы над данным разделом — июнь 2011 г.

2.2.2. Несбалансированный материал — проект «Один речевой день»

Блок Звукового корпуса русского языка, получивший название «Один речевой день» (далее — ОРД), изначально реализовал иной принцип отбора материала, «принцип невода» (Богданова и др. 2010б: 41), который позволяет увидеть реальную, максимально естественную речь носителей языка. Именно в целях обращения к живой речи в ее свободном функционировании была применена методика 24-часовой записи, впервые предложенная при создании устной части Британского Национального Корпуса. Но остановимся подробнее на других принципах, положенных в основу ОРД.

Целью этого проекта является создание базы русской спонтанной речи, записанной в максимально естественных условиях, что подразумевает выполнение следующих требований:

- отсутствие внешнего влияния на речевое поведение говорящего;
- отсутствие искусственно созданных, нехарактерных для информанта ситуаций.

Иными словами, информант, осуществляя запись, не меняет обычного распорядка дня, не изменяет своим привычкам и не стремится повлиять на ход записи. Кроме этого, целью ОРД не является представление русского языка во всем многообразии его форм и проявлений. Внимание его создателей сконцентрировано на изучении бытового языка, повседневного речевого поведения среднестатистического обывателя. Такой подход позволяет получить своего рода «речевой срез» современного городского общества, а значит, требует соблюдения определенных критериев при отборе информантов:

- русский язык должен быть родным для говорящего;
- отсутствие преобладающего влияния определенного диалекта;
- отсутствие преобладающего влияния определенной профессии, т. е. информанты должны быть представителями разных профессий;
- более или менее сбалансированный состав информантов по возрасту и гендеру.

Так было отобрано 50 информантов (25 мужчин и 25 женщин), каждый из которых перед записью заполнил социологическую и психологическую анкеты, что позволило проводить исследования, связанные с особенностями речевого поведения в зависимости от тех или иных психосоциальных характеристик человека.

Запись проводилась с использованием диктофона, прикрепленного стационарно, в течение целого дня (иногда — нескольких дней). Информант должен был также вести своеобразный дневник своего «речевого дня», указывая в нем своих коммуникантов, а также ситуацию, в которой происходила коммуникация (например, «в магазине», «в метро» и т. п.). Таким образом, на данный момент записано около 450 часов звучания от 50 информантов и почти 600 их коммуникантов. Последнее обстоятельство обеспечивает еще бо́льшую степень репрезентативности данного блока Звукового корпуса (см.: *Богданова 2010а*).

Другими словами, материалы блока ОРД представляют речь города, в отличие от речи деревни или кодифицированного литературного языка, и позволяют «услышать» тот самый речевой полиглотизм, о котором писал Б. А. Ларин (см. *Ларин 1977б*), за счет привлечения информантов разных профессий, происхождения, возрастных и социальных групп, а также большого количества коммуникантов, речь которых звучит как своеобразное городское многоголосие. Это обстоятельство стало одной из причин, по которой именно материал блока ОРД был выбран в качестве основного источника материала для лексикографического описания русской повседневной разговорной речи.

Кроме этого, обращение к ОРД продиктовано и практическими соображениями. В настоящий момент для работы с этим речевым материалом используются готовые или разработаны специальные компьютерные программы, значительно упрощающие и позволяющие обработать бо́льшее количество контекстов:

- 1) программа профессионального фонетического анализа Praat;

- 2) система многоуровневого лингвистического аннотирования ELAN;
- 3) реляционная СУБД MS Access;
- 4) программа EAF_PROCESSOR;
- 5) программы лексикографической обработки данных E-Kar и E-Lex (см. *Богданова и др. 2011*).

Для нужд настоящего исследования наиболее важны две последние программы. Рассмотрим их подробнее.

Электронная картотека e-Kar автоматически создает конкорданс по выбранным текстам (в нашем случае это расшифровки ОРД), а также позволяет решать различного рода лингвистические задачи. Например, просмотреть контексты употребления той или иной словоформы, определить частотность и пр. После создания подобного конкорданса вся информация из e-Kar экспортируется в e-Lex, которая позволяет составлять словарные статьи, подключая контексты ОРД, а также значения слов по Малому академическому словарю (МАС 1999)²⁴. Таким образом, процесс сопоставления функционирования лексических единиц в языке и речи становится наглядным и значительно облегчается.

Репрезентативность материала ОРД, представленность в нем именно *повседневной разговорной речи* делает перспективным анализ лексики, сравнение частотности лексических единиц и контекстных значений с тем, что представлено в НКРЯ и в словарях, построенных на материале письменной речи. Например, проведенный анализ дискурсивной лексики в ОРД уже позволил констатировать постепенный «уход» из повседневной речи таких вводных слов, выражающих оценку говорящим степени достоверности сообщаемого, как *несомненно, бесспорно, вне всякого сомнения* (Маркасова 2009). Неоднократно отмечалось, что именно ОРД дает возможность для создания *Словаря русской повседневной разговорной речи*,

²⁴ Именно словник МАС стал основой и для составления «Толкового словаря русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина (см. о нем выше, раздел 1.1. настоящего исследования). В состав словника этого словаря, по утверждению Л. П. Крысина, изначально вошли все слова из МАС, помеченные как разговорные. И только после этого, уже в качестве иллюстративного материала и основы для толкований, привлекались записи устной речи (см. об этом, например: *Крысин 2012*).

который позволит не только увидеть все новые значения привычных слов и получить их контексты, но и — при необходимости — услышать их звучание в реальной речи, что обеспечивается другими программными средствами, использованными при создании ЗКРЯ (Богданова 2010а; Богданова и др. 2010б).

Все это обусловило обращение к ОРД как к основному источнику материала для настоящего исследования в целях создания проекта *Словаря русской повседневной разговорной речи* и определило в качестве инструментария программы e-Kar и e-Lex.

2.3. Выводы

В настоящее время, ввиду активного изучения в лингвистике устной речи, возникает большое количество новых терминов и новых трактовок уже существующих понятий. Особое внимание в научной литературе уделяется рассмотрению понятия *спонтанной речи*, поскольку исследования именно такой формы речи позволяют определить особенности нашей речи в повседневной жизни. В настоящей работе под спонтанной речью понимается «форма устной речи, которая может сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст, и др.)» (*Фонетика спонтанной речи* 1988: 5).

При этом для лексикографического описания важна именно *живая повседневная разговорная речь*, т. е. спонтанная речь, характеризующаяся максимальной степенью естественности, так как именно она является отражением повседневного речевого поведения носителя языка. Особый же интерес представляют *спонтанный диалог* и *полилог* как основные и наиболее естественные формы речевой коммуникации.

Думается, что для рассмотрения возможностей лексикографического описания спонтанной речи целесообразно обратиться к проекту «Один речевой день» в рамках Звукового корпуса русского языка, как к источнику,

содержащему городскую разговорную диалогическую и полилогическую устную спонтанную речь, характеризующуюся максимальной степенью естественности.

Корпусный подход предлагает несколько путей работы с материалом. Проанализируем существующие возможности и определим оптимальный путь для лексикографического описания русской повседневной разговорной речи — с этого, в частности, начинается следующая глава работы.

ГЛАВА 3

РУССКАЯ УСТНАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ РАЗГОВОРНАЯ РЕЧЬ: ВОЗМОЖНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

3.1. Постановка проблемы

В последнее время в лингвистике на различных уровнях ведутся исследования, посвященные функционированию в речи языковых единиц (см., например: Краузе 2007, Кронгауз 2008, Гришина 2008, Маркасова 2009, Кобозева 2010, Дараган 2011, и мн. др.). Не последнее место в этой дискуссии отводится лексической, а также лексикографической проблематике, которую затрагивают работы В. Д. Лютиковой (Лютикова 2000), Л. В. Алешиной (Алешина 2001), Ю. Д. Апресяна (Апресян 2002, 2009), Л. П. Крысина (Крысин 2008, 2010) и мн. др.

Особый интерес для исследования представляют те изменения, которые происходят в лексике: многие единицы современного лексикона, активно употребляющиеся в живой речи (максимально изменчивая, подвижная система), знакомые всем говорящим и признаваемые более или менее нормативными, не находят еще пока никакого отражения в языке (относительно стабильная система). Однако русская повседневная разговорная речь только начинает привлекать внимание лексикографов как возможный объект описания, что, в свою очередь, делает необходимым введение термина *речевая лексикография* (далее — РЛ), а также ее (РЛ) теоретическое обоснование. Как уже упоминалось выше (см. п. 1.1.5), результаты своей работы «речевой лексикограф» представляет в произведениях словарного или справочного типа. Стоит, однако, остановиться подробнее на том, что может представлять из себя словарь в рамках речевой лексикографии.

Уже давно появились словари, описывающие не слова в традиционном понимании этого термина, а другие, не менее важные, языковые единицы — морфемы, фразеологизмы, крылатые выражения или фонетические слова и т. п. Такие словари, в отличие от традиционных, можно назвать

лингвариями (см. *Компьютерная лингвография* 1995). Появились и совсем нетрадиционные формы словарей — ср., например, «Путеводитель по дискурсивным словам» А. Н. Баранова с коллегами (*Путеводитель...* 1993). Авторы интересуют в данном случае слова «определенной семантики», которые они группируют в блоки на основе их общей «идеи» (полноты/неполноты — *вовсе, совсем / едва, еле, реальности — действительно, в самом деле, обобщения — вообще, в принципе, минимизации — прямо, просто*) и описывают в одной словарной статье (порой занимающей десятки страниц) на всех. Подобный материал описывали также К. Киселева и Д. Пайар (*Дискурсивные слова...* 1998; 2003), которые отметили, что на сегодняшний день такие дискурсивные единицы не имеют статуса полноправных единиц языка. Специфика этих словарей связана, в первую очередь, с нетрадиционностью (для существующей лексикографической практики) материала, который они представляют.

По существующей в коллоквиалистике (лингвистическая дисциплина, изучающая устную речь, общение, коммуникацию; иными словами, *теория разговорной речи* — см., например: *Скребнев* 1985) классификации²⁵, выделяются *неречевые, условно-речевые* и *речевые* функциональные единицы спонтанной речи.

К *неречевым* относятся паралингвистические элементы звуковой цепи, такие как покашливание, смех, усмешки, вздохи, которые часто сопровождают речь говорящего.

К *условно-речевым* единицам относятся дискурсивы, хезитативы различной структуры (в том числе слова-паразиты), обрывы, оговорки. Все они не имеют определенного денотата и являются маркерами порождения высказывания.

Под *речевыми* понимаются вербальные единицы, обладающие обязательными признаками слова — фонетической, морфологической,

²⁵ В основу этой классификации положена концепция, разработанная авторами для составления семантического словаря (см. *Русский семантический словарь* 1998).

лексико-семантической целостностью (см. подробнее: *Куканова 2009: 173-177*), т. е. собственно лексические единицы. Более подробное деление каждого из упомянутых типов единиц видно на рисунке 3.1 (*Куканова 2009: 174*).

Рис. 3.1. Единицы устной спонтанной речи

Характерные особенности каждого класса функциональных единиц спонтанной речи, в свою очередь, обуславливают различия и специфику словарей, содержащих их описание.

В то же время есть ряд общих положений, которые справедливы для лексикографического описания как речевых, так и условно-речевых функциональных единиц.

Во-первых, все работы в этом ключе должны следовать принципу дифференциальности, т. е. рассматривать только те единицы, употребление которых в речи хоть чем-то отличается от данных языка.

Во-вторых, основная задача речевой лексикографии — отражение тех значений единицы, которые зафиксированы в конкретном ее употреблении носителем языка. В этом подобный подход, который можно считать ключевым для РЛ, с одной стороны, перекликается с лексико-грамматическими исследованиями, получившими название *теории языка, основанной на употреблении* (см. *Tomasello 2003*). Для этого направления характерны следующие признаки:

- 1) наблюдения основаны на значительном, тщательно обобщенном материале;

2) данный материал представляет собой не сконструированные автором примеры, а материал живой разговорной речи, зафиксированный лингвистами со всеми ее особенностями;

3) материал подвергается статистической обработке, а выводы основаны не только на качественном, но и количественном анализе (см. *там же*).

С другой стороны, обоснование такого подхода можно найти в современных *теориях прагматики*, предполагающих зависимость слова от контекста (см. *Barsalou 1993, Evans 2006*). Так, Д. Лич под прагматикой понимал учение о ситуативном значении слова (см. *Leech 1983*). Позднее И. Кечкеш, описывая процесс коммуникации с точки зрения и говорящего, и слушающего, утверждал, что результатом этого процесса являются высказывания, имеющие актуальное коммуникативное значение (*Кечкеш 2007*). Иными словами, речевая лексикография заимствует из теории прагматики представление о том, что слова сами по себе не обладают значениями. Значение слова — не что иное, как его функция в конкретном высказывании (см. *Bara, Tirassa 1999; Evans 2006: 492*).

В то же время речевая лексикография, рассматривая значения слов в их конкретном употреблении, акцентирует свое внимание именно на их лексикографическом представлении, оставляя другие аспекты прагматики в стороне. Таким образом, можно сказать, что в словарях, созданных или создаваемых в рамках речевой лексикографии, словники составляют конкретные *употребления* единиц спонтанной речи.

Метод описания материала, используемый в рамках речевой лексикографии, вполне можно назвать *дискурсивным анализом*, имея в виду, что *дискурс* — это собственно «речь, речевая коммуникация» (см., например: *Рассказы о сновидениях 2009: 26*; см. также: *Discourse 1997; Макаров 2003; Кибрик А. А. 2003*), или «речь, погруженная в жизнь» (*Арутюнова 2000: 137*). Такой подход к материалу является во многом когнитивным, поскольку предполагает не только «регистрацию языковых фактов, но и их объяснение

с точки зрения когнитивных процессов в голове говорящего человека» (*Рассказы о сновидениях* 2009: 31).

В зависимости от класса описываемых единиц работа лексикографа может осуществляться различными способами, которые приведут, соответственно, к различным результатам. Это разнообразие и позволит, в конечном итоге, создать уникальную информационно-исследовательскую лексикографическую систему «Язык мегаполиса», включающую в себя мультимедийные словари, описывающие современную русскую повседневную коммуникацию, среди которых наиболее интересным представляется создание специального *Словаря русской повседневной разговорной речи*, отражающего реальную речевую ситуацию.

Определение «повседневная» в наименовании данного словаря неслучайно. Давно замечено, что «самые разнообразные исследования объединяются вокруг проблем обыденной жизни, и поэтому мы можем говорить о глубинном интересе к повседневности» (*Вальденфейс* 1991: 40). Исследователи даже выделяют основные признаки повседневности в разных областях знания (см. *Шюц* 1988):

1) *самоочевидность* обыденной жизни и нашего знания о ней. Воспринимаемые нами объекты окружающего мира (в том числе язык) образуют «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» (*там же*: 130);

2) *интерсубъективность*: необходимое обыденное знание приобретается индивидом не обособленно, а во взаимодействии с другими индивидами (*там же*);

3) *стереотипность* восприятия окружающей действительности и себя в ней (*там же*: 134).

В гуманитарных исследованиях антропоцентрической направленности ярко проявляется интерес к языку повседневности, поскольку именно язык является ключевым объектом «при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь» (*Касавин*,

Щавелев 2004: 410). Более того, именно устная спонтанная речь, с ее характерными особенностями (повторами, обрывами и самоперебивами, избыточными выражениями, повышенной эмоциональностью и субъективностью), должна быть источником описания повседневности, поскольку подобная «непричесанность» устного повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полусознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» (Томпсон 2003: 277).

3.2. О путях лексикографического описания русской повседневной разговорной речи

Лексикографическое описание спонтанной речи на материале ОРД может осуществляться, как представляется, несколькими путями. Во-первых, можно руководствоваться методом сплошной выборки и включать в словарь все единицы словника подряд. Во-вторых, можно начать с описания функционирования наиболее частотных речевых употреблений и, в-третьих, — с отдельных лексико-семантических групп. Чтобы понять, какой из способов предпочтительнее использовать для описания функционирования лексических единиц и создания *Словаря русской повседневной разговорной речи*, необходимо рассмотреть каждый из них подробнее.

3.2.1. Метод сплошной выборки

Метод сплошной выборки предполагает лексикографическое описание всех единиц словника Звукового корпуса (блок ОРД) и может осуществляться в алфавитном или в произвольном порядке. В таком случае в поле зрения исследователя попадают разноуровневые единицы, употребление которых в контекстах ОРД зачастую представляется весьма интересным. Приведем ряд примеров.

❖ ПАРИТЬСЯ

Так, глагол *париться* в МАС (МАС 1999²⁶), имеет пять значений:

²⁶ В ссылке отсутствует указание на точную страницу, поскольку использовалась компьютерная версия словаря.

1. (*несов.* упариться) (1 и 2 л. не употр.). Вариться при помощи пара в закрытой посуде. *Овощи парятся.*
2. (1 и 2 л. не употр.). Находиться под действием пара, кипятка с целью очищения, размягчения и т.п.
3. (*несов.* выпариться). *разг.* Мыться в бане с паром, обычно при этом хлеща себя веником. *Большинство отправилось в паровую баню. Бурсаки страстно любят париться. Полок брали приступом.* Помяловский, Очерки бурсы. *Светлана попробовала париться, но веник обжигал, как огонь. — Пар жег уши, спину.* С. Антонов, Петрович.
4. *прост.* Испытывать жару, зной, изнемогать от жары, зноя. *Париться в шубе.* || *перен.* Усердно работать над тем, что плохо удается, медленно подвигается. *Шмарин парился над приказом дивизии, — ему с бригадой назавтра утром открывать действия.* Фурманов, Чапаев.

В материалах ОРД глагол *париться* в различных формах встретился четыре раза²⁷, причем во всех случаях его употребления не укладываются в систему зафиксированных словарем значения, ср.:

- *да я не парюсь;*
- *париться не надо // там шланг раз в машину / то есть в бак / во дворе раз / и всё;*
- *так я ж тебе с... я ж тебе сразу сказала // *П ну мам / что ты на эту тему парисься / господи боже мой ? *П очень интересно*²⁸.

На основании данных контекстов можно определить значения употребления единицы *париться* как ‘переживать, много думать о чем-н., беспокоиться’. Подтверждение существования такого значения можно найти в НКРЯ, ср:

- *Я бы и не парилась, знаю что в 5 лет то он точно правильно заговорит, но папа переживает* [коллективный. Речь (2012)];
- *9 м. примерно. Я парилась. Но это процесс, на который повлиять сложно* [коллективный. Речь (2012)];
- *Мне как-то в голову не приходило на эту тему переживать :)) Я как-то особо не парилась по этому поводу, само незаметно выпарилось* [коллективный. Речь (2012)];

²⁷ По данным на январь 2012 г., из всего массива расшифровок объемом около 300 тыс. словоупотреблений.

²⁸ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: Шерстинова и др. 2009.

- *Если ты в тройке самых богатых англичан, зачем **париться** по поводу большой и дичающей России?* [С. Шаргунов. Изношенная страна (2011)];
- ***Не парьтесь** понапрасну, дражайший В. В. Мы вечны, меняется только физическая оболочка* [коллективный. Хватит губить детей! (2011)];
- — *неожиданно спросила Женька. — **Не парься**, — выдохнул дым Юрка. — Люди бывают разные.* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)],
- *Я тебе просто сказал, чтобы ты **не парилась** насчет своего веса.* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)];
- — *Ты же **паришься** из-за своих проблем, — Женька снова перешла в наступление.* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)].

Обращение к другим прескриптивным словарям показало, что это значение глагола *париться* практически нигде не фиксируется. Например, БТС предлагает следующие варианты толкования этого глагола:

- 1) вариться при помощи пара в закрытой посуде;
- 2) находиться под действием пара, кипятка с целью очищения, размягчения и т. п.;
- 3) мыться в бане с паром, обычно при этом хлещет себя веником;
- 4) испытывать жару, зной, изнемогать от жары, зноя;
- 5) усердно работать над тем, что плохо поддается, медленно продвигается (БТС 2009).

Похожая ситуация наблюдается и в дескриптивных словарях, среди которых «Словарь русского арго» В. С. Елистратова, определяющий *париться* как ‘ждать, ожидать, быть в неопределенном состоянии, томительно проводить время’ (Словарь русского арго 2002) и «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика, в котором отмечаются такие значения данной лексической единицы:

- 1) находиться в вынужденном бездействии, пребывая в нежелательном месте;
- 2) быть в вынужденном ожидании, простое, неприятное бездействие в ожидании чего-либо;

3) испытывать большие затруднения, напрягаться, много хлопотать или усердно работать над тем, что плохо поддается, медленно продвигается (*Химик* 2004: 423).

На наш взгляд, не остается сомнений, что в *Словаре русской повседневной разговорной речи*, устроенном по дифференциальному принципу, словарная статья на слово *париться* должна отражать и существующее в бытовой речи значение этой единицы, обнаруженное в материале исследования.

❖ **ЗАБИТЬ**

Еще одним глаголом, встретившимся в контекстах ОРД и имеющим в большинстве случаев (6 из 8) значение, отличное от зафиксированных в словарях, стал глагол *забить*:

- *не / хозяйюшка решила / на все это / забить;*
- *где-то с третьего с четвертого курса там можно забить полностью на все лекции и // семинары там / ну / там / иногда появляться;*
- *да нет / я уже пойду / я уже короче / забил на это / на все эти продажи / *П понял что там / понимаешь / бесполезно чего-то пытаться;*
- *ну / ладно забей.*

Словарные статьи в МАС и БТС содержат следующие значения этого глагола:

- 1) ударами вбить, вогнать что-то, вколотить;
- 2) закрыть наглухо какое-то отверстие, ход и т. п., приколотив щиты, доски и пр.;
- 3) заполнить, закрыть (отверстие и т. п.), вставляя, вбивая, всовывая что-л.; заткнуть;
- 4) побоями довести до смерти, измучить. Угнетая, довести до оупения, лишить способности сопротивляться;
- 5) заглушить, не дать расти;
- 6) превзойти в чем-л., победить, оказаться сильнее;
- 7) убить (на охоте, на бойне и т. п.) (см. МАС 1999, БТС 2009).

Очевидно, что ни одно из перечисленных значений не соответствует тому, в котором глагол *забить* употребляется в контекстах ОРД. «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» также не дает подходящего толкования, выделяя лишь такие значения данного глагола:

- 1) занять что-л. (обычно никем ранее не занятое место),
- 2) договориться, условиться о чем-л. (*Химик* 2004: 191).

Однако в этом же словаре есть отдельная словарная статья для фразеологизма *забить болт*, значения которого вполне соответствуют употреблениям в ОРД, а именно:

- 1) выразить нежелание считать кого-л. или что-л. существенным, важным, интересным;
- 2) отнестись пренебрежительно, равнодушно к кому-л., не считаться с кем-то или чем-то;
- 3) преднамеренно забыть кого-л. или что-л. (*там же*: 53).

При этом сам фразеологизм *забить болт* в контекстах ОРД зафиксирован не был.

Частотность и употребительность такого значения глагола *забить* (часто в конструкции с предлогом *на* + В. п., хотя возможны и другие варианты, ср. ниже: *забила на Диане*) подтверждаются контекстами из НКРЯ, ср.:

- — *А чего грустная? — Забей. — Но Юрка не мог так легко забить на проблемы симпатичной девушки* [А. Геласимов. Дом на Озерной (2009)];
- *Я верю, но уже забил на все это* [Н. Филатова. Офис в кризисе. Как «трудовой планктон» переживает потрясения эпохи // «Русский репортер», № 25 (104), 02-09 июля 2009, 2009];
- [Elanor, nick]: *-D Да, хорошо Еще скажи, что маленьким и слабым нужно всегда уступать, поэтому ты соглашаешься)) *Не сказал но подумал* Может ты забьешь на девочку Лешу и пойдём бегать?* [Переписка в icq между agd-ardin и Elanor (2008.11.05)];
- [agd-ardin, nick] *Не, в этот раз не могу. я уже предыдущие раза 2 забила на эту женщину (я не про Лешу, а про женщину, которая его так нарекла), это может плохо отразиться на моей успеваемости))*

нужно же иногда заботиться о мирском! [Переписка в icq между agd-ardin и Elanor (2008.11.05)];

- *Наверное, обожрались креветочных таблеток, вот им и чудится. — В смысле? — **Забей**. Просто вывози. Найдут место и выгрузят, куда они денутся* [Г. Садулаев. Таблетка (2008)];
- *Не расстраивайся, **забей на** него, пешехода в любом случае надо пропускать!* [Учимся водить (2007-2008)];
- [agd-ardin, nick] *Тем более с чистой совестью **забей на** них. Ну просто есть же вопрос про раннего гоголя — чтоб знать про что говорить Вот А ты конспектируешь?* [Переписка в icq между agd-ardin и Колючий друг (2007.12.18)];
- *Жирность осталась такой же интенсивности. А сейчас я **забила на** Диане. Лицо попрыщавей, борюсь обычным уходом* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)];
- *И ничего не помогает. Я **забила**. Сразу состригаю все ногти если один заслоился, так как знаю, что тут же начнут слоиться и другие ногти* [Красота, здоровье, отдых: Красота (форум) (2005)];
- *Поэтому я и написала — Вы всерьез полагаете, что даже если я **забью на** работу, кафедру, студентов, больных, докторскую, ребенка и семью и сдуру напишу нечто вроде FАGа, то это изменит существующее плачевное положение?* [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)];
- ***Забейте на** работу на ближайшие дня 4-5, постарайтесь лежать в постели как можно больше (если условия позволяют: -))* [Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005)].

Таким образом, можно сказать, что в повседневной разговорной речи произошло усечение фразеологизма до глагола с предлогом, а в некоторых случаях только до глагола. Стоит отметить, что в «Словаре русского арго» эта особенность находит отражение, однако предлагается лишь одно значение: ‘бросать делать что-либо’. В любом случае, специальная статья на эту лексическую единицу в *Словаре русской повседневной разговорной речи* может восполнить несомненную лакуну, которую выявляет анализ существующих словарей.

❖ **УЧИТЫВАЯ ЧТО**

Другим примером появления новых особенностей функционирования в речи старых слов может стать употребление конструкции *учитывая что*, не

зафиксированной в словарной статье МАС на глагол *учесть/учитывать* (МАС 1999) и функционирующей в устной речи в значении союза причины, синонимичного *потому что, поскольку, так как* (см. подробнее Богданова, Осьмак 2011) :

- *Алексей / вы извините ради бога / но / мне Максим сказал что вы еще пока здесь / в Питере // *П у меня один вопросик / буквально минутку / я думаю займет // *П у нас тут вот компьютер / который внизу у аналитиков // *П у нас сейчас просто оперативная очень работа / нам через пять дней надо группу выслать на заказ // *П вот / мы обрабатываем информацию / и он у нас конечно *Н зверски(?) тормозит // *П вот **учитывая (...)** **что (...)** Марина (...) аналитик (...) загружается(?) // что / может / ничего *Н // *П по крайней мере *Ш;*
- *на самом деле / я бы очень хотела себя послушать // *П я думаю / что я на работе скину (...) на компьютер // *П а потом послушаю как я говорю // # а скинь у нас тоже / *П интересно знаешь посмеяться // ну () **учитывая / что** там будут записаны / почти сутки // *П там / (...) длинно всё очень // # знаешь это к кому надо ? Вике в комнату // там очень интересно для исследования // @ *С.*

Эта конструкция — лишь одна из активно функционирующего и активно пополняемого в современной устной речи класса составных лексико-грамматических единиц. См. другие примеры того же ряда:

- *мне он домашний не нужен был потому что я всё равно... // *П *wollens* не *wollens* *П / справляюсь как бы в Интернете / если чего не знаю // *П а дома я не выходил в Интернет **по причине** // своей крайней *П *С нищеты (ОРД);*
- *(э-э) у нас работали в компании там / например грузчики на складе // ну это основная как бы да / всегда гуляющая штатная единица / и всегда требующая какого-то денег // ну то есть **в силу** своего социального там / и какого-то там статуса определённого и (:) культуры / ну вот / и они постоянно там / требуют денег (ОРД);*
- *надо сказать что таксы / они / вообще очень / э-э внимательны к противоположному полу / и / э-э ну даже можно сказать озабочены **по отношению к** противоположному полу (САТ)²⁹;*

²⁹ В настоящем разделе работы круг иллюстраций расширен за счет материалов сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) из состава Звукового корпуса, а также корпуса устных текстов (КУТ) и основного (ОП) подкорпуса НКРЯ. Примеры из основного подкорпуса НКРЯ (письменная речь) используются как дополнительный материал, главным образом на том основании, что «исходя из примата спонтанной диалогической речи в антропогенезе, можно утверждать, что в организации художественных текстов нет ничего, чего не было бы в спонтанной речи» (Мурзин, Штерн 1991: 161). Несколько иначе дело обстоит с текстами научными, публицистическими и проч., но и используются они в наших исследованиях устной речи исключительно как дополнительный, порой просто фоновый, материал.

- *в этом отрывке / автор описывает свои впечатления / по поводу* [летнего дня (САТ);
- *и при удалении бывает опухоль / и всякое // поэтому я всегда как бы ориентируюсь на худший вариант / с тем чтобы / если будет лучший та только / так только в радость* (ОРД);
- *он меня торопил / что быстрее быстрее / надо найти надо найти секретаря / вместо того чтобы / (э..) спокойно (...) поискать / (...) он меня всё торопил* (ОРД).

Нет сомнения, что использование в устной повседневной, бытовой (не официально-деловой!), речи таких «громоздких» служебных слов противоречит распространенному представлению о законе экономии как ведущем принципе, определяющем специфику нашей устной речи (см. об этом подробнее: Богданова 2011в).

❖ НЕ ГОВОРЯ О ТОМ ЧТО/ЧТОБЫ

Любопытны в рассматриваемом отношении и служебные структуры с элементом *говоря*: составной предлог *не говоря о(об)* и соответствующий ему составной союз *не говоря о том что/чтобы*. Предлог из этой пары все же находит фиксацию в словарях и справочниках (см., например: Ефремова 2001: 361). См. примеры из материала устной речи (КУТ НКРЯ и два блока Звукового корпуса — САТ и ОРД):

- [№ 6, муж] *По общим критериям / не говоря о конкретных стандартах* [Заседание жюри Национальной премии по безопасности «ЗУБР» // Интернет, 2004];
- [Илларионов, муж] *Но сегодняшние 40-летние и 45-летние / не говоря уже о молодежи / могут сами своим трудом заработать те средства / которые составят костяк их будущего пенсионного фонда и / получая средства из которого / они смогут обеспечить свои годы в более пожилом возрасте* [Беседа А. Венедиктова с А. Илларионовым в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004].

Иначе обстоит дело с союзом *не говоря о том что/чтобы*, пока совсем не нашедшем словарной фиксации, но достаточно широко представленном в нашей устной речи:

- (1) *ни одну группу ни в одном сезоне / кроме двух групп декабря мы не можем продать по 530 евро / уж не говоря о том чтобы продать по 510* (ОРД);

- (2) [Фохтин Владимир Георгиевич, муж] [нрзб] *встрече в апреле месяце / когда как раз разговор возник о... об лаборатории / которая там в то время не была аккредитована / не было денег / чтоб аккредитовать / **не говоря о том / что** не хватает ни специалистов / ни приборов* [Беседа об экологически опасных производствах в программе Марины Катус «Качество жизни» // Радио Свобода, программа «Качество жизни», 2006];
- (3) [Мигранян, муж] ***Не говоря о том / что** при таком развитии событий у нас были бы внутри страны очень серьезные проблемы / в межнациональных отношениях / центр — регионы / и / конечно / Запад мог всегда / очень серьезными обладая рычагами / воздействовать на процессы дезинтеграции дальше и России* [Беседа А. Венедиктова с А. Миграняном в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004];
- (4) [Бахтин, муж] ***Не говоря о том / что** сейчас там / в Израиле / правительство / все это ведь социалисты же / различные социалистические направления / конечно / кроме коммунистов* [М. М. Бахтин. Беседы с М. Бахтиным // В. Д. Дувакин. Беседы с Михаилом Михайловичем Бахтиным. М., 2002, 1973];
- (5) [Ведущий, муж] *Даже казанцам её сыскать практически невозможно / **не говоря о том / чтобы** сделать это кому-то извне* [А. Филатов. Радиопрограмма «Полнолуние», посвященная авторской песне Е. Болдыревой, «Радио-Пик», Иркутск // Интернет, 2000-2004].

В ходе анализа контекстов употребления этого союза встал вопрос о его значении. Представляется, что сочинительные (сопоставительные) отношения (синонимично союзу *не только, но и/даже*), формально выражаются здесь подчинительной конструкцией. При этом сопоставление может происходить как с более весомым (2), так и с менее значимым (1) элементом, ср.:

- ...мы не можем продать **не только** по 530 евро / **но даже** по 510;
- ...**не только** не было денег / чтоб аккредитовать / **но** не хватало **ни** специалистов / **ни** приборов

Такой нетипичный — сочинительно-подчинительный — союз встречается уже не только в устной, но и в письменной речи³⁰, ср. примеры из основного подкорпуса НКРЯ:

³⁰ Нечто подобное можно наблюдать и в таком, например, контексте: *Вам пора идти, **а то** опоздаете* — сочинительный противительный союз *а то* выражает здесь причинные отношения и синонимичен подчинительному союзу *потому что*. По-видимому, это не такая уж редкость в русской речи, хотя так же

- Он же, оказывается, ввёл в обиход слово «инерция», отличающее нашу физику от всей прежней, а заодно и физическое понятие энергии, **не говоря уже о том, что ему принадлежат первые количественные законы астрономии** [В. Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание — сила», 2003];
- В 5-м классе дополнительно используется учебник грамматики Голицынского, хотя дети зачастую не могут даже правильно прочитать и перевести предложение, **не говоря уже о том, чтобы объяснить, почему выбран тот или иной вариант ответа** [Отчет о практике в школе (2003)];
- Ушла жена, уехала с дочкой в Карелию; потом померла мать, которая одна только его и поддерживала, **не говоря о том, что кормила** [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000];
- В самом деле, Россия конца XVII столетия — огромная, неповоротливая, страницами от Тихого океана до Новгорода и Пскова, которая и стояла-то в стороне от прогресса, лишенная возможности постоянно общаться с более развитыми странами, **уж не говоря о том, чтобы влиять на их политику**, — вдруг за какие-то два десятилетия стала могущественной державой, прочно закрепившейся в семье европейских народов [Вступление к статье Н. Павленко // «Наука и жизнь», 2006].

В письменной речи при этом обнаруживаются и своего рода промежуточные варианты, переходные от предлога к союзу:

- Подумайте, что за чуть меньше чем две тысячи лет было около трех тысяч войн одних христиан против других, **не говоря о том, сколько было пролито крови людей, которые нам не единоверны** [митрополит Антоний (Блум). Новогодний молебен (1988)];
- Массивы уже опубликованной информации неподъёмны и неохватны, **не говоря о том, что будет — я уверен!** [Д. Драгунский. Война окончена? Война начинается! // «Частный корреспондент», 2010];
- Куда проще прокатиться 10 минут в метро, чем заморачивать себя техосмотрами, ремонтами, встречами с ДПС, **не говоря о том, что я должен напрягаться при езде по Москве, рискуя своей жизнью и финансами при аварии** [Правительство объявило либерализацию паспортного режима в РФ (2010)];
- **Уж не говоря о том, насколько трудно все время чувствовать себя не такой, как все, постоянно ловить на себе чужие взгляды — не важно,**

очевидно, что далеко не любое *потому что* можно заменить союзом *а то*. См. специальное исследование на эту тему: Левонтина 2013. Здесь же приводится и довольно обширная литература этого вопроса: Белошапкина 1970; Падучева 1985; Санников 1989; Урысон 2008, 2010; и ряд др. работ.

любопытные или сочувствующие [З. Кошелева. Оттаявший круг (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30];

- *Уж не говоря о том, какие бывают фобиевские страдания у маленького ребенка, которого 24 часа в сутки охраняют два здоровенных дядьки с автоматами* [Г. Солдатенко. Откуда берутся эти наркоманы? (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.21].

Решение о том, что перед нами в этих контекстах все же, скорее, предлог, а не союз, поддерживается, во-первых, пунктуацией (наличие запятой перед союзным средством), а во-вторых — расширением круга этих союзных средств (не только *что* и *чтобы*, но и *сколько*, *насколько*, *какие* и под.). Так или иначе, но процесс образования нового составного союза на базе отглагольного предлога *не говоря о(об)*, как представляется, налицо³¹, что, вне всякого сомнения, должно стать объектом внимания лингвистов, особенно при описании *грамматики речи*, представляющей собой, как уже не раз отмечалось, во многом *грамматику употреблений*. Соответственно и в *Словаре русской повседневной разговорной речи* все отмеченные наблюдения должны найти свое достойное место.

❖ В ТОМ ПЛАНЕ ЧТО

Еще больше вопросов вызывает другая весьма распространенная в нашей устной речи составная союзная конструкция, также не нашедшая пока ни словарной фиксации, ни грамматического описания — *в том плане что*. В материале исследования (КУТ НКРЯ и два блока Звукового корпуса — САТ и ОРД) обнаружилось очень много соответствующих употреблений, позволяющих их семантически дифференцировать. В ряде случаев перед нами все же не союз, а конструкция со словом *план* в значении ‘смысл’, ‘отношение’ (и это требует уже специального семантического анализа употреблений данного слова):

³¹ Данная пара конструкций сопоставима с другой, более популярной в словарях и справочниках: *несмотря на* и *несмотря на то что*: при утрате связи с исходным глаголом деепричастие участвует в формировании предлога и далее — союза. Данное явление вполне закономерно и описано грамматиками (см., например: *Русская грамматика* 1980: 714, 717). Предложенные наблюдения над употреблениями составного союза, не имеющего пока словарной фиксации, стали результатом более общего исследования функционирования в нашей повседневной речи формы *говоря* (см. подробнее: *Звуковой корпус...* 2014).

- [№ 2, жен, 19] *Ну это тебе удобней. Не / просто знаешь / у нас в том плане классно / что сессию...* [Разговор двух студенток при встрече (2000-2005)];
- [Хакамада, жен] *Я с вами согласна в том плане / что масштабные армейские операции / зачистительные / т. е. операции вооруженных сил не подходят для таких операций / которые требуются в Чечне для вылавливания террористов* [Беседа И. Хакамады со слушателями радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004].

Встретились даже случаи параллельного употребления слов *смысл* и *план* в одном контексте и в сходных конструкциях:

- [№ 6, муж, 29] *Не в том смысле / что они просто несамостоятельные / как личности / а в том плане / что их действия / они продиктованы кем-то / кто находится при них* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

Другие же контексты позволяют увидеть явно новый составной союз с различными, хотя и близкими значениями:

1) причинные (синонимично *потому что, поскольку, так как*):

- *то есть а я (э...э) вот (э...э) то есть вот я () у нас(?) достаточно недоверчиво *Н / жёстко в некоторых моментах / да вот ? там бывает там / так далее / *В ну (...) со мной / как бы () как говорится / намного легче в том плане / что я могу поворчать / но я всё равно это сделаю // *П то есть я (...) то есть я никуда не уйду / то есть я / *В может и ответчу / да ? *В как-нибудь / но потом я всё равно это сделаю / то есть и так далее и так далее // вот (ОРД);*
- *день как назло не удался / в том плане что был дождь / моросил (САТ);*
- [Лена, жен, 20] *Это меня / понимаешь / заставляет беспокоиться в том плане / что надо очень / очень срочно...* [Разговоры на прогулке (2006)];

2) пояснительные (синонимично *то есть*; и снова сочинительные отношения выражаются подчинительной конструкцией!):

- *Значит может быть в какой-то степени э-э мне нужно было бы / э-э чуть-чуть изменить себя в том плане что / значит э-э вот / допустим взять билет / в воскресенье н... э-э на какой-нибудь спектакль или куда-нибудь / и уже четко знать что я / обязан пойти / значит (САТ);*
- [Алексей Цверов, муж, 24] *Оль / ээ... я хотел бы чуть поподробнее остановиться на том / м-м-м... вообще как строится работа ээ... с клиентом и вы / как агентство / вообще что вы говорите клиенту / в том плане / что... к-какие це-цели / какие ки-ни-ай* [ключевые показатели

эффективности (англ.)] [А. Цверов, О. Старченко. Подкаст Social Media Club // podfm.ru, 2011].

В ряде контекстов с пояснительным значением союза замена его на *то есть* оказывается почти невозможной, в них уместнее оказывается подстановка на место *в том плане что* конструкции *я имею в виду, что*. Последнее, впрочем, еще больше затрудняет грамматическую интерпретацию:

- (э-э) н... (у-у) ну нет ! это я **в том плане что** / (э-э) хорошо / что там его тут же где-то кто-то там чего-то всё-таки повязали / *П ну / наверно рядом находящиеся сообразительные мужчины (ОРД);
- [Андрей Келлер, муж] Я лично / скажу честно / рад тому / что удалось сформировать из коллектива администрации коллектив единомышленников **в том плане / что** действительно / все работали / не считаясь ни с личным временем / ни с тем / чей это объект / лесников / это совхозные земли / это земли торфяников / или это земли поселений гослесфонда [Радиопутешествие по городам и районам Подмосковья: Шатурский район // РТВ «Подмосковье», 2006].

Специальная статья на эту конструкцию в *Словаре русской повседневной разговорной речи* может восполнить несомненную лакуну, которую выявляет анализ существующих словарей.

❖ **ЕДИНСТВЕННО ЧТО**

Интерес для лексико-грамматического анализа представляет также конструкция *единственно что*. В ОРД встретились контексты ее употребления, в которых ее значение можно приблизительно определить как ‘хотя, разве что, не считая того что, кроме того что’:

- ну невозможно пройти мимо белых грибов // **единственно что** вот мы в этот раз / там было очень много бе... / много медведей / когда мы зашли далеко на... / на остров / и вот всё в этих белых грибах (~‘хотя’);
- *то есть* я не была занята ни кастрюлями ни магазинами это **единственно что** южный рынок покупала для души себе что хотела (~‘разве что, не считая того что, кроме того что’).

В то же время МАС предлагает следующие значения для *единственно*:

1. Нареч. к единственный (в 1 знач.). *Единственно правильный путь.*

2. в знач. частицы. Употребляется для выделения, ограничения в значении: только, исключительно. *Он не женился на одной весьма богатой и прекрасной невесте, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадедушка ее был не дворянин.* С. Аксаков, Семейная хроника. — *Господин Кривенко создает артели только на бумаге, и единственно для того, чтобы доказывать наивным людям возможность избавления мужика кустара от притеснений и эксплуатации со стороны купца или городского капиталиста.* Соколов, Искры (МАС 1999).

Видно, что перед нами еще одна составная служебная единица современной речи, требующая специальной статьи в *Словаре русской повседневной разговорной речи*.

❖ *Еще несколько наблюдений*

Завершая данный раздел, приведем еще ряд наблюдений над материалом Звукового корпуса.

Было выявлено в ОРД и не зафиксированное в словарях значение ‘мимо’ для предлога *через*³²:

- *я мимо этих уродов хожу вот так вот // я их тоже очень не люблю // но все время приходится **через них** ходить;*
- *а где это ? вам такая блин / там-то там-то там-то / у него пи...дец был // за пустырь там блин / (...) **через кладбище** / **через собак** / которые тебя кусают.*

Само же слово *мимо* выявляет в ОРД возможность употребления в функции предиката (не предлога и не наречия, что определяет для него МАС, — см. МАС 1999):

- *ну так это **мимо** // *П это совершенно () а ! на третьем этаже ? ну там я не знаю // *П там я не знаю.*

Подобное употребление близко к зафиксированному в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика выражению *мимо денег (касс)*: «шутл., жарг. молод. Опрометчиво, неудачно, невпопад,

³² См. об этом: Сковпень 2011.

некстати» (Химик 2004: 139), однако его можно интерпретировать лишь как вариант этого последнего, не нашедший пока словарной фиксации.

Еще одной конструкцией идиоматического характера является выражение *все дела*, зафиксированное словарями лишь в одном своем употреблении: (*вот и*) *все дела*, разговорном или шутливо-разговорном, в общем значении ‘вот и все’ (см. *Словарь...* 1993: 147, *Химик* 2004: 137). Обращение к корпусному материалу — контекстам ОРД, и, в дальнейшем, к корпусу устных текстов НКРЯ, позволило обнаружить еще целый ряд новых значений/оттенков значений этой конструкции, пока еще не нашедших отражения в словарях:

- 1) ‘все, что сопутствует чему-то, вытекает, следует из чего-то’;
- 2) ‘и так далее, и тому подобное’; ‘и все такое прочее’;
- 3) ‘все остальное, все прочее’;
- 4) ‘все, что надо, все как положено’;
- 5) ‘все важное, все, что необходимо’.

Анализ контекстов устной речи (речевых употреблений) позволяет достаточно убедительно развести все эти, весьма близкие друг другу, значения и даже найти для них некоторые формальные показатели (см. подробнее: *Богданова-Бегларян* 2013, а также *Звуковой корпус...* 2014).

Конструкция *ни о чём* приобретает идиоматический характер в следующих, например, контекстах:

- — *всё / я свою футболку уже / (...) предыдущую на тряпки отпускаю блин // — и эту что ли тоже ? — не / вот эту да // *П всё / она (...) уже ни о чём // *П убита // # но могла бы быть рабочей;*
- *Чурикова / она (э...э) *П # особенная актриса она // # *Н шарм идёт вообще ! я вот / *В привык её в фильмах воспринимать / такая страшненькая / ни о чём ! а тут от неё даже очень ... # (э...э) она очень / да;*
- — *нет / это вот проточные / Настя / вон висят // # какие ? # маленькие // # совсем маленькие ? # да // — они энергии много берут // *П в общем ладно / () Настя будем думать — не надо ... # но десять литров это как-то вот вообще ни о чём // # ну пойдём Наташа гулять !*

В перечисленных конструкциях *ни о чём* приобретает значения ‘никуда не годный, плохой’, ‘в плохом состоянии’, ‘не достойный внимания’, становясь частичным синонимом характерного для разговорной повседневной речи прилагательного *никакой* (см. подробнее об обеих этих единицах: *Звуковой корпус...* 2014).

Контексты ОРД содержат и огромное количество примеров употребления различных дискурсивных единиц (хезитационных конструкций/вставок, речевых автоматизмов, вербальных хезитативов³³), как например:

- *а вот (э-э) на... н... вот наше вот это вот (э-э) вот это вот / вот тут / тут сложнее гораздо / да // потому что / значит / я вот вот (э-э) вот эти / ну в принципе / значит / ну / п... по моим / понятиям значит / я же не отличу так скажем / таджика от узбека что называется / да да да // да ?*
- *у меня () подружка / считает / (э) что (...) Машенька / это очень / (и-и) как интеллектуальный питерский диалект // так вот именно тот язык / на котором в этих мультиках разговаривают / то он именно вот / какой-то питерский / (и-и) (...) ну такой очень / ну / вот именно так и говорят,*

и различных аллегривных (редуцированных) форм:

- *просто не горит // а чек ты в сумку не **хочшь** положить?*
- ***здрасть** / отдел кадров уже закрыт? ага / **сёння** же пятница;*
- *а-а вот мы / живем / на Смолячкова / **ничо** не знаем;*
- *мы как раз здесь побудем / за час уже выболтается всё // а он же там **буит** ... это;*
- *м-м хорошо / давай // ты во **скоко** будешь дома?.*

Таким образом, можно сказать, что анализ единиц, выявленных из материала исследования методом сплошной выборки, имеет существенное преимущество перед другими, так как позволяет выявить тенденции изменений функционирования единиц абсолютно разного уровня (это и речевые (лексические), и условно-речевые, и даже неречевые единицы).

³³ Термин для обозначения данного класса единиц устной речи еще не устоялся, в разных работах встречаются разные варианты, см., например: *Богданова* 2011а, 2012 а, б; *Богданова-Бегларян* 2012 а, б; *Кислощук* 2012а; *Маслова* 2012, а также *Звуковой корпус...* 2014.

Однако это преимущество может стать и недостатком данного пути, так как подобное разнообразие анализируемых единиц делает невозможным структурный подход к их описанию — представленные типы явлений обладают своими индивидуальными особенностями. Кроме этого, полномасштабное лексикографическое описание такого объема единиц неизбежно выходит за рамки одного исследования в связи с большим количеством необходимых для него временных и человеческих ресурсов.

3.2.2. Лексическая специфика «верхушки» частотного словника ОРД

Другим направлением лексикографического описания русской устной спонтанной речи может стать *обращение к наиболее частотным единицам*, которое подразумевает, в частности, выявление основных проблем такого описания и конкретных тенденций наблюдаемых в речи лексических изменений. Более детальный взгляд на «верхушку» частотного словника, полученного в результате обработки записей блока ОРД в составе Звукового корпуса русского языка позволяет судить о том, какой класс единиц повседневной русской речи станет в этом случае объектом лексикографического описания и к созданию словаря какого типа приведет такое описание.

В таблице 3.1 представлены 150 единиц этой «верхушки», ранжированных по частотности (см. *Sherstinova 2009*).

Таблица 3.1

Наиболее частотные словоформы русского языка (по материалам ОРД)

Ранг	Слово	Кол-во	%	Ранг	Слово	Кол-во	%	Ранг	Слово	Кол-во	%
1	я	5398	2,63	49	к	484	0,24	97	вам	264	0,13
2	не	4924	2,40	50	когда	481	0,23	98	сегодня	253	0,12
3	вот	4800	2,34	51	будет	480	0,23	99	тогда	251	0,12
4	ну	4727	2,31	52	как бы	479	0,23	100	о	247	0,12
5	да	4370	2,13	53	очень	478	0,23	101	от	243	0,12
6	а	4187	2,04	54	тебе	464	0,23	102	думаю	241	0,12
7	и	3637	1,77	55	его	463	0,23	103,5	быть	237	0,12

8	что	3625	1,77	56	ой	448	0,22	103,5	из	237	0,12
9	в	3516	1,72	57	тут	447	0,22	105	как-то	231	0,11
10	это	3365	1,64	58	может	442	0,22	106	пока	228	0,11
11	там	2931	1,43	59	значит	438	0,21	107	них	227	0,11
12	у	2684	1,31	60	такой	434	0,21	108,5	ж	226	0,11
13	так	2510	1,22	61	или	428	0,21	108,5	почему	226	0,11
14	на	2293	1,12	62	хорошо	428	0,21	110	была	224	0,11
15	ты	1674	0,82	63	потому	422	0,21	111	нам	221	0,11
16	с	1590	0,78	64	за	416	0,20	112	такие	220	0,11
17	то	1550	0,76	65	давай	415	0,20	113	сколько	218	0,11
18,5	всё	1508	0,74	66	тебя	414	0,20	114	него	217	0,11
18,5	нет	1508	0,74	67	знаешь	410	0,20	115	этого	208	0,10
20	(э-э)	1484	0,72	68	говорю	403	0,20	116	бл...ь	206	0,10
21	он	1441	0,70	69	только	401	0,20	117	ему	204	0,10
22	как	1366	0,67	70	чего	399	0,19	118,5	пять	199	0,10
23	мне	1207	0,59	71	бы	392	0,19	118,5	типа	199	0,10
24	она	1134	0,55	72	этот	372	0,18	121	время	197	0,10
25	угу	1116	0,54	73	можно	369	0,18	121	короче	197	0,10
26	есть	1073	0,52	74	где	367	0,18	121	понятно	197	0,10
27	меня	1045	0,51	75	ага	366	0,18	123,5	(м)	196	0,10
28	мы	947	0,46	76	ничего	361	0,18	123,5	слушай	196	0,10
29	они	944	0,46	77	конечно	355	0,17	125	эта	190	0,09
30	сейчас	934	0,46	78	такая	352	0,17	126	какой	189	0,09
31	ещё	917	0,45	79	что-то	350	0,17	127,5	могу	182	0,09
32	уже	867	0,42	80	раз	330	0,16	127,5	наверное	182	0,09
33	но	863	0,42	81	её	314	0,15	130	двадцать	180	0,09
34	надо	846	0,41	82	такое	312	0,15	130	ей	180	0,09
35	же	812	0,40	83	эти	312	0,15	130	нормально	180	0,09
36	просто	739	0,36	84	даже	307	0,15	132,5	туда	178	0,09
37	по	725	0,35	85	блин	305	0,15	132,5	хочу	178	0,09
38	вообще	689	0,34	86	до	301	0,15	134	в общем	176	0,09
39	нас	615	0,30	87	вас	293	0,14	135	эту	174	0,08
40	знаю	608	0,30	88	два	292	0,14	136,5	нужно	172	0,08
41	если	585	0,29	89	ладно	288	0,14	136,5	этом	172	0,08

42	тоже	583	0,28	90	был	285	0,14	138	много	170	0,08
43	все	526	0,26	91	их	277	0,14	139,5	(н-н)	164	0,08
44	было	521	0,25	92	кто	274	0,13	139,5	понимаешь	164	0,08
45	вы	511	0,25	93	ли	272	0,13	141,5	буду	157	0,08
46	здесь	496	0,24	94,5	для	271	0,13	141,5	делать	157	0,08
47	говорит	494	0,24	94,5	чтобы	271	0,13	143	больше	155	0,08
48	потом	490	0,24	96	один	267	0,13	144	этой	153	0,07

Рассмотрим подробнее первые десять позиций этого словника, тем более что они дословно совпадают с данными еще двух источников — «Нового частотного словаря русской лексики (по материалам Национального корпуса русского языка)» (см. *Ляшевская, Шаров 2009*) и «Частотного словаря русского языка» (см. *Шаров 2012*) (см. табл. 3.2).

Таблица 3.2

Десятка самых частотных слов в ОРД в сравнении с другими корпусами/частотниками

Слово	Ранг (ОРД)	Ранг (Шаров)	Ранг (НКРЯ)
я	1	4	5
не	2	3	3
вот	3	9	9
ну	4	10	10
да	5	8	8
а	6	6	6
и	7	1	1
что	8	5	4
в	9	2	2
это	10	7	7

Как видно из таблицы 3.2, самым частотным в словнике ОРД оказалось местоимение *я* (5398 употреблений; 2,63 % от общего количества словоупотреблений). Второе место занимает отрицательная частица *не* (4924 употребления; 2,4 %). Остановимся на ней подробнее.

❖ **НЕ**

В некоторых ситуациях *не* выступает в нашей речи не как отрицательная частица, а является редуцированной формой слова-

предложения *нет* либо употребляется в составе конструкций *не-а* и *не-не-не*, например:

- *не* / ну она мне сказала / что да вот / она вот случайно;
- *а не-не-не* / нам нужно завернуть направо / у меня уже...;
- *не-не-не* вот я уже поняла;
- ты читала ? # *не-а*;
- я / выхожу с неё / *не* ... точнее выключаю / программу / не выходя из(?) сайта;
- *не* / мне просто не нравится система;
- *не-а* // *П они только на каждом пользователе // *П вот в Эксплорер / у тебя / на твоём пользователе / не будет моих закладок в избранном;
- *не* ну после пломбировки тоже с... как-то святое / что он болит.

Кроме того, зачастую частица *не* употребляется в составе хезитационных конструкций (далее — ХК) *не это самое* и *(я) не знаю*, которые, безусловно, стоит рассматривать в качестве единого целого при лексикографическом описании. Так, например, выделяют целый ряд функций хезитационной конструкции *не это самое* (см. Богданова 2011г; 2012б):

- 1) маркер поиска глагола-сказуемого (глагол следует сразу после ХК, в тексте подчеркнут):
 - *а оно не это самое / не долбанёт ?*
- 2) маркер поиска глагола-сказуемого (глагол следует дистантно после ХК, в тексте подчеркнут):
 - *вот ну так / ха-ха / так это сразу / не это самое / [нрзб] не сообразить не / сразу как-то вот / не связать* (САТ);
- 3) маркер поиска глагола-сказуемого (глагол не следует вовсе; о том, что поиск производился, свидетельствует, в частности, наличие подлежащего и формообразующей глагольной частицы — в тексте подчеркнуты):
 - *как бы он не это самое*;
- 4) маркер поиска предиката (не действия):
 - *нормально ? *П ничего там тебе / не это самое (...)*;

5) маркер поиска наименования (имя следует дистантно после ХК, в тексте подчеркнуто):

- *Вот когда нам давали эту квартиру / а нам давали квартиру **не это самое** / нам давал директор* [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998];

б) маркер поиска наименования (имя не следует вовсе):

- *Ну ладно, нечего здесь плакать. Здесь вам **не это самое**. Здесь мы никому хулиганничать не позволим* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969-1975)];

7) хезитационный маркер:

- *Я не... это самое... какая она у вас, скажите пожалуйста!* [В. Кин. По ту сторону (1928)].

Конструкция (я) *не знаю* не всегда выполняет хезитационную функцию, она может употребляться как компонент словосочетания с зависимой падежной формой (объектным распространителем) (названия не знаю), как предикативная основа с придаточным изъяснительным (*не знаю что еще сказать; не знаю хватит ли на всех чая*) или с зависимым союзным словом без придаточного (*был / сейчас не знаю что; я не знаю почему / думаю что*), однако исследования показали, что в устной спонтанной речи наиболее распространенным оказалось употребление этой конструкции именно в качестве заполнителя паузы хезитации (48,7 %) (см. Хан 2012, 2013):

- *или... или какой-то немецкий ? там я не знаю / Бранденбургские ворота / что-то такое;*
- *ты знаешь Женька рассказывал *Н когда я работала вот // *П я не знаю *Н получаю / и она *Н пришла и сказала / что я к вам только за такую заработную плату / мне надоело на себе тянуть *Н и вот Женя сказал / что ей повысят зарплату / вот;*
- *вот потому что уезжать я не хотела вообще / для меня Россия это была (...) ну не знаю // ну там как вот (...) ну не знаю (...) отношение к человеку там совсем другое (САТ).*

Ясно, что именно эта конструкция, так же как и предыдущая, и требует специального лексикографического описания (см. об этом, например: Богданова 2012а).

Далее в «верхушке» частотного словника следуют частицы-хезитативы *вот, ну, да* (4800, 4727 и 4370 употреблений соответственно).

❖ ***ВОТ***

Если говорить о «слове» *вот*, то оно уже давно привлекало внимание лингвистов. Так, например, П. Бокале в своих работах (*Vocale* 2011 а,б) говорит о преимущественных инициальной и финальной позициях данного «слова», где оно служит для установления контакта, либо, соответственно, маркирует завершение планируемого отрезка речи. Ю. В. Дараган выделяет следующие функции «слова» *вот*: 1) концептуализация; 2) контроль; 3) оценка; 4) апелляция (*Дараган* 2011)³⁴. На материале Звукового корпуса русского языка (блок САТ) удалось выделить целый ряд функций дискурсивного слова *вот* в устной спонтанной речи, выходящих за рамки словарной фиксации (см.: *Звуковой корпус...* 2014, а также *Кислощук* 2011; 2012 а, б; *Kisloshchuk* 2012):

- ***ВОТ* в функции дискурсивного маркера**

В функции дискурсивного маркера, свойственной преимущественно устной спонтанной речи, слово *ВОТ* может указывать на границы текста или устанавливать отношения между разными частями дискурса, что позволяет предложить более детальную классификацию.

- ***ВОТ* как усилитель синтагматического членения (предпаузальный)**

- *э-э на ребят было смотреть очень / печально // потому что ребята [а-а] все были тепло одеты и было-о жарко абсолютно **вот** // а-а они стояли в полном экипировке //// и все очень сильно мешали;*
- *прерафаэлиты замечательно / у нас вообще **вот** / долгое время не видел / сейчас появились альбомы прерафаэлитов.*

³⁴ См. также еще о *вот* и подобных единицах — как частицах, дискурсивных единицах, словах-паразитах, заполнителях пауз хезитации и т. д.: *Сиротинина* 1974: 71-75; *Прокуровская* 1974: 120; *Земская* 1979: 88-91; *Вязовик* 1981: 6-7; *Розанова* 1983: 36; *Стародумова* 1988: 12-13; *Дискурсивные слова русского языка...* 2003: 8-9; *Краузе* 2007: 239; *Гришина* 2008; *Кибрик, Подлесская* 2009; *Жумагулова* 2010: 1-5; *Кобозева* 2010: 189-193; *Левонтина* 2010; *Кокошкина* 2010: 155, 159; и мн. др.).

○ **ВОТ как усилитель синтагматического членения (постпаузальный)**

- *вся правда проблема в том что там литровые кружки // в-о-от и во-первых очень непривычно сначала их тяжело поднимать;*
- *э-э это была ранняя весна / это было начало апреля / действительно только всё расцветало // и вот первое впечатление когда мы туда прилетели было замечательное // у нас еще лежал снег.*

○ **ВОТ в функции финального маркера**

- *э-э естественно там / э-э за три недели отдыха это барчик выбираешь там / бутылочку коньяка это / всегда с удовольствием // вот;*
- *я каждый день занималась аквааэробикой в бассейне // затем моя подруга уехала / приехал мой молодой человек и мы / также очень хорошо провели остаток этого отпуска // вот.*

○ **ВОТ в функции направляющего маркера (навигатора по тексту)**

- *и в кинотеатр тоже ходим // театр так более ред... / ну пореже н-но / все же бывает // в-о-от //// летом /// я-я / так обычно бывает что-о-о / все выходные э;*
- *с книгой интересно / было бы почитать конечно / посидеть / но получается только пока едешь / на службу и со службы / другого времени / не выходит / вот // *П читаешь только так;*
- **ВОТ в ритмообразующей функции**

В ходе анализа материала и ряда специальных экспериментов была подтверждена гипотеза о наличии у слова *ВОТ* ритмообразующей функции, в основном в тех случаях, когда эта единица в текстах никак интонационно не выделена и ей трудно приписать какую-то иную конкретную функцию:

- *буквально вот | в полуметре;*
- *они вот подплывают | к самому побережью;*
- *очень чувствуется вот | влияние луны.*

• **ВОТ в функции поиска**

- *и дальше поехали на один из курортов на / берегу / Каспийского / моря // ну / э-э конечно там уникальная / природа / вот этот / э-э совершенно нетронутая / Каспийское / море;*

○ открытого] пространства **вот этих вот э-э**] незаполненных наших домами там фабриками ну там ну больше всего вот как там природного // естественно природного чем] э-э там всяких построек.

• **ВОТ в хезитативной функции**

○ как бы неожиданно было но в то же время приятно // **вот** ну и **вот** мама значит / поехали мы / туда в Москву нас встретили так очень замечательно;

○ один мой одноклассник сказал то что / ты знаешь я не наелся ну и конечно я естественно ему отдал / м-м да ну **вот** и-и значит в последний раз этих девочек к чему я все это говорил в последний раз этих девочек я видел э-э м-м-м.

Общее соотношение различных «несловарных» функций слова ВОТ в материале исследование представлено на рис. 3.2.

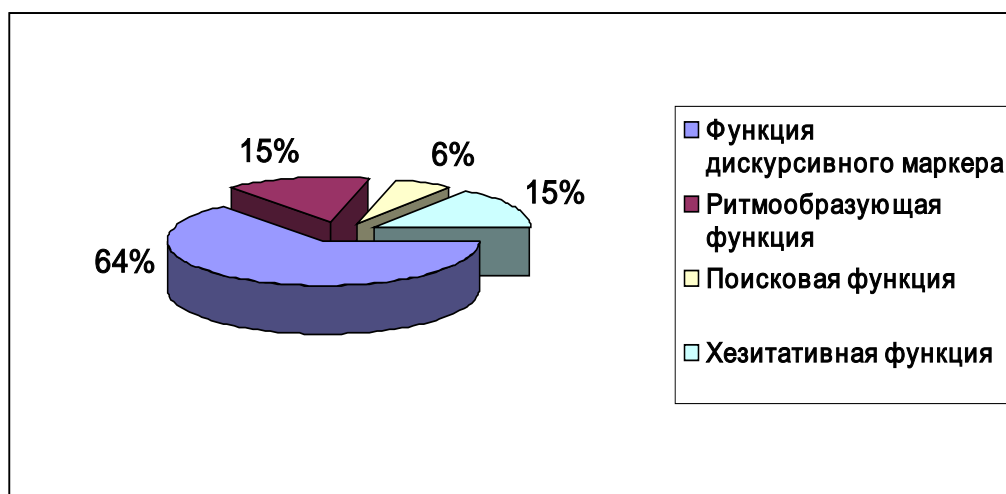

Рис. 3.2. Употребительность слова ВОТ в разных несловарных функциях

Количественное же соотношение единиц обоих классов употреблений слова ВОТ («словарных» и «несловарных») в материале исследования представлено на рисунке 3.3.

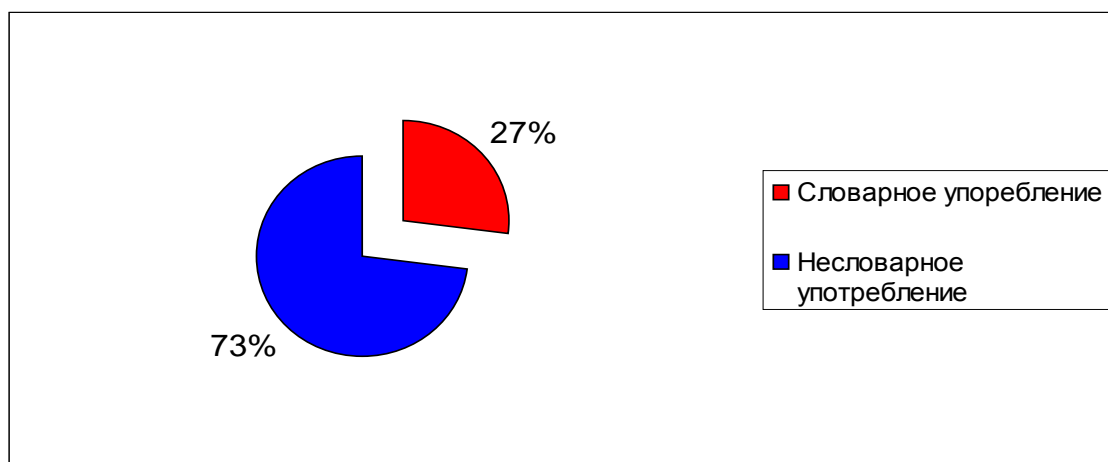

Рис. 3.3. Количественное соотношение «словарных» и «несловарных» употреблений слова *BOT* в материале исследования (САТ)

Из рисунка видно, что в материале настоящего исследования более чем в 2 раза больше единиц, не соответствующих словарной фиксации, что можно объяснить тем фактом, что объектом наблюдений является именно живая, спонтанная, повседневная речь.

Подводя итог анализу функционирования слова *BOT* в спонтанных монологах, необходимо сказать, что выделение довольно большого количества случаев употребления слова *BOT* в тех или иных функциях, помимо ранее уже отмечавшихся исследователями, свидетельствует о том, что этот список открыт и наверняка существуют и какие-то другие, пока не обнаруженные функции.

Нет сомнения, что в свете всего вышесказанного словарная статья на слово *вот* должна быть очень объемной, подробной и в составе, скорее, специального словаря дискурсивных единиц (или вербальных хезитативов) русской речи, что позволит описывать ее на фоне подобных, выявляя ее сходства и различия в сравнении с другими ДЕ (или ВХ).

❖ *НУ*

Частица *ну*, являясь текстовым коннектором³⁵, часто употребляется в начале фрагмента текста, что, по мнению О. А. Лаптевой, является

³⁵ *Коннекторы* — это формально неизменяемые слова, которые маркируют связи между так называемыми сверхфразовыми единицами. Коннекторы не являются отдельной частью речи. В этот класс объединяют некоторые союзы, некоторые частицы и некоторые наречия (см. о них, например: Урысон 2012).

«маркированной функцией» (Лантева 1999: 492; см. также о ну как об одной из «частиц-скреп» в начальной позиции во фразе: Гришина 2007). Таких примеров в нашем материале достаточно много:

- *В ну вот там ещё есть / подожди / здесь же ещё... / всё-таки мы () вот с той стороны же был / ещё короче мостик какой-то;
- ну / это всё здорово / я думаю что / Захару / может / неудобно будет кушать тут / с утра;
- ну / я не знаю / в шесть или в семь / я думаю что / я одну оставлю;
- ну знаешь (...) этого самого(:) / Володю(:) Шагиданова я тебе не посоветую / он ... *В у нас работают в авт... в автокаде.

Правда, несколько иного мнения придерживается на этот счет А. Д. Шмелев. В соответствии с его гипотезой (см. Шмелев А. Д. 1998: 152), «общая идея частицы ну связана с “вынужденным говорением”. Ну уместно, когда развитие коммуникативной ситуации заставляет говорящего сказать нечто; говоря это, он апеллирует к тому, что уже в какой-то степени известно адресату речи, и выражает установку на взаимопонимание и кооперацию. Поэтому частица ну не может фигурировать в абсолютном начале дискурса (выделение мое. — Н. О.), в составе полностью инициированной реплики. Слово ну указывает на то, что данный фрагмент в каком-то смысле вытекает из того, что уже рассказано, и говорящий рассчитывает на то, что адресат речи это понимает» (Шмелев А. Д. 2005: 520). В случае, когда ну все же оказывается в начале текста, решающим, по мнению А. Д. Шмелева, «оказывается наличие предшествующей ситуации, которая детерминирует необходимость какой-то начальной реплики (оба участника коммуникации понимают, что надо как-то начать общение)» (там же).

В нашем материале ну, часто в составе различных дискурсивных конструкций, маркирует и конец фрагмента текста:

- даже в ноябре # а Новый год? вот а что там делать в Новый год? # ничего @ ну;
- Настенька может не возьмут / я не знаю / я не знаю @ ну;
- вот мне кажется что да // # мы померяем и купим / всего слушай / *П *Н # ну может быть не срочно / ну вот так вот;

- *а она ф-ш-з / первое всех приходила / короче сразу со стартом / ну вот.*

Такие употребления *ну* Е. А. Гришина относит к разряду «контактных слов», наряду с обращениями (*Ребят / ну / ну не надо!*) и глаголами, привлекающими внимание адресата к высказыванию (обычно в императиве или во 2 л.) (*Слышь / брат! Ты мне поможешь / я тебе помогу / все люди братья!..; Здесь же формулы! Адски трудно / посмотри! А?*) (Гришина 2007).

Кроме того, *ну* может использоваться для уточнения сказанного или побуждения продолжать прерванное высказывание, выражать отказ от первоначального намерения говорить или иметь противопоставительно-выделительное значение, заменяя при этом союз *но* (Vocale 2011б), ср.:

- *я всё думаю / просто может быть / в объявлении указывать ? нет / ну хотя я в объявлении указываю что (...) где-то вот так вот.*

А. Д. Шмелев выделяет еще и такие разновидности употребления этой частицы в речи, как «*ну* “поиска”», «*ну* “выбора”» и «*ну* “согласия”», «призывное», «требовательное» и «умоляющее» *ну*, *ну* как «маркер коллрекции» (вслед за Ю. В. Дараган) или «частичной уступки», риторическое *ну*, а также ряд др. (Шмелев А. Д. 2005: 520-523). См. также другие, весьма многочисленные, лингвистические работы об этой частице: Баранов, Кобозева 1988; Левонтина 1999; Дараган 2000, 2002, 2003.

В любом случае думается, что словарная статья и на это слово должна быть специальной, объемной и в составе того же потенциального словаря дискурсивных единиц, а не словаря русской разговорной повседневной речи.

❖ *ДА*

Частица *да* используется в ОРД в значениях, представленных в толковых словарях:

- *да (:)* *нашли* — выражение утверждения, согласия;
- *а я был один раз на () маслбойке вот на Украине // да ? в Донецке () куда я ездил // мы возили семечки в обмен на масло такое знаешь () ну ароматное* — выражение вопроса при желании получить подтверждение чему-либо;

- *да ладно ! *П чем помогала* — придание высказыванию большей выразительности.

Кроме этого, *да* встречается и в качестве заполнителя пауз хезитации, как самостоятельно, так и в составе хезитационных конструкций *да вот, ну да*:

- *как приводим (...) к единой шкале / да / к стандартизированным баллам / мы открываем с вами страницу / триста восемнадцать*;
- *мы смотрим / да / пересечение это / означает пятый стен / *П да*;
- *дальше / вот пока с этим понятно / да / как в стены переводить ? # ну да // # вам понятно ? @ вам всем там / понятно ?*;
- *у нашего испытуемого / да вот / *П мы смотрим средний / да ... *П пять баллов / пять стенов / средний уровень (...) невротизации / то есть / по сути дела что мы можем *Н как его охарактеризовать*.

Вообще, слово *да* стало столь частотным в нашей речи, что его функционирование заслуживает отдельного и весьма тщательного исследования, ср. рассуждения на эту тему в Интернете (по поводу конструкции *по ходу* в значении ‘похоже’):

- *разве это единственный «паразит»? Вы гляньте, как теперь все повадились «дакать». Каждое второе слово — «да». По вот такому принципу: «Вот вы гляньте, да, как теперь дакают, да?» (Походу вместо похоже 2012).*

Приведем еще несколько примеров из ОРД:

- *а ну идём да сюда # вот-вот-вот туда*;
- *помидоры # которые... / да / прикидывают*;
- *я даже не знаю куда... / *Н не вспомнить # ну да (...) / ну это давно было / может тогда ещё не было расхожим*;
- *сплавляли (...) наверно (...) да () да-да-да # по воде плывёшь куда угодно / да ?*;
- *там к сему (...) / к нему все девки (...) @ пока не проговорился @ к нему все девки приставали // пока не проговорился / да / по-немецки / () пока молчал*;
- *название такое / да ? # ну оно так и называется / *П посёлок Биостанция // *П у нас дом стоял на горе // *П и каждый вечер / я возвращалась в гору / минут пятнадцать // *П а () как бы все огни*

посёлка оставались внизу / и нужно было # ты идешь в гору / и соответственно смотришь в небо / да ? @ в крошечной тьме;

- *программист // (э-э) но он (э) *П как бы / он интересуется философией / *П традиционалистскими учениями @ ну да @ Рене... Ренегенонам там / @ прорагмист и *Н понятия да / они близкие // *С;*
- *да / вот шестёрка / которая... / была ... / да // @ а ... / её дико переделывали;*
- *ну () на четыре тысячи да рассчитывать ? а подорожаний у вас никаких не намечается?;*
- *(э-э) у нас работали в компании там / например грузчики на складе // ну это основная как бы да / всегда гуляющая штатная единица / и всегда требующая какого-то денег // ну то есть в силу своего социального там / и какого-то там статуса определённого и (:) культуры / ну вот / и они постоянно там / требуют денег;*
- *вообще люблю эти места вот // *П вот старый Крым / @ да @ как его ? (м-м-м) Судак;*
- *нет я понимаю / но вот когда мне говорят ну предположим я беру «Оку» там автомобиль да в аренду *Н мне говорят ну мужик ты платишь за два конца туда и обратно / и в общем то без проблем / понятно/ есть такая практика.*

Из иллюстраций видно, насколько богат, разнообразен и интересен этот материал. Семантическое и функциональное разнообразие употреблений слова **да** также заслуживает специального рассмотрения и отдельной, и весьма объемной, словарной статьи, предпочтительно, например, в словаре дискурсивных единиц.

❖ А

Текстовый коннектор *а*, служащий для оформления вопроса, сцепления реплик и введения новой темы является, по мнению П. Бокале, одним из наиболее часто встречающихся, особенно в стартовой позиции (*Vocale* 2011б, см. также *Гришина* 2007):

- *а интересно ...;*
- *так / а теперь куда ?*
- *а зажигалку дала ?*
- *а теперь куда / ты видишь ?*
- *четыре ... / а четыре вот здесь;*

- *а как нам перейти ?*
- *а здесь нет дороги // да ? или есть ? есть / но за забором;*
- *а ты был в Крыму ?*
- *а потом / *П был (...) с другом // *П мы зарулили сначала к моим / *П заехали // а потом;*
- *а у тебя *Н ?*
- *а полярная звезда ?*
- *а небо какое !*
- *а здесь / # как она называется по-нормальному ?*

Финальное *а*, сигнализирующее о просьбе реакции, отклика со стороны собеседника (см. о нем подробнее: Левонтина 2000; см. также Гришина 2007), встречается реже:

- *почему панели такие узкие / а ?*
- *ну мне кажется / мне надо больше # какой нам в коридор лучше / а?*
- *это *Н @ потому что @ а / Настя / *П на новенького / а?*
- *куда ж ты меня привёз / а ?*
- *там семнадцатый канал / а?*
- *Наташа ! *П попробуй это тоже @ а ?*
- *всё // а не много ли блюдец / а ?*
- *мам / вопрос был... # *Н / а ?*
- *Тима / иди посмотри телевизор / а ?*

Седьмое, восьмое и девятое места в «верхушке» частотного словника ОРД занимают служебные слова *и, что, в* (3637, 3625 и 3516 употреблений соответственно).

❖ ЭТО

Наконец, замыкает десятку «слово» *это* (3365 употреблений), которое также может быть хезитативом (*только это ну(:) / знаешь как бы вот это...; нормально он (:)* // **П так (...) короче / на это () на виски не жмёт*) или входить в ряд таких хезитационных конструкций, как *не это самое* и *это самое* (см. о них подробнее: Звуковой корпус... 2014).

Первый более или менее полноценный глагол в частотном словнике ОРД — *знаю* (608 употреблений; 40 место)³⁶. При этом ни одного полноценного существительного в списке 150 самых частых «слов» не обнаружилось вообще. На 116 месте оказалось слово *бл...дь* (206 употреблений), сопоставимы с ним по употребительности следующие единицы:

- *блин* — 305 (85 место);
- *типа* — 199 (118,5 место) + 10 *типо*);
- *время* — 197 (121 место).

Проанализируем, в каком значении употребляются данные единицы и какие функции выполняют в контекстах ОРД.

❖ **БЛИН**

«Слово» *блин* употребляется в ОРД на 100 % в роли не существительного, а некой дискурсивной единицы, слова-паразита, близкого к междометию (просторечному, грубому, бранному):

- *нам надо было блин ! где Мойка ? как проще вернуться ? здесь ? туда ? или с этой стороны ?*
- *вот дело в том что знаешь / это в общем короче да / и муж / вот этой подруги взвился говорит / ты вообще там идиотка блин / и я это всё видел.*

Как бы ни относиться к явной экспансии этой единицы в нашей повседневной устной речи, ее функционирование также заслуживает более пристального лингвистического внимания и отдельной статьи в соответствующем словаре. Пока можно говорить о ее фиксации лишь в различных электронных словарных ресурсах и в словаре экспрессивной разговорной речи В. В. Химики. Последний определяет *блин* как единицу «в знач. межд., вводн. Жарг. эвфем. Выражение досады, раздражения, удивления, восхищения, одобрения и т. п. • Каламбурное употребление нейтрального слова вместо сходного по звучанию БЛ...ДЬ» (Химик 2004: 48).

³⁶ Не исключено, что значительная часть этих употреблений — из той же hesitantной конструкции (*я*) *не знаю*, о которой речь шла выше.

Словоборг (slovoborg.su) также определяет *блин* как слово-паразит в функции междометия и дает при этом его оценку пользователями Интернета: 21 — ЗА, 12 — ПРОТИВ. Из такого соотношения оценок видно, что носители языка в большей степени склонны принимать эту единицу в указанной функции, чем отвергать ее. Ср. характерный стишок с просторов Интернета:

*Это слово пришло из былин
И оно даже детям знакомо:
Говорим мы привычное «блин»
На работе, в дороге и дома.
Без него и беседа пуста,
Скажешь «блин» — всё наладится быстро.
Слово это у всех на устах:
И у дворника, и у министра.
На скамеечке — он и она,
Дышит нежностью каждое слово:
— Для меня ты, блин, Машка, одна...
— Ах, как, блин, я люблю тебя, Вова...(Ганчаров 2014).*

Словарь молодежного сленга уточняет значение этого междометия: ‘возглас выражения отрицательных эмоций, досады; ругательство’ (teenslang.su), из чего видно, что возможность выражения этим словом положительных эмоций, предусмотренная словарем В. В. Химика, здесь не поддерживается. То же видим и в электронном русско-английском справочнике по разговорной речи (englishtown.com/speaking-english), который дает соответствующие варианты перевода этого слова на английский разговорный: *блин!* (также: *черт! Черт побери! Твою мать!*) — *lynchpin, Bugger! Pants!* — тоже исключительно в отрицательных, ругательных вариантах.

Так или иначе, но и этой единице устной речи должно найтись место в соответствующем словаре: по-видимому, логичнее всего — в словаре дискурсивных единиц.

❖ **ТИПА**

Частеречная принадлежность слова *типа* может существенно различаться в зависимости от контекста. Так, Н. В. Богданова выделяет следующие случаи (см. *Богданова 2010г*):

1) частица с весьма неопределенным значением:

- *например(?) если я даю в долг / я всегда(:) расстаюсь с деньгами например ... сразу / чтобы ... вдруг не отдадут // я / морально / угу // от... отдаю / прикольно // я (... э) рассчитываю сейчас / что я отдаю // а потом когда мне приходит долг / так оппа // ага // ни хрена себе // **типа** о / кру... круто // мне ещё плюс деньги пришли // я на них не рассчитывал;*
- *да не кто-то над тобой начальник / а **типа** ты сам будешь;*
- *у меня / вот тоже / девчонка / с / ну как бы с моей группы / с немецкого / пошла учить ну как бы не в школе отдельно / а английский // и она говорит / вы представляете / я выучила пословицы / **типа** на английском / такая / начала рассказывать / там вообще;*

2) частица, вводящая чужую речь (= мол):

- *я говорю / а оплата какая ? ну / ты ж ... Дора ж ... / ты понимаешь / мы взрослые с тобой люди // и наверное / когда если уж я стал звонить / то не буду гнуть понты // ну сколько дашь ! **типа** Коля / говорю / ну у меня бабки ... знаешь сколько ей ?*
- *Дора / **типа** привет / у меня к тебе шкурная тема Коля / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? ну типа / причем разговаривает в каком-то таком стиле // красавица с накладными мозгами;*
- *слушай / может быть он и заказ чёткий не сделал ? может он просто спросил / **типа** а можно ?*

3) заполнение паузы хезитации:

- *ну посмотри / посмотри // почитай это задание / сделай всё / а потом / как бы(:) (...) увидишь // а / **типа**(:) ...;*
- *Дора / типа привет / у меня к тебе шкурная тема Коля / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? ну **типа** / причем разговаривает в каком-то таком стиле // красавица с накладными мозгами;*

4) сравнительный союз в составе разговорной конструкции, характеризующей тот или иной объект, обычно незаконченной — *N₁* типа (*N_{1, 2}*):

- *я говорю / Кирилл / только винчестер оставь / он там **типа** это / он ... а он такой / а он загруженный ?*
- *это знаешь / как водопроводчик / которого спрашиваешь / что нужно сделать / чтоб типа унитаз работал нормально / а(;) он / ничего не может объяснить // то есть он такой **типа** / а / ничего там / ржавый гвоздь вставляю;*
- *ну на пароходах на вот этих на колёсных угу // что-то **типа** ватерлиния какая-то;*

5) часть составного разговорного сравнительного союза *типа того что*:

- *он такой / я же сказал / надо () головой во все стороны крутить / чтобы шея / что / ну что / чтобы шея сломалась / **типа того что** не надо бояться;*

6) пояснительный союз (= *то есть*):

- *но там же каждый семинар / имеет определенную тему / это не просто так на откры... / **типа** что хочешь / то и делаешь;*
- *выпили там чего-то виски ... тьпфу водку с колой / **типа** повеселились;*
- *ты знаешь / кто такие эфсигип(?) ? да да да // **типа** / тебе пришла эсэмэска / разошли там ... пятьсот(?) эсэмэсок;*

7) имя существительное в значении ‘образец, модель или разновидность, форма, которым соответствует известная группа предметов, явлений’?, обычно в сочетании с указательным местоимением *такого*:

- *я приглядела вот такого **типа** / они тоже / вот так-то они и похожи;*
- *ну такого **типа** где-то;*

8) имя существительное в значении ‘разряд, категория людей, объединенных какими-л. характерными чертами (социальными, профессиональными, нравственными)’:

- *далее мы смотрим / (а-а) ... по сути дела сангвиник / да / можем дать характеристику / как психологи / сангвинического **типа** темперамента / да / что (...) чем он характеризуется;*
- *высокие оценки / соответствуют невротическому синдрому / (...) астенического **типа** / (...) со(;) значительным психосоматическим нарушениями.*

Видно, что только 2 из 8 выявленных вариантов употребления в ОРД «слова» *типа* могут быть отнесены к разряду имен существительных, из 38 контекстов (случайная выборка) таких употреблений оказалось только 7 (18,4 %) Все остальные употребления «слова» *типа* носят откровенно незначительный характер и лежат полностью за рамками кодифицированного языка (см. *Богданова 2010г: 6-8*).

❖ **ВРЕМЯ**

Схожая ситуация наблюдается и со «словоформой» *время*, которая, наряду с традиционным употреблением в качестве имени существительного, встречается и в других — преимущественно адвербиальных — значениях (в составе различных конструкций):

1) *в ближайшее время* (‘совсем скоро’):

- *в ближайшее время она категорически не грозит;*

2) *время от времени* (‘иногда’):

- *ну и я так / (ф...ф) приходил **время от времени**;*

3) *все время* (‘постоянно, не переставая’):

- *надо **всё время** карма такая // там камин ещё;*
- *и я **всё время** прихожу к нему в гости;*

4) *на время* (‘временно, на какой-то срок’):

- *нет / антибиотики загасят это дело **на время**;*
- *оно затихнет **на** какое-то **время** / но совершенно не пройдёт / точно;*

5) (*в*) *последнее время* (‘незадолго до настоящего момента’):

- ***в последнее время** он в Японию собирался;*
- *вот я как-то вот **последнее время** / у меня такой настрой это что(:) (...)**больно** мы временные здесь;*

б) *в то же время* (‘вместе с тем, одновременно’):

- *надо что-то ... чтобы не очень претензионно было да и **в то же время** как бы ... что-то надо нарядное;*

7) *одно время* (‘в течение некоторого времени’):

- *ну у меня там квартира была **одно время**;*

8) *долгое время* (о большом отрезке времени):

- *мы ещё ходили там / долгое время искали;*

9) *в свое время* ('когда-то в прошлом'):

- *в своё время / народ считался / одним из самых читаемых;*
- *в своё время (...) / съехались вместе с ней / жить;*
- *я в своё время / с парты на () истфаке;*

10) *в любое время* ('когда угодно'):

- *позвоним в любое время / что ты ? сейчас;*

11) *во время* (предлог с Р. п.):

- *газ ядовитый / которым / Гитлера отравили // которым / кучу народа отравили во время Первой мировой войны;*
- *и они короче меня / м... мячом / во время футбола / пытались попасть (см. Богданова 2010г: 9-11).*

Таким образом, видно, что наиболее частотные единицы словника ОРД являются не речевыми, а по преимуществу лишь условно-речевыми единицами спонтанной речи. Поэтому их лексикографическое описание приведет, скорее, к созданию словаря дискурсивных единиц (вербальных хезитативов, хезитационных конструкций) или служебных слов, что, конечно же, заслуживает отдельного внимания, однако не входит в задачи настоящего исследования.

3.2.3. Анализ и лексикографическое описание отдельных лексико-семантических групп

Это направление лексикографического описания материалов Звукового корпуса затрагивает собственно речевые единицы спонтанной речи, а именно их номинативный макроклас, т. е. слова, у которых обязательно есть денотат. Это и позволяет поставить во главу угла семантику слова в употреблении и проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных слов.

3.2.3.1. Основные критерии отбора материала

Настоящий раздел работы посвящен отбору материала для конкретного анализа и опыта лексикографического описания — слов

с обозначением лиц женского и мужского пола в русском языке. Эта микросистема наименования лиц в научной литературе называется по-разному. Так, Ю. Н. Караулов пишет о «семантическом поле слов, обозначающих лицо: названия лиц по возрасту, названия ребенка, профессиональные названия и т. д.» (Караулов 1976: 40). И. Ф. Протченко использует для обозначенной лексико-семантической микросистемы такие наименования, как категория названий лиц или категория личных имен существительных (Протченко 1975: 272, 273). В настоящей работе, вслед за Л. В. Дуличенко, используется термин *антрополексическая микросистема* (Дуличенко 2000), единицы которой можно назвать *антрополексемами*. Именно антрополексемы — наименования человека/лица мужского и женского пола — становятся объектом исследования в этой части работы. При этом следует различать нарицательные и собственные антрополексемы (последних, т. е. антропонимов, мы в нашей работе не касаемся). Обращение именно к этой лексико-семантической группе является насущно необходимым с разных точек зрения.

Во-первых, антрополексемы составляют в русском языке довольно большую и разнообразную группу, в которой есть специальные единицы, указывающие на возраст, социальное положение, семейный или родственник статус, а также слова с самыми разными стилистическими оттенками, вплоть до жаргонного (см. также Андросова, Чен 2010).

Во-вторых, исследуемые слова относятся к той группе лексических единиц (наименования людей по полу и возрасту), которые справедливо считают наиболее древним пластом лексики любого языка и которые обозначают базовые концепты любой культуры (см.: Ефремов 2010а: 19).

Хотелось бы особо отметить, что данная группа слов рассматривается исключительно с точки зрения ее лексикографического описания, антропонимическая проблематика, описываемая, например, в работах Ю. Д. Апресяна (Апресян 1995), Н. Д. Арутюновой (Арутюнова 1995, 1999), Е. Л. Березович (Березович 2007), Ю. А. Рылова (Рылов 2006) и др., или

историко-социальные проблемы, затрагиваемые, например, в работе В. В. Колесова (*Колесов 1988*), в настоящем исследовании сознательно оставляется в стороне.

Первым шагом в таком исследовании должен стать *отбор конкретного материала*, поскольку полный список слов с обозначением лиц мужского и женского пола в русском языке слишком велик. Для начального этапа исследования (и для апробации их описания в рамках речевой лексикографии) показалось целесообразным ограничиться следующими группами слов:

- 1) наименования по половому признаку (*женщина, баба, тётя, мужчина, мужик, дядя*);
- 2) возрастные наименования (*девочка, бабушка, юноша, старик*);
- 3) наименования с учетом семейного статуса (*женщина — девушка, девка; мужчина — парень*) (см. подробнее *Андросова, Чен 2010*).

При этом большое количество типов наименований лиц неизбежно остается за рамками настоящего исследования:

- 1) наименования с учетом социального статуса (кроме семейного) (*дворянка/дворянин, босяк/босячка, барыня/барин, дама*);
- 2) наименования с учетом особенностей характера и поведения (*фифа, обольстительница, нелюдимка, ловелас, пижон, волокита*);
- 3) наименования с учетом внешности (*красавица/красавец*);
- 4) наименования с учетом отношений с кем-либо (*любовница/любовник, краля, пассия, подруга/друг, хахаль*);
- 5) наименования с учетом профессии или рода деятельности (*знахарка/знахарь, наставница/наставник, актриса/актер*);
- 6) наименования родственников (термины родства) (*внучка, дочь, невестка, зять, шурин, сын*);
- 7) оценочные наименования (*неряха, негодница, грязнуля, шалун*);
- 8) наименования, принятые не в России, в том числе употребляемые только с именем собственным (*сеньора/сеньор, мадам, мисс, мистер*);

- 9) наименования, используемые в функции обращения (*милочка, дорогуша, зайка, котик, лапушка, сударыня,, товарищ, господин*);
- 10) ругательные наименования (*дура, идиот*).

Кроме того, было решено отказаться от антрополексем, которые могут использоваться для наименования лиц в равной степени как женского, так и мужского пола, поскольку по контекстам, представленным в ОРД, зачастую невозможно определить соответствие их значений упомянутым выше критериям отбора материала.

Одним из самых ярких примеров такого рода является слово *ребенок*. Интересующее нас значение представлено в Малом академическом словаре следующим образом: ‘маленький мальчик или маленькая девочка’ (МАС 1999). Как видно из следующих контекстов ОРД, по ним невозможно определить, идет ли речь о ребенке женского или мужского пола:

- *я уже думал / может опять отправить их одних // *П всё-таки с **ребёнком** / там море такое знаешь (...) опасное;*
- *а потом мне стало стыдно / о сты... думаешь / зараза жадная // *П ты пила «Новосветское» шампанское / а твой **ребёнок** может никогда в жизни его и не увидит;*
- *а вот **ребёнок** как-то равнодушен к мороженому;*
- *нет / у нас знаешь / вообще **ребёнок** ест () почти всё;*
- *точно / точно // @ а **ребёнок** спит ?*
- ***ребёнок** смотрит про крокодила Гену;*
- *мы с Ленкой идем разговариваем // *П я говорю / мне так и так сказали // она говорит / пусть она сама пси... (...) к психологу обратится // *П говорит / нормальный **ребенок**.*

В таблице 3.3 представлены другие примеры подобных слов.

Таблица 3.3

Антрополексемы из ОРД с неясным значением

Лексема	Пример из ОРД
<i>дети</i>	<i>женщины детям рассказывают / дети там вопросы задают</i>
<i>детушки</i>	<i>там в общем / (э-э) учат детушек всяких разных / ну взрослых тоже людей</i>
<i>детка</i>	<i>не понимаю я детку / не понимаю</i>

	<i>давай / тёплое одеяло / давай / спокойной ночи / детка</i>
<i>дитя</i>	<i>детский врач / а (...) слова не скажет // и дитя моё / боялось её</i>
<i>ребенок</i>	<i>нет / у нас знаешь / вообще ребёнок ест () почти всё</i>
<i>ребята</i>	<i>я (...) как бы / () я не знаю // у них какое-то ... / ну просто не досмотрели чего-то ребята ! у них нету понятия добра и зла // ну что поделаешь / с ребятами // нормально !</i>
<i>ребятенок</i>	<i>у меня ребятёнок начинает в Мак-Дональде там / тусить / радоваться</i>
<i>ребятки</i>	<i>ну всё ребятки / за меня () замечательную ! да !</i>

Нет сомнения, что все эти группы антрополоксем — специфические наименования лиц мужского и женского пола — очень интересны в плане лингвокультурологии и теории перевода, однако они, как представляется, должны стать объектом специального исследования, или даже ряда исследований³⁷. Поэтому дальнейшее внимание в работе сосредоточено только на первых трех лексических группах — общих наименований лиц женского и мужского пола в русском языке.

3.2.3.2. Этапы работы с материалом

Материал для исследования был получен методом сплошной выборки: из компьютерной версии «Словаря русского языка» (МАС) в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (МАС 1999) были извлечены 76 слов, удовлетворяющих исходным принципам, — общие наименования лиц женского и мужского пола с учетом только возраста и семейного статуса (см. табл. 3.4 а, б). В обеих таблицах, кроме самих слов, даны их значения (по МАС), в том числе отмечены все случаи многозначности. Для слова *дева* в качестве отдельного значения в таблицу внесено устойчивое выражение *ст арая дева* — ‘о немолодой девушке, не вступавшей в брачные отношения’.

³⁷ См., например, Досимова 2008; Ефремов 2010а,б.

а) Слова с обозначением лиц женского пола, общее значение
(по материалам МАС)³⁸

№	Слово (лексема)	Значение (семантика)	Пример
1.	Баба	1. Замужняя крестьянка. 2. Женщина вообще.	С мужиками он [Костяков] рассуждал об их жите-быте, с бабами шутил. Этот, просто, все бабы говорят, когда им мужчина нравится.
2.	бабка	3. То же, что бабушка. То же, что бабушка ('вообще о старой женщине').	Дом, где жили дед да баба также есть вечно и долговечно, как зверь в норе, сыч в дупле, плод в земле — приобрел значение некоего социального размежевания. Вечером пошла к старухе Клавдии Петровна чай пить. Удивительная бабка .
3.	бабье	собир. Бабы, женщины.	И что это будет, если бабье побросает дела и дома, усядется пить чай и играть в шахматы?
4.	бабушка	Старая женщина, старуха.	С удивлением я узнал, что ей [тетя Даша] нет еще и сорока лет. А мне она казалась настоящей бабушкой .
5.	бабуля	Ласк. к бабушка ('вообще о старой женщине').	Из подъезда вышла бабуля с собачкой и говорит: «Взрослые, а всё тебе же».*
6.	бабуся	Ласк. к бабушка ('вообще о старой женщине').	Бабуся добродушно рассмеялась.*
7.	барышня	Молодая девушка вообще.	Господину Перекатову показалось весьма лестным жениться на барышне воспитанной, умной.
8.	гражданка	Взрослый человек (женщина).	Странно, по расчету молодого человека, должны были произвестись и сильнейшее впечатление на одну гражданку , с которой он познакомился незадолго до отъезда в командировку.*
9.	дева	То же, что девушка ('лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности').	В центре зала вышла босая дева в неопределенной белой хламиде.**
10.	старая дева	О немолодой девушке, не вступавшей в брачные отношения.	Анастасия Дмитриевна была старая дева , вздорная, с капризами и причудами.
11.	девица	То же, что девушка ('лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности').	Скромная девица , сколько ни старалась таить внутреннего чувствования, принуждена была признаться, что и она при первом на него взгляде потеряла равнодушие.

³⁸ Примеры, отмеченные (*), приведены не из МАС, а из «Словаря русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (Словарь русского языка 1992), а примеры, отмеченные (**), — из Национального корпуса русского языка.

12.	<i>девица</i>	То же, что <i>девушка</i> ('лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности').	<i>Красна девица.</i>
13.	<i>девка</i>	1. То же, что <i>девушка</i> ('лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке).	<i>Я к вам на минут ку, Марфа Тимофеевна, — начала было она [Лиза]... — Зачем на минут ку? — возразила ст арушка. — Чт о эт о вы все, молодые девки, за непоседы за т акие?</i>
14.	<i>девочка</i>	2. Крестьянская девушка Ребенок или подросток женского пола.	<i>Муж ики сгребали невеяное зерно в ворох, бабы и девки замет али.</i> <i>У кост ра сидела девочка лет двенадцат и.</i>
15.	<i>девушка</i>	Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак.	<i>Сначала Пет рову показалось, чт о эт о девочка-подрост ок. Когда ж е она подошла к ст олу, — он увидел, чт о эт о девушка — и девушка хорошенькая, в расцвет е лет .</i>
16.	<i>девчонка</i>	То же, что <i>девочка</i> ('ребенок или подросток женского пола').	<i>К нему бросилась девчонка лет двенадцат и.</i>
17.	<i>девчурка</i>	Ласк. к <i>девочка</i> ('ребёнок или подросток женского пола').	<i>Расскаж и, Нат ка, сказку, — попросила синеглазая девчурка и виноват о улыбнулась.</i>
18.	<i>девчушка</i>	Ласк. к <i>девочка</i> ('ребёнок женского пола').	<i>Эт о я, дедушка, — сказала чет ырехлет няя девчушка, пролезая в дверь.</i>
19.	<i>девчат а</i>	(мн.) Девушки, девочки.	<i>Девчат а были уж почт и на конце леса, — когда в разных мест ах послышались звонкие ауканья девок и баб, вышедших позднее и т акж е собиравших ягоды.</i>
20.	<i>дивчина</i>	То же, что <i>девушка</i> .	<i>А на Волге, говорят , какая-т о дивчина всей сменой на шагающем [экскават оре] командует .</i>
21.	<i>женна</i>	То же, что <i>женщина</i> ('лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая рождает детей и кормит их грудью').	<i>Славные ж ёны От чизны.*.</i>
22.	<i>женщина</i>	1. Лицо, противоположное по полу мужчине.	<i>Женщина и муж чина имеют в СССР равные права.</i>
		2. Лицо женского пола, вступившее в брачные отношения.	<i>Ты меня видишь девушкой, посмот ри ж енщиной, чт о из меня выдет .</i>
23.	<i>молодица</i>	Молодая замужняя женщина.	<i>Красивая чёрная молодица — гибкая, длинноногая, длиннорукая, с целой бурей волос — и рядом, по плечо ей, заморыш в военном френче.**</i>
24.	<i>молодка</i>	То же, что <i>молодица</i> .	<i>Молодка т ихо заплакала, собирая слезы в конец головного плат ка, поверх кот орого была надет а рогат ая кика, щедро расшит ая ж емчугом.**</i>

25.	<i>молодуха</i>	То же, что <i>молодица</i> .	<i>По праздникам, вечерами, девки и молодухи ходили по улице, распевая песни.</i>
26.	<i>невест а</i>	О молодой девушке, достигшей брачного возраста.	<i>Сест ра Надя — невест а... — Чья невест а? — Так, невест а: она уж е большая.</i>
27.	<i>особа</i>	Лицо женского пола (когда не хотят назвать имени или выражают свое к ней отношение)	<i>Дело касает ся одной молодой особы.</i>
28.	<i>пацанка</i>	Девчонка.	<i>В армию меня взяли, а у бабы ост алось двое ребят ишек. Да. Пацан и пацанка.</i>
29.	<i>персона</i>	Личность, особа.	<i>Чт обы дост игнут ь, полож им, ст ат ского совет ника, мне или т ебе нуж но всю ж жизнь прот рубит ь, а девица в какие-нибудь полчаса обвенчалась со ст ат ским совет ником — вот уж она и персона.</i>
30.	<i>сест ра</i>	Женщина, объединенная с кем-л. общими интересами, положением, условиями.	<i>Я первый раз виж у ваше лицо, но мне каж ет ся — я давно знаю вас... — [Соколова:] Мы все сест ры, когда нашим дет ям грозит опасност ь.</i>
31.	<i>ст аруха</i>	Женщина, достигшая старости.	<i>Ст аруха т яж ело поднялась на ст упеньки и ост ановилась. На вид ей было лет шест ьдесят .</i>
32.	<i>ст арушка</i>	То же, что <i>ст аруха</i> ('женщина, достигшая старости').	<i>Особенно мне запомнилась маленькая ст арушка с дрож ащим испит ым лицом, в давно пот ерявшей черный цвет , порыж евшей от времени, лоснящейся т альме.</i>
33.	<i>ст арушонка</i>	Уничиж. к <i>ст аруха</i> ('женщина, достигшая старости').	<i>Приплелась древняя мамаша полковника, маленькая, глухая, но еще бодрая, ядовит ая и власт ная ст арушонка.</i>
34.	<i>ст арушенция</i>	Старуха ('женщина, достигшая старости').	<i>На балконе т акж е появилась какая-т о сгорбленная ст арушенция в черной наколке и зеленых буклях.</i>
35.	<i>т ёт ка</i>	Взрослая женщина вообще.	<i>Куда т ебя черт несет , будь т ы т риж ды проклят ! — кричала на него ж ирная т ёт ка.</i>
36.	<i>т ёт енька</i>	1. То же, что <i>т ёт ка</i> ('взрослая женщина вообще').	<i>Пришла какая-т о т ёт енька из ЖЭУ и сказала: «Обойдёт ся дебил». *</i>
		2. То же, что <i>т ёт я</i> ('взрослая женщина вообще').	<i>Милая т ёт енька даж не посмот рела в паспорт , т окмо данные попросила написат ь и пропала на 5 минут , кот орые показались часом. **</i>
37.	<i>т ёт я</i>	То же, что <i>т ёт ка</i> ('взрослая женщина вообще').	<i>Еще ест ь другая загадочная личност ь — эт о т ет я, кот орая подарила Грише барабан. Она т о появляет ся, т о исчезает .</i>
38.	<i>холост ячка</i>	Незамужняя женщина.	<i>Лена замуж ем? Ерунда! Закоренелая холост ячка!</i>

б) Слова с обозначением лиц мужского пола, общее значение
(по материалам МАС)

№	Слово (лексема)	Значение (семантика)	Пример
1.	<i>дед</i>	Старый человек, старик.	<i>Старый дед</i> приходит к колдуну и просит снять с него страшное заклятие, которому уже 40 лет. **
2.	<i>дедка</i>	Уничиж и ласк к <i>дед</i> ('старый человек, старик').	<i>Я подарил ему свои большие сапоги. Дедка</i> был очень доволен.
3.	<i>дедок</i>	Уничиж. и ласк. к <i>дед</i> ('старый человек, старик').	<i>Тут были парни и девушки, мужчины и женщины, а иногда и какой-нибудь бравый дедок.</i>
4.	<i>дедушка</i>	То же, что <i>дед</i> ('старый человек, старик').	<i>Старый дед</i> приходит к колдуну и просит снять с него страшное заклятие, которому уже 40 лет. **
5.	<i>дедуля</i>	Ласк. к <i>дед</i> ('старый человек, старик').	<i>И вот какой-нибудь бывший машинист, невесомый, скрюченный — ему под старость язва желудка съела, потому что он всю жизнь пил воду из тандера, с антинакипином, — и вот такой сухонький дедуля сощурит правый глаз, у всех старых машинистов он слабее левого, от кашляется, распрямится, что об ордене были видны, и начнет: «Помню, еще Ленин был женой».</i> **
6.	<i>дядька</i>	Взрослый мужчина вообще.	<i>В избу вошел дневальный, низенький бородачатый дядька.</i>
7.	<i>дядя</i>	Взрослый мужчина вообще.	<i>Но сумел всё-таки сообразить, что о взрослый дядя может выручить его — и начал дергаться.</i> **
8.	<i>дяденька</i>	То же, что <i>дядя</i> ('взрослый мужчина вообще').	<i>А вот то, что подошёл бы к вам какой-нибудь добрый дяденька и сказал бы: «Девочка, девочка, можешь мне дать только одни светлые камушки?»</i> **
9.	<i>гражданин</i>	Взрослый человек, мужчина.	<i>Ехал как-то вечером гражданин Ф. по улице Робеспьера на своём «жигуленке» шестой модели.</i> **
10.	<i>малец</i>	Мальчик, подросток, юноша.	<i>Поезд-то подходит... как бы малец под паровоз не угодил...</i> **
11.	<i>мальш</i>	Парень, юноша, подросток.	<i>Это был Грицко, сын сотского, мальш лет восемнадцать и.</i>
12.	<i>мальш</i>	Ребенок (чаще о маленьком мальчике).	<i>Как-то шестилетним мальшом я слышал случайно — разговор, из которого заключил, что папа чем-то расстроен.</i>
13.	<i>мальчик</i>	Ребенок, подросток мужского пола.	<i>Мальчик лет пятнадцать и, кудрявый и краснощекий, сидел кучером.</i>
14.	<i>мальчонка</i>	Уменьш.-ласк. к <i>мальчик</i> ('ребенок, подросток мужского пола').	<i>Внимание пассажиров привлекал резвый, полненький мальчонка. Ему было годика два.</i>

15.	<i>мальчуган</i>	пола'). То же, что <i>мальчик</i> ('ребенок, подросток мужского пола').	<i>Эт о был — красивый мальчуган лет десят и.</i>
16	<i>мальчишка</i>	То же, что <i>мальчик</i> ('ребенок, подросток мужского пола').	<i>На даче, еще мальчишками, мы уст раивали любит ельские спект акли у себя на т еррасе.</i>
17	<i>молодец</i>	Молодой человек, достигший расцвета сил, крепкий и статный.	<i>И действительно, сын ее — молодец прекрасный, любезный, с умом, с чувствами, а к тому же и девятнадцати лет: время самых пылких страстей.**</i>
18	<i>молодчага</i>	То же, что <i>молодец</i> ('молодой человек, достигший расцвета сил, крепкий и статный').	<i>Перед ним ст оял высокий, крепкий молодчага, с гордой посадкой головы, с чубом волнист ых русых волос.</i>
19	<i>молодчик</i>	То же, что <i>молодец</i> ('молодой человек, достигший расцвета сил, крепкий и статный').	<i>Послушай, хлопец, — сказал молодчик, одетый в полувоенную форму, остановив его на улице и взяв за локоть, — есть дело к тебе.**</i>
20	<i>молодчина</i>	То же, что <i>молодец</i> ('молодой человек, достигший расцвета сил, крепкий и статный').	<i>Прият но будет видет ь, как эт акий бравый, усат ый молодчина, сидя под окном, в час закат а наигрывает чувст вит ельно на груст ном инст румент е.</i>
21	<i>муж</i>	Мужчина в зрелом возрасте.	<i>Глубокомысленные мужи, вооружённые линейками и часами-хронометрами, хмурия густые брови, измеряют скорости и ускорения, определяют массы упругих шаров, заполняющих мировое зелёное суконное пространство.**</i>
22	<i>муж ик</i>	Мужчина	<i>Но как же мне было хорошо, когда этот мужик в дорогом пиджаке сидел на корточках и разглядывал фару моей машины!**</i>
23	<i>муж чина</i>	Лицо, противоположное по полу женщине.	<i>Мужчина был довольно симпатичным, из приоткрытого окна машины действительно пахло телом и уютом, двигались мы медленно, и он, даже если захочет, не сможет взять и увезти меня за окружную...**</i>
24	<i>от рок</i>	Мальчик-подросток в возрасте между ребенком и юношей.	<i>Но как он на первый взгляд был не похож на того молодого крестьянского поэта, самородка, образ которого давно уже сложился в моём воображении, когда я читал его стихи: молодой нестеровский юноша, почти отрок, послушник, среди леса тонких молодых берёзок лёгкой стопой идущий с котомкой за плечами в глухой, заповедный скит, сочинитель "Радуницы".**</i>

25	<i>парень</i>	Лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке (первоначально молодой крестьянин); молодой человек, юноша.	<i>Савка был парень лет 25, рослый, красивый, здоровый, как кремень.</i>
		Нестарый мужчина вообще.	<i>— Ведь Толст олобов — парень решит ельный: ему всякая шт ука в голову мож ет прийт и!</i>
26	<i>паренек</i>	Ласк. к <i>парень</i> ('Лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке').	<i>На завалинке совсем уж деревенского дома в глубине двора сидел паренёк.**</i>
27	<i>парнишка</i>	Мальчишка, подросток.	<i>Иванко, свет ловолосый парнишка лет десят и, копает червей под крут ояром.</i>
28	<i>пацан</i>	Мальчишка	<i>Пришел ко мне пацан. Лет ему, вероят но, двенадцат ь, а мож ет , и меньше.</i>
29	<i>ст арец</i>	Старик.	<i>Древние ст арцы сидели на кромках сухого канала, как бы ож идая появления воды.</i>
30	<i>ст арик</i>	Мужчина, достигший старости.	<i>Молодых муж чин не было видно, всюду ст арики да ж енщины.</i>
31	<i>ст аричок</i>	Ласк. к <i>ст арик</i> .	<i>И смот рим, сидит за ст олом ст аричок, выпивает и грибочками закусывает **.</i>
32	<i>ст аричонка</i>	Уничиж. к <i>ст арик</i> .	<i>Один из них, мелкий беззубый ст аричонка, по уличному прозвищу «Сморчок», был извест ен т ем, чт о всю ж изнь сут яж ничал.**</i>
33	<i>ст арикан</i>	Шутл. <i>ст арик</i> .	<i>[Наст я:] Хороший был ст аричок!.. А вы... не люди... вы — рж авчина! — [Сат ин:] Любопыт ный ст арикан... да!</i>
34	<i>ст арикашка</i>	Уничиж. к <i>ст арик</i> .	<i>Сам граф был вет хий ст арикашка, почт и совершенно выж ивший из ума.</i>
35	<i>ст аричишка</i>	Уничиж. к <i>ст арик</i> .	<i>— Пуст ой ст аричишка; одна т олько от него в дому вара была. Буян!</i>
36	<i>холост як</i>	Неженатый мужчина.	<i>— Вы — удивит ельное явление, — сказала Фаина. — Сорокалет ний холост як в наши дни — редкост ь.</i>
37	<i>юнец</i>	Юноша, подросток.	<i>В нем, в эт ом горяченьком юнце, — Михаил Пет рович словно видел от раж ение самого себя в пору ранней молодост и.</i>
38	<i>юноша</i>	Лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек.	<i>Юноша не мальчишка и школьничат ь по-мальчишески ему не к лицу — он уж е взрослый человек, а не ребенок.</i>

Следующим шагом анализа стало обращение к Звуковому корпусу русского языка (блок «Один речевой день»). После расшифровки записей ОРД (на данный момент это 450 тыс. словоупотреблений) в программе e-Kar (электронная картотека) был составлен конкорданс всех единиц. Затем данные были экспортированы в уже упоминавшуюся программу eLex, интерфейс которой выглядит следующим образом (см. рис. 3.4).

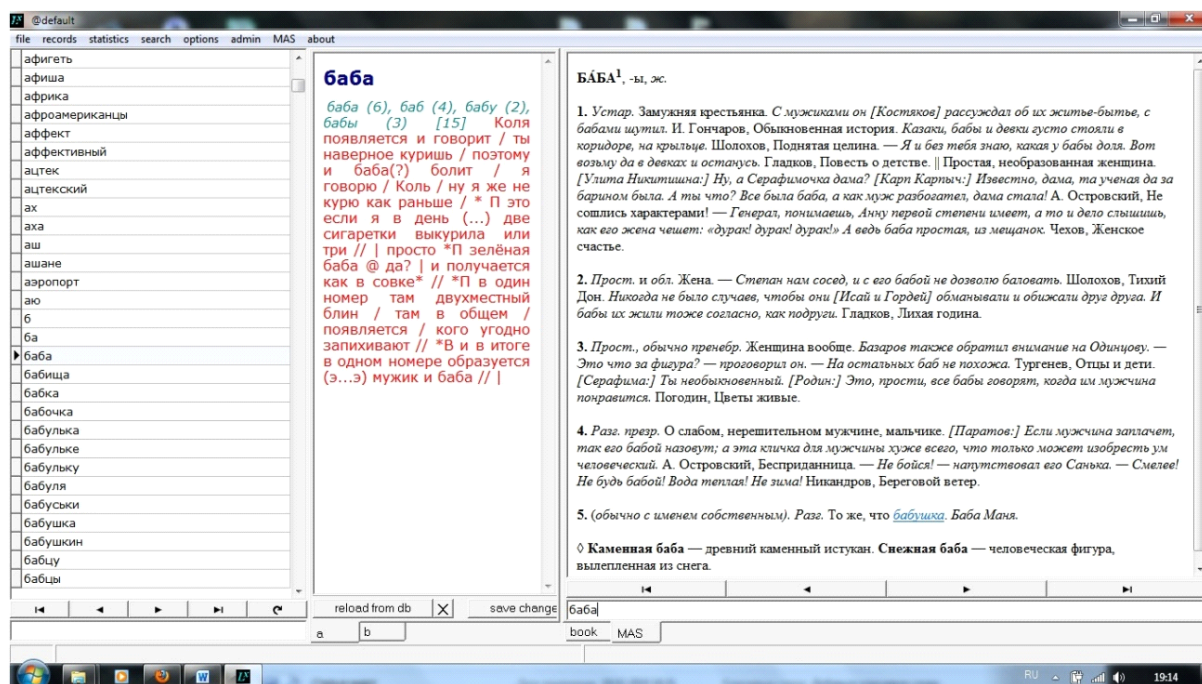

Рис. 3.4. Окно программы, позволяющей сопоставлять данные ОРД и МАС

В первой графе окна представлен словник ОРД в алфавитном порядке. При нажатии на то или иное слово в средней графе появляется информация, которая была получена из e-Kar: частотность и контексты употребления. Наконец, в третий столбец загружаются значения слова по МАС. Сравнение данных во всех трех столбцах позволило выявить в конкордансе исследуемые антрополоксемы с частотой их употребления. Для удобства представим эти данные в виде таблиц (см. табл. 3.5 а, б).

Таблица 3.5

Часть от носящих употребление слов, обозначающих лица женского (а) или мужского (б) пола (по материалам ОРД)

а)

Единица	Количество употреблений	Единица	Количество употреблений
---------	-------------------------	---------	-------------------------

<i>баба</i>	14	<i>дивчина</i>	0
<i>бабка</i>	27	<i>ж ена</i>	22
<i>бабъѣ</i>	0	<i>ж енщина</i>	48
<i>бабушка</i>	67	<i>молодица</i>	0
<i>бабуля</i>	10	<i>молодка</i>	0
<i>бабуся</i>	0	<i>молодуха</i>	0
<i>барышня</i>	3	<i>невест а</i>	2
<i>граж данка</i>	1	<i>особа</i>	0
<i>дева</i>	0	<i>пацанка</i>	0
<i>*ст арая дева</i>	8	<i>персона</i>	2
<i>девица</i>	0	<i>сест ра</i>	14
<i>девица</i>	0	<i>ст аруха</i>	4
<i>девка</i>	8	<i>ст арушка</i>	11
<i>девочка</i>	65	<i>ст арушонка</i>	0
<i>девушка</i>	50	<i>ст арушенция</i>	0
<i>девчонка</i>	37	<i>т ёт ка</i>	26
<i>девчурка</i>	0	<i>т ёт енька</i>	3
<i>девчушка</i>	0	<i>т ёт я</i>	25
<i>девчат а</i>	0	<i>холост ячка</i>	0

б)

<i>Единица</i>	<i>Количество употреблений</i>	<i>Единица</i>	<i>Количество употреблений</i>
<i>граж данин</i>	1	<i>молодчина</i>	1
<i>дед</i>	6	<i>муж</i>	29
<i>дедка</i>	0	<i>муж ик</i>	51
<i>дедок</i>	0	<i>муж чина</i>	25
<i>дедушка</i>	17	<i>от рок</i>	0
<i>дедуля</i>	1	<i>парень</i>	33
<i>дяденька</i>	1	<i>паренек</i>	0
<i>дядька</i>	5	<i>парнишка</i>	0
<i>дядя</i>	13	<i>пацан</i>	14
<i>малец</i>	0	<i>ст арец</i>	0
<i>малый</i>	3	<i>ст арик</i>	7
<i>мальш</i>	5	<i>ст аричок</i>	2
<i>мальчик</i>	55	<i>ст аричонка</i>	0
<i>мальчонка</i>	3	<i>ст арикан</i>	0

<i>мальчуган</i>	0	<i>ст арикашка</i>	0
<i>мальчишка</i>	11	<i>ст аричишка</i>	0
<i>молодец</i>	52	<i>холост як</i>	0
<i>молодчага</i>	0	<i>юнец</i>	0
<i>молодчик</i>	0	<i>юноша</i>	3

Видно, что многие единицы из исходного списка в ОРД не встретились (в таблице они выделены шрифтом), и материал для дальнейшего лексикографического анализа сократился почти вдвое: с 38 до 20 слов в первом случае и с 38 до 22 — во втором³⁹. Однако в связи с тем, что при экспорте данных были перенесены все контексты употребления той или иной антрополоксемы, в показатели частотности вошли и значения, не соответствующие изначально заданным критериям, ср.:

- *а у меня / я уже рассказывала это // (а) у бабушки на даче а там рядом (а) домик бабушки / Шут а;*
- *но она () своего (...) муж а-немца / обучает русскому языку по (...) Ост еру / по Ост еру и по Масыне // то есть он у неё читает про удавов/ вот эти 38 попугаев / и про Масыню мульт ики смотрит ;*
- *внук оказался своим собственным дедушкой / то есть вот какие-то завороты / и приключения // да-да-да.*

Кроме того, в некоторых ситуациях были выявлены омонимы:

- *а та ей / я и не уводила его ! ну блин / ну слушайте / ну знает е / мне вас жалко ! ну (...) блин (...) может вы / найдет е наконец себе мужчину / по любви / а (э...э) не за бабки !*
- *в принципе это вся такая бумага // то есть там (...) малый процент такой / какой (...) для обороток вот совершенно спокойно / то есть для всяких таких простых вещей.*

³⁹ Это специфика любого корпусного исследования, ср.: «в соответствии с корпусным методом эмпирическая база — корпус естественных образцов дискурса — формируется изначально, а задача исследователя состоит в том, чтобы описать этот дискурс полностью. Конечно, такая задача является локальной. Корпусное исследование “отвечает” лишь за те явления, которые зарегистрированы в корпусе. Явления, не встретившиеся в корпусе, не получают отражения в описании. Однако главное достоинство корпусного метода состоит в том, что исследователь получает представление об относительной значимости различных явлений. Такая значимость оценивается при помощи простого количественного коррелята — частоты. Корпусная идеология состоит в том, что языковое явление тем важнее, чем чаще оно встречается в естественном употреблении» (*Рассказы о сновидениях* 2009: 27).

Это потребовало анализа всех контекстов с целью выявления, во-первых, случаев употребления исследуемых единиц в «наших» значениях, а, во-вторых, определения «новых», «несловарных», значений или коннотаций, не зафиксированных в существующих словарях.

По результатам проведенного исследования, из списка антрополексем, подлежащих дальнейшему лексикографическому описанию, были исключены также слова *гражданка, жена, персона, сестра, гражданин, муж, бабушка, дедуля, мальчик, малыш, молодец* и *молодчина, невеста, ст арик* по причине несоответствия их значений в контекстах ОРД исходным критериям (см. об этом также *Андросова, Чен* 2010).

Так, лексема *гражданка* используется в Звуковом корпусе для обозначения станции метро или формы одежды и не является антрополексемой:

- *мы ездили с тобой / тысячу лет // хотя бы сверху / хотя бы / от Гражданки / до Технологки,*
- *и что об в гражданку не переодевались / но у вас её нет наверное / да / ещё.*

Антрополексема *гражданин* употребляется в ОРД в значении ‘человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий родине, народу’:

- *хотя казалось бы / водит ель от вет ст венный гражданин должен меньше пить.*

Употребление в ОРД антрополексем *жена, сестра, муж, бабушка* и *дедуля* связано только с обозначением родственных отношений:

- *эт от завод основал ещё князь Голицын / он положил т уда / сост ояния т рёх своих ж ён;*
- *я говорю / денег т о у меня нет у / эт о хорошо эт ... (э-э) сь... сестра брат у позвонила / говорит / от дай мою зарплат у;*
- *и муж / вот эт ой подруги взвился говорит / ты вообще там идиот как блин;*
- *уж эт а гречка ! я помню / вообще вот / в маминной семье / эт о вот первое что было / эт о чёрная каша // там у бабушки вечно*

с дедушкой // и даже на фот ографиях / что там кто ест / это / факт / это гречневая каша;

- *мой дедуля занимался / примерно год / он тогда был ещё военфельдшером.*

Антрополоксема *персона* используется в ОРД лишь в значении ‘человек, лицо при расчетах обслуживания (преимущественно за столом)’:

- *а я / когда уезж аю на дачу одна / я на одну **персону** гот овлю себе очень прост о // я варю себе гречку / на два дня.*

Молодец и *молодчина* употребляются в ОРД как похвала, одобрение того, кто проявил смелость, находчивость, достойно вел себя и т. п., и также не являются антрополоксемами:

- *ой какая я **молодец** ! ой какая я **молодец** ! так / так / **молодец** ! это хорошо;*
- ***Молодчина!***

Значения антрополоксем *мальш* и *старик* по МАС и ОРД трудно сопоставить, поскольку в корпусе встречаются случаи их употребления или во мн. ч., или в качестве названия:

- *она издевает ся над брат ом / брат над **мальшами**;*
- *вот там / мульт ит абс / «**Мальш**» / например / ж еват ельные т аблет очки / (м-м) цигопан / хороший препарат ;*
- *и они всё () Ленку(:) ... я как-т о сидел / Ленку там значит / слушай / ну мы **ст арики** говорят / нам не выпит ь / а ты же любишь наверное.*

Скорее всего, в данных контекстах речь идет просто о ребенке или о старом человеке, без конкретизации пола.

Кроме этого, в расшифровках ОРД были найдены антрополоксемы, не зафиксированные в МАС, но употребляющиеся в контекстах для обозначения лиц мужского или женского пола. Часть этих единиц представляет собой традиционно воспринимаемые как жаргонные наименования, например, *чувак* или *ст арпёр*.

В результате были определены окончательные списки слов для анализа и лексикографического описания (см. табл. 3.6 а, б).

Таблица 3.6

Окончат ельный список слов, обозначающих лицо женского (а) или мужского (б) пола, подлежащих анализу и лексикографическому описанию

а)

№	Единица	Количество употреблений	№	Единица	Количество употреблений
1	девочка	56	11	Бабуля	8
2	женщина	48	12	Девка	8
3	девушка	42	13	старая дева	8
4	девчонка	36	14	Старуха	4
5	тетка	26	15	Бабулька	4
6	тетя	24	16	Тетенька	3
7	бабка	17	17	баба/бабец	3
8	баба	11	18	Барышня	1
9	бабушка	11	19	Бабица	1
10	старушка	11	20	Бабуська	1

б)

№	Единица	Количество употреблений	№	Единица	Количество употреблений
1	мужик	49	12	Мальчонка	3
2	мальчик	47	13	Мужчина	3
3	парень	33	14	Юноша	3
4	мужчина	25	15	Старичок	2
5	пацан	13	16	Малой	1
6	дядя	11	17	Дяденька	1
7	мальчишка	11	18	Дядечка	1
8	чувак	11	19	Старпер	1
9	дед	6	20	молодой человек	1
10	дедун	5	21	Мужичок	1
11	дядька	4			

Подробный анализ контекстов единиц обеих групп показал, что в большинстве случаев значения антрополоксем по МАС и ОРД совпадают, ср.:

- нет / остался один (э-э) **мужчина** и одна (:) **женщина** на... да ?

- при чём здесь какие-то тётки / дядьки какие-то / бабы? при чём они-то? я-то к ним какое отношение имею?
- мне кажется // книжку / про (э...э) фэнтези / насчёт того как / мальчик и девочка / типа юноша и девушка / попали к неандертальцам.

Однако в обеих группах лексики встретились явления, заслуживающие более подробного рассмотрения и сопоставления, которые можно классифицировать следующим образом:

- наличие в контекстах ОРД «несловарных»⁴⁰ коннотаций (*девка*);
- наличие в контекстах ОРД «несловарных» значений слов (*мальчик, девочка, девчонка*);
- наличие в контекстах ОРД «несловарных» единиц, относящихся к данной ЛСГ (*дедун, мужичок, мужчинка, бабеч, бабуська, бабулька*);
- наличие особых случаев сочетаемости лексем (*дядя, тетя*);
- наличие «несловарных» фразеологических единиц, включающих единицы данной лексико-семантической группы (*тетя Мотя, молодой человек*).

Если говорить о частотности данных явлений, то ее можно видеть на диаграмме (см. рис. 3.5).

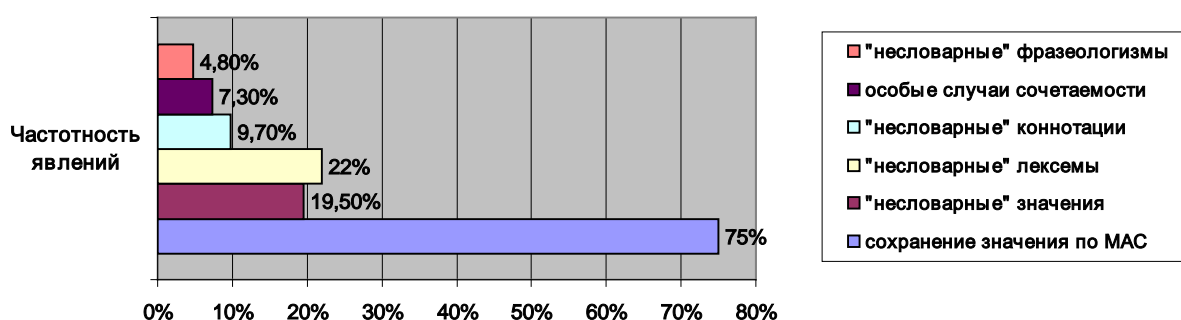

Рис. 3.5. Частотность особенностей, выявленных на материале лексики ОРД

Для того чтобы понять, какие именно коннотации и/или значения получили в устной спонтанной речи ранее фиксируемые словарями

⁴⁰ Под "несловарными" значениями, коннотациями и пр. подразумевается "не зафиксированные в словарях".

лексические единицы, а также чтобы понять, какими значениями обладают единицы, ранее не нашедшие отражения в лексикографических источниках, целесообразно подробнее рассмотреть каждый из упомянутых классов явлений.

3.3. Слово в языке vs. слово в речи

Теоретическое обоснование необходимости разграничения понятий *язык* и *речь* дали Ф. де Соссюр и Л. В. Щерба, хотя еще В. фон Гумбольдт упоминал, что «язык как совокупность его продуктов отличается от отдельных актов речевой деятельности» (Гумбольдт 1984: 81).

Ф. де Соссюр предложил различать *язык* (*langue*) и *речь* (*parole*) (см. Соссюр 1977: 4653). В своем существовании они взаимосвязаны, однако не сводимы друг к другу и не могут рассматриваться в одной плоскости.

В дальнейшем эти положения получили свое развитие в статье Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» (Щерба 1974в: 2439). Л. В. Щерба предложил различать не два, а три аспекта языка:

- *речевую деятельность* (т. е. процессы говорения и понимания),
- *языковую систему* (т. е. грамматику языка и его словарь),
- *языковой материал* (т. е. совокупность всего говоримого и понимаемого в акте общения, или, говоря языком современной лингвистики, тексты).

Несмотря на то что язык и речь образуют, как уже отмечалось выше, единый феномен человеческого языка, каждый из них имеет свои характеристики, которые удобно представить в виде таблицы (см. табл. 3.7).

Таблица 3.7

Сравнительная характеристика языка и речи

№№	Язык	Речь
1.	Средство общения	Вид общения, воплощение и реализация языка
2.	Абстрактен и формален	Материальна
3.	Стабилен, пассивен, статичен	Активна, динамична
4.	Достояние общества, является отражением «картины мира» говорящего народа	Индивидуальна, является отражением «картины мира» конкретного человека

5.	Уровневая организация	Линейная организация
6.	Независим от ситуации и обстановки общения	Контекстно и ситуативно обусловлена

Понятия *язык* и *речь* соотносятся, таким образом, как общее и частное: общее (язык) выражается в частном (речи), частное же (речь) есть форма воплощения и реализации общего (языка). Если язык — это средство общения «в покое», то речь — это то же средство общения, но «в действии».

Для настоящего исследования все эти понятия оказываются важны в том смысле, что *слово в словаре* — это фактически его языковая ипостась (общее, средство общения «в покое»), а *слово в речи* — реализация языковой единицы, речевое употребление (частное, средство общения «в действии»). Между этими двумя крайними точками лежит *слово в ментальном лексиконе* (далее — МЛ) носителя языка — своего рода представление говорящего о той или иной лексической единице, в соответствии с которым и происходит этот переход от «покою» к «действию». В последнее время в лингвистике, и особенно в психолингвистике, появилось много различных толкований термина «ментальный лексикон», поэтому на его определении стоит остановиться подробнее.

Одним из значений слова *лексикон* является следующее: «запас слов, выражений, характерный для кого-либо или для какой-либо области человеческой деятельности» (*Цейтлин* 1979: 128). Под *ментальным лексиконом* понимают, соответственно, как минимум, — словарный запас конкретной языковой личности, а как максимум — сложную многоярусную систему пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах, сложную сеть взаимосвязей, увязывающую огромное количество знаний в памяти человека (*Залевская* 1990: 8788; см. также: *Залевская* 1992: 62; *Aitchison* 2003). Иными словами, «ментальный лексикон определяется не только словарем родного языка говорящего, но и всем его жизненным опытом, всей совокупностью его знаний об окружающей действительности. А значит, этот лексикон

принципиально различен у разных людей и в целом не совпадает со словарем языка» (Богданова 2010д).

Сам термин «ментальный лексикон» был введен еще в 1966 году психологом Р. Ч. Олдфилдом, который понимал под ним совокупность хранящихся в долговременной памяти слов, посредством которой в процессе восприятия осуществляется доступ к лексической информации (Oldfield 1966).

В настоящее время, в связи с появлением большого количества экспериментальных исследований в данной области, наблюдается постепенное изменение значение термина. При этом все чаще встречается понимание динамической структуры этого понятия, что подразумевает формирование МЛ человека в результате переработки его речевого и неречевого опыта, а значит, и возможность изменения количества единиц ментального лексикона и связей между ними (Риехакайнен 2010: 37). Однако в настоящем исследовании под МЛ понимается, в первую очередь, наивное представление носителя языка о значении слова, о возможностях его употребления, стилистике и различных коннотациях. Ср., например, мнение А. А. Залевской о том, что ментальный лексикон — это «известная индивиду часть общенационального словарного запаса, хранимая в памяти в таком же (или близком к этому) виде, в каком слова описываются в печатных словарях и лексикографических исследованиях» (Залевская 1999: 141142).

В настоящем исследовании обращение к ментальному лексикону носителей языка было проведено двумя различными способами. В первом случае анализировались интроспективные описания тех или иных конкретных антрополексем в Интернет-ресурсах, а во втором была проведена серия специальных электронных опросов (психолингвистических экспериментов), в которых носителям языка предлагалось дать определение или описать употребление в своей речи тех или иных единиц (образец анкеты см. в Приложении 3). Таким образом, в обоих случаях исследуется материал одного типа, а именно — самоанализ индивидуального словаря носителя

языка, что и дает право объединить полученные данные. Кроме этого, в ментальном лексиконе отражаются и представления человека о мире, т. е. его языковая картина мира. При этом важно помнить, что «центральное место в языковой картине мира занимают представления бытовые, которые основываются не на анализе и четкой формальной логике, а на повседневных наблюдениях и обобщениях» (Ерофеева, Пепеляева 2011: 89).

Сопоставительный (или контрастивный) анализ значений слова в словаре (в языке) и контекстов его употребления в ОРД (т. е. в повседневной речи) позволяет говорить об определенных тенденциях изменений, которые происходят с лексемой при переходе ее из одного «режима фиксации» в другой. А обращение к ментальному лексикону носителей языка позволяет подтвердить и дополнить выводы, полученные в ходе контрастивного анализа.

3.3.1. Появление «несловарных» коннотаций

Рассмотрим этот процесс на конкретных примерах. Так, в ходе сопоставительного анализа функционирования исследуемых антрополоксем в расшифровках ОРД и словарях русского языка, интересным показалось появление «новых», предположительно различно окрашенных (негативной и положительной), коннотаций для антрополоксем *девка*, ср.:

- (1) *приводит / прост о какую-то (...) девку // *П какую-то такую гуж банскую* какую-то пэт эушницу**;
- (2) *ну ладно // девка т акая / о ! ништ як !*

Однако утверждать, какой именно характер носят эти коннотации, можно только после более тщательного исследования.

Для начала приведем существующие определения лексемы *девка* в толковых словарях. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова дает следующее толкование:

- ДЕВКА, и, ж. (простореч). 1. То же, что девушка в 1 знач. *Сост арилась в девках. Зла, в девках целый век.* Грибоедов. 2. Развратная женщина, проститутка. *Уличные девки (Толковый словарь русского языка 2000).*

Более подробное определение предлагает МАС:

- ДЕВКА, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, ж. 1. Прост. То же, что девушка (в 1 знач.). — *Я к вам на минут ку, Марфа Тимофеевна, — начала было она [Лиза]... — Зачем на минут ку? — возразила ст арушка. — Чт о эт о вы все, молодые девки, за непоседы за такие?* Тургенев, Дворянское гнездо. 2. Уст ар. Крестьянская девушка. *Муж ики сгребали невеяное зерно в ворох, бабы и девки замет али.* Л. Толстой, Хаджи-Мурат. 3. Уст ар. То же, что девушка (во 2 знач.). *Дворовая девка. При крепост ном звании горничною не называли, а прост о — девка.* Лесков, Обман. 4. Груб. прост. О развратной женщине, проститутке. *Уличная девка»* (МАС 1999).

Похожее толкование предлагает БТС:

- ДЕВКА, -и, мн. род. -вок, дат. -вкам, ж. 1. Разг.-сниж. = Девушка (1 зн.). 2. Уст ар. Крестьянская девушка. 3. Уст ар. = Девушка (2 зн.). *Дворовая д.* 4. Грубо. О развратной женщине, проститутке. *Уличная д.* (*Большой т олковый словарь русского языка 2000*: 244).

Как видно из словарных дефиниций, одно из значений рассматриваемой единицы действительно несет негативную оценку ('развратная женщина, проститутка'), остальные же вполне нейтральны. Этимологический анализ показал, что данное слово было образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* от *дева*, но впоследствии утратило оттенок субъективной оценки, при этом значение «развратная женщина» существовало очень давно, а впервые встречается в «Документах о торговле с Московским государством» XVI-XVII вв. (*Эт имологический словарь русского языка 1973*: 38-39). Однако контексты ОРД демонстрируют, на наш взгляд, другое использование данной лексемы.

Обратимся к контексту (1) (см. выше), в котором антрополоксема *девка* употребляется с определением *гуж банская*, которое само по себе представляет большой интерес с точки зрения лексикографического описания. Представляется, что понимание значения этого слова поможет понять характер коннотации *девки*.

Первым шагом на этом пути стало обращение к Национальному корпусу русского языка, поскольку в толковых словарях это прилагательное не зафиксировано. Результатом поиска в НКРЯ стала всего одна цитата из

«Республики ШКИД», которая не проливала света на значение данной лексемы:

- *Чет ырнадцать лет, а вид гуж банский прямо купец приволжский какой-то* [Г. Белых, Л. Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].

При этом Интернет оказался буквально наводнен текстами, содержащими эту лексему или однокоренные с ней (орфография и пунктуация в цитатах — авторские):

- *Насмотрелся я, Николай, на покоцанные шпильками патрона конуса на шпинделе. Это последствия гужбанских установок. Да так покоцанные, что протачивать надо. Многим производственникам у хоббийщиков еще надо поучиться их СТИЛЮ, культуре и отношению к технике. ... (Трехкулачковый патрон 2011);*
- *И интерьер какой-то цыганский. Сплошная чернуха с золотом. Хлеб режут на обеденном столе кухонным ножом, пакет молочный на столе стоит - сразу видно гужбанское происхождение - в молочник налить молоко просто не догадываются? (Записки мизантропа 2011);*
- *Советский человек не имеет выхода на хорошее вино или оружие, вот и мустирует ся то что есть без предела. Из от врат нейшего Саперави делали глинтвейн, что обы хот ь как-то прот олкнуть эту жижу на пути к гуж банскому кайфу... так и вся эта макаровщина. Почему бы не признать прост о что ежели другого нет, то и эт от сойдет? Сам бы взял, если бы другого ничего небыло (Насколько хорош эт от Макаров? 2011).*

Наконец, был обнаружен рецепт гужбанского пирога, который готовили для ломовых извозчиков на основе квашеной капусты, лука и сельди. Тут стоит упомянуть и о гужевом транспорте, и непосредственно о слове гуж, обозначающем кожаную петлю в хомуте, прикрепляющую оглобли к упряжи (*Толковый словарь русского языка* 1992: 133). Именно от этих слов в дальнейшем образовался гужбан как 'ломовой извозчик', что можно видеть, например, в «Словаре воровского и арестантского языка», предлагающем такое определение лексемы гужбан — 'извозчик, дурак' (*Словарь воровского и арестантского языка* 1912: 28).

Несколько иное значение этого слова — 'грузчик' (а также производное собирательное существительное гужбанье на его основе) — видим у В. Пикуля:

- *Ст арчевский нанял ломовых извозчиков и артель гуж банов-грузчиков, совместно с ними нагрянул на типографию Крайя, двери которой украшал могучий висячий замок. <...> Гуж банье с помощью лома рванули замок с петель — двери настель [В. Пикуль. Тайный советник (2008)];*
- *Астраханская губерния — край необъятный, издавна славный тем, что кормил вкусной рыбкой всю Россию; тут в гигантских чанах с рассолом тазука солилась рыбка большая и маленькая, волжская или каспийская, тут существовал обильный промысел тюленьего боя, а гуж банье с пристани, грузчики-тажловесы, угрожали миллионерам-рыботорговцам... [В. Пикуль. Тайный советник (2008)].*

По утверждению В. В. Шаповала, вследствие смешения этого значения (автор имел в виду только значение ‘ломовой извозчик’), а также значения слова *гужа* (‘желудочные капли, используемые как внутривенный наркотик’), появилось новое слово — *гуж банить* (см. Шаповал 2012).

Значение данной лексики нетрудно установить, обратившись опять же к всемирной паутине:

- — *Пошли, хоть душ примем, — сказал Николай Войцеху. — Опять всю ночь гуж банить...*
 — *Что такое «гуж банить»?* — спросил Войцех.
 — *Да то же самое, что везде — пиво, вино, пляски... В Рим прибегут два десятка законченных ханыг с одышкой и мешками под глазами...(Записки из-за бугра. Бегство 2011).*

На основании этого контекста можно предположить, что глагол *гуж банить* употребляется в значении ‘веселиться, шумно проводить время, пить’. Скорее всего, значение слова *гуж банский* восходит либо к существительному *гуж бан*, либо к глаголу *гуж банить*. Получается, что *гуж банская девка* — это или девушка, проводящая время в праздности и увеселениях, или же простая девушка, по социальному положению стоящая достаточно низко — на уровне грузчиков или ломовых извозчиков. Так или иначе, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что в этом случае преобладает негативный характер коннотации антрополоксемы *девка*.

Контекст (2) представляет собой более простой случай для анализа, благодаря слову *ништ як*, используемому для «выражения отношения» к упоминаемой *девке*. Значение данной лексики можно найти даже в БТС:

- НИШТЯК. *Жарг.* I. нареч., в функц. сказ. О чувстве полного удовлетворения, испытываемом кем-л.; хорошо, отлично. *В лесу ништ як!* II. В знач. частицы. Выражает полное согласие с кем-л., одобрение чего-л. *Получил деньги? Ну, ништ як!»* (*Большой т олковский словарь* 2009).

Думается, что в контексте (2) антрополексема *девка* имеет, скорее, положительную коннотацию.

Однако для подтверждения сделанных выводов целесообразно все же провести эксперимент с обращением к ментальному лексикону носителей языка. Для этого был проведен опрос, в котором предлагалось дать определение антрополексеме *девка* (без контекста), а также охарактеризовать ее коннотации исходя из следующей системы помет:

- (книжн.) — книжное;
- (высок.) — высокое;
- (офиц.) — официальное;
- (разг.) — разговорное;
- (прост.) — просторечное;
- (обл.) — областное;
- (презр.) — презрительное;
- (неодобр.) — неодобрительное;
- (пренебр.) — пренебрежительное;
- (шутл.) — шутливое;
- (ирон.) — ироническое;
- (бран.) — бранное.

Стоит сразу же оговорить, что в задачи нашего исследования входило определение не конкретных стилистических характеристик данной антрополексемы, а области употребления, поэтому предложенная система помет была позаимствована из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (*Толковый словарь русского языка* 1992: 1213).

В опросе приняли участие 100 информантов (50 мужчин и 50 женщин) с различным уровнем образования (неоконченное высшее, высшее, кандидаты и доктора наук, филологи и нефилологи) и разного возраста (от 17 до 73 лет).

Большинство респондентов присвоили лексеме *девка* следующие пометы (упорядочены по частоте):

- разговорное (90 %);
- неодобрительное (60 %);
- пренебрежительное (50 %);
- презрительное (40 %);
- бранное (30 %).

По этим результатам можно было бы фиксировать негативную коннотацию как единственную для слова *девка*, если бы не ряд интересных определений и замечаний, предложенных информантами.

Хотя многие из опрошенных, характеризуя данную антрополоксему, говорили, что *девка* — это девица или легкого поведения, или малообразованная, из нижних слоев общества или неблагополучной семьи, около 40 % респондентов все же отметили, что в последнее время наблюдается тенденция к употреблению этого слова в положительном значении. В качестве примеров приводились следующие контексты из речевой практики респондентов:

- *Она, вообще-то, девка-то хорошая, хорошая, работающая такая, уважительная, с головой, с образованием;*
- *Вот это девка: красивая, умная, аппетитная!*

Отдельные замечания касались того, что употребление антрополоксем *девка* с положительной коннотацией характерно для речи представителей старшего поколения или в ситуации, когда разговор идет о близких знакомых или коллегах одного возраста. 15 % респондентов отметили также, что часто слышали, как слово *девка* используется в значениях 'девушка', 'женщина', без ярко выраженной положительной или негативной коннотации.

Возможно, появление этой нейтральной коннотации связано с изменением состава городского населения. Носители диалектов, в которых *девка* используется для обозначения (с положительной оценкой) молодой незамужней женщины, девушки, а иногда и женщины вообще (см., например, *ПОС* 1990: 170), ассимилируясь с городским населением, оказывают влияние на повседневную бытовую речь горожан, так что изначально диалектные элементы перестают восприниматься как чуждые и становятся единицами городской речи.

Таким образом, можно предположить, что в современной устной повседневной речи параллельно существуют две противоположные коннотации антрополоксемы *девка* (что подтверждается и результатами опроса, и контекстами ОРД), ранее не зафиксированные в словарях (ни прескриптивных, ни дескриптивных). Хотя коннотации лексем не входят непосредственно в их толкование, они, несомненно, должны постоянно исследоваться и при возможности фиксироваться в словарных статьях, потому что, по выражению Ю. Д. Апресяна, «через отсылку к коннотациям объясняются важнейшие семантические связи данной лексемы с другими лексемами в словаре и их семантические взаимодействия с другими единицами языка в тексте» (*Апресян* 2009: 116).

3.3.2. Появление «несловарных» значений

Другим явлением, обнаруженным в ходе сопоставительного анализа употребления лексических единиц со значением лица мужского и женского пола, стало появление в речи у некоторых антрополоксем значений, вообще не зафиксированных в словарях. Это неудивительно, поскольку значения слов в речи определяются, во-первых, коммуникативной ситуацией, во-вторых, левым и правым контекстом, т. е. окружением, за счет чего могут быть принципиально шире словарных (*Karcevski* 1931).

Наиболее интересными в исследуемом материале оказались употребление форм *девочки* и *девчонки* (только во мн. ч.) в значении ‘лицо одного возраста с говорящим’ (см. также *Андросова, Чен* 2010), например:

- *я жалею / что я не пошла с девочками / девочки как раз ходили на концерт / а я чем-то была развлечена другим,*
- *я вот это ой (...) по совет у девчонок / они же опытные / всё знают // купила вчера капли анти... антибиотические // специальный антибиотик // ага !*
- *у меня вот приличные девочки / таких вещей не рассказывают ;*
- *так нет / так у нас было то / давно ещё / в Испании / *В (э-э) там девчонки были / одна / *П такая () русичка бл... блондинистая / а другая татарочка чёрненькая // *В а они перепутали паспорта // и *Н говорит / вы говорит девочки / вы так это / нас так приметивно проверяете ?*
- *пф... где-то в час ночи наверное // ну что я пришла(:) (э-э-э) девчонки(:) ждали *Н / чай попить // *П вчера мы ведь весь день говорили.*

МАС определяет оба слова (*девочка* и *девчонка*) как ‘ребенок или подросток женского пола’ (МАС 1999). Однако из приведенных контекстов отнюдь не следует, что *девчонка* или *девочка* — именно ребенок. С равной степенью вероятности речь может идти как о семилетнем ребенке, так и о пятидесятилетней женщине.

Любопытно, что антрополексема *мальчик* (как в ед. ч., так и во мн. ч.) в подобном значении употребляется значительно реже, чем *девочки/девчонки*. Ее значение можно определить, скорее, как ‘лицо одного возраста с говорящим или младше’:

- *там сели поехали / собралась / там как бы / компания там / четыре девчонки из Питера там / мальчик потом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / усили // а / прикольно // нормальные ребята такие.*

Предварительные наблюдения показали, что употребление данных антрополексем (и *девочки/девчонки*, и *мальчик*) характерно преимущественно для женской речи. В этой связи уместно вспомнить, что исследования речи мужчин и женщин на различных уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом и пр.) подтвердили наличие существенных различий между тем, как говорят мужчины, и тем, как говорят женщины.

Так, например, Е. А. Земская, М. А. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют следующие просодические черты, в большей мере свойственные

женщинам, чем мужчинам: более высокий уровень основного тона; более широкий голосовой диапазон; способность более свободно менять голосовой регистр, широкое использование скользящих нисходящих и восходящих тонов, а также сложных восходяще-нисходящих или нисходяще-восходящих тонов в пределах одного ударного слога; меньшая громкость; придыхание, лабиализация, назализация. Женщины также чаще прибегают к выражению своих эмоций с помощью интонации, в то время как мужчины предпочитают использовать лексические средства (*Земская и др.* 1993).

В ходе анализа максимально естественной спонтанной речи информантов и коммуникантов из блока ОРД удалось выявить также «статистически значимое различие между средним темпом речи мужчин и женщин: первые говорят быстрее (5,5 vs. 5,3 сл./с)» (*Богданова и др.* 2011: 102; *Стеланова* 2011: 4445). Существенно выше оказался темп речи информантов-мужчин по сравнению с информантами-женщинами и при исследовании материалов САТ в составе Звукового корпуса русского языка (блок речи студентов-филологов): 121,8 vs. 112,6 сл./мин (общий «перепад» показателей — +9,2) (см. *Хан* 2013: 206-207), что вполне соотносится с данными, полученными на материале ОРД. Особенно отчетливо эта разница проявилась на материале чтения: мужчины читают быстрее женщин, причем данные по темпу чтения у мужчин превышают даже типично высокие показатели (133 сл./мин — по данным ЛЭФ: *Фонетика спонтанной речи* 1988: 216218) (*Хан* 2013: 208-209).

Исследования И. Н. Кавинкиной, посвященные различиям мужской и женской речи на морфологическом уровне, показали, что женщины, по сравнению с мужчинами, используют большее количество суффиксов со значением уменьшительности, ласкательности. Причем диминутивы, встречающиеся в письменной речи женщин, в большинстве своем содержат в качестве словообразующих формантов суффиксы *-очк-*, *ечк-*, *-к-*, *-ик-*, *еньк-*, в то время как для мужской письменной речи характерен иной набор подобных суффиксов: *-к-*, *-ок-*, *-ик-*, *-очк-* (*Кавинкина* 2007).

Именно лексический уровень считается наиболее подверженным влиянию гендерных стереотипов, что отражается на разной степени владения говорящим лексикой различных тематических групп. Считается, что в бытовых ситуациях для мужской речи характерна тенденция к точности номинации, терминологичности словоупотребления. Женщины в таких случаях часто используют приблизительные обозначения. Мужской речи, по сравнению с женской, свойственна тенденция к использованию экспрессивных, обычно стилистически сниженных, средств, в то время как типичной стилистической характеристикой женской речи является тенденция к гиперболизированной экспрессии, что подтверждает тезис о том, что женскую речь отличает от мужской более высокая концентрация в текстах эмоционально-оценочных слов и конструкций (*Земская и др.* 1993: 120123, 129131). В целом, по мнению Т. И. Ерофеевой, при всей разработанности гендерной лингвистики «исследования проводятся в основном на фонетическом и грамматическом уровнях, а также рассматриваются речевые стратегии <...>. Лексический уровень исследован мало» (*Ерофеева Т. И.* 2011: 246). Некоторые наши наблюдения позволяют восполнить этот пробел.

Однако для подтверждения выводов как о значении антрополексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, так и о преимущественной тенденции их употребления в женской речи целесообразно все же обратиться к *МЕНТ АЛЬНОМУ ЛЕКСИКОНУ* носителей языка.

В этом случае был проведен опрос, в котором респондентам предлагалось на основании контекста определить значение антрополексем *девочки/девчонки* и *мальчик*, а также отметить, кто, по их мнению, является автором реплики: мужчина или женщина. При этом была произведена определенная коррекция текста, а именно: заменены формы глаголов прошедшего времени на настоящее или будущее время, чтобы исключить очевидность мужской/женской речи.

В качестве материала для эксперимента были приведены следующие примеры из ОРД:

- *я вот эт ой (...) по совет у **девчонок** / они же опыт ные / всё знают // куплю капли ант и... ант ибиот ические // специальный ант ибиот ик // ага !*
- *у меня вот приличные **девочки** / т аких вещей не рассказывают ;*
- *т ак нет / т ак у нас было т о / давно ещё / в Испании / *В (э-э) т ам **девчонки** были / одна / *П т акая () русичка бл.. блондинист ая / а другая т ат абочка чёрненькая // *В а они перепут али паспорт а // и *Н говорит / вы говорит **девочки** / вы т ак эт о / нас т ак примет ивно проверяет е ?*
- *пф... где-т о в час ночи наверное // (э-э-э) **девчонки**(:) ж дали *Н / чай попит ь // *П вчера мы ведь безь день говели;*
- *т ак вот у нас был **мальчик** / кот орый работ ал / у нас все работ али () в равных / *П совершенно одинаково (:)/ и т ак далее;*
- *ну да / а они значит собирают ся / т ам т ипа / т ам кто едет в Финляндию / т ам т ипа / мы едем в Финляндию / т ам давайт е поехали // *П т ам сели поехали / собралась т ам / компания т ам / чет ыре **девчонки** из Пит ера т ам / **мальчик** пот ом подсоединился из Москвы // ну вот как бы / т усили // *П а / прикольно // *П нормальные ребят а т акие // вполне // *П ну вот / т ак чт о.*

В опросе приняли участие 100 испытуемых (50 мужчин и 50 женщин) с различным уровнем образования (неоконченное высшее, высшее, кандидаты и доктора наук, филологи и нефилологи) и разного возраста (от 17 до 73 лет).

Респонденты были единодушны в отношении значений слов *девочки* и *девчонки*, указав, что в данных контекстах все они используются для обозначения ‘лица женского пола одного возраста с говорящим или младше’. Иная ситуация сложилась с антрополексемой *мальчик*. Можно сказать, что в данном случае мнения респондентов разделились в зависимости от их гендерной принадлежности. Так, 85 % (подавляющее большинство) женщин отметили, что данная единица употребляется в значении ‘лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’ (что объединяет данную лексему с двумя первыми), в то время как абсолютное большинство мужчин (100 %) и оставшиеся 15 % женщин полагают, что под *мальчиком* подразумевается ‘лицо мужского пола младше говорящего (пусть и незначительно)’.

Таким образом, полученные данные позволяют с большой долей уверенности утверждать, что в разговорной речи зафиксировано одно «новое» значение для антрополексем *девочки/девчонки* и два «новых» значения для антрополексемы *мальчик*. От чего же зависит выбор того или иного значения *мальчика*? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться ко второй части проведенного опроса.

При ответе на вопрос, для чьей речи — мужской или женской — характерно употребление единиц *девочки/девчонки* и *мальчик* в данных значениях, респонденты предложили следующие варианты (см. табл. 3.8).

Таблица 3.8

*Мнения респондентов о принадлежности и слов **девочки/девчонки** и **мальчик** к мужской или женской речи*

	<i>Девочки/девчонки</i>	<i>Мальчик</i>
Характерно только для женской речи	55 %	87 %
Характерно только для мужской речи	—	—
Характерно в равной степени для мужской и женской речи	45 %	3 %

Как видно из таблицы 3.8, антрополексемы *девочка* и *девчонка* в равной степени могут характеризовать и женскую, и мужскую речь, однако в ментальном лексиконе носителей языка их употребление ассоциируется все же в большей степени с женской речью. Интересно при этом, что респонденты отмечали, что использование этих единиц в мужской речи присуще определенным возрастным группам, а именно молодежи (до 25 лет) и людям пожилого возраста (после 60 лет).

Употребление же антрополексемы *мальчик*, на первый взгляд, однозначно характеризует женскую речь. Лишь 3 % опрошенных считают, что мужчины также могут использовать данную единицу в своей речи, но только если речь идет о человеке младше их. И действительно, для обозначения лица мужского пола одного возраста с говорящим мужчины употребляют обычно совсем другие слова, ср. примеры из ОРД:

- *и мы же мужики / друг друга понимаем // # бежит к тебе / знает // *Пт ак значит там лучше,*

- — *а ест ь полт аха* ? по полт ахам разменят ь ? — вон спрoси / мож ет парни разменяют ?*
- *пацаны-т о рубят ж е в эт ом деле.*

В результате можно сказать, что в современной русской повседневной разговорной речи появились «новые» значения антрополексем *девочка/девчонка* и *мальчик*, которые можно охарактеризовать следующим образом:

- *девочки/девчонки* — ‘лицо женского пола одного возраста с говорящим или младше’; характерно преимущественно для женской речи, а также для речи определенных возрастных групп мужчин (до 25 и после 60 лет);
- *мальчик* — ‘а) лицо мужского пола одного возраста с говорящим или младше’, характерно только для женской речи; ‘б) лицо мужского пола младше говорящего’, характерно для мужской речи.

3.3.3. Появление «несловарных» единиц в рамках лексико-семантической группы

Пожалуй, наиболее интересным случаем можно считать наличие в контекстах ОРД слов исследуемой лексико-семантической группы, не фиксируемых в ряде лексикографических источников, как минимум в Малом академическом словаре, а иногда и в БТС, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее — ТСУ) и в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее — СОШ).

К таким антрополексемам можно отнести следующие:

- *бабулька* (отсутствует в МАС, БТС, ТСУ и СОШ);
- *бабeц/бабца* (отсутствует в МАС, ТСУ и СОШ);
- *бабуська* (отсутствует в МАС, БТС, ТСУ и СОШ);
- *чувак* (отсутствует в МАС, ТСУ и СОШ);
- *дeдун* (отсутствует в МАС, БТС, ТСУ и СОШ);
- *муж чинка* (отсутствует в МАС, БТС, ТСУ и СОШ);
- *малой* (отсутствует в МАС, БТС, ТСУ и СОШ);
- *ст арпёр* (отсутствует в МАС, ТСУ и СОШ);

- *муж ичок* (отсутствует в МАС и СОШ);
- *дядечка* (отсутствует в МАС и СОШ).

Рассмотрим все эти единицы подробнее.

3.3.3.1. Диминутивы *бабулька, бабуська, дядечка, мужичок и мужчинка*

Некоторые из представленных антрополоксем на первый взгляд кажутся типичными диминутивами от слов, фиксируемых ранее, например: *бабулька* — *бабуля*, *бабуська* — *бабуся*, *муж ичок* — *муж ик*, *дядечка* — *дядя*, ср.:

- *я говорю конечно / если она с ребёнком не умеет разговаривать / что это / бабулька-то?*
- *вот ты мне сейчас вот это рассказывал / я видел т елеспект акль // # Екат ерина Васильева играет бабульку // # я видел т елеспект акль вот это от вот // # Купченко и (э...э) это от самый () Олег Янковский / играют вот эти их самых / там ст арую деву / и соот вет ст венно () и бухгалт ера // *Вот кто там () бабу играет / мне там () чест но говоря без разницы // @ ага;*
- *там сидят бабушки такие / на остановке // у них глаза такие по полт иннику // ну предст авляешь / они сидят / ж дут авт обуса;*
- *есть тут жилие дома вообще? (э-э) дак (э) никто не знает // а потом () какой-то вот муж ичок мне указал / что вот вам туда надо;*
- *а там дядечка такой.*

Из примеров видно, что ничего принципиально нового в значениях этих слов, по сравнению с исходными, ОРД не дает. Различия могут быть, по-видимому, только стилистические, определение которых не входит в задачи данной работы.

Данный вывод подтверждают и результаты эксперимента, в ходе которого 100 % опрошенных (100 человек, 50 мужчин и 50 женщин) однозначно определили, что *бабулька, бабуська, дядечка* и *муж ичок* обладают почти таким же значением, как и *бабуля, бабуся, дядя* и *муж ик* соответственно, но являются более мягкой формой номинации. Однако когда респондентам на основании контекстов было предложено дать словесный портрет *бабульки, бабушки, дядечки* и *мужичка*, оказалось, что

у большинства носителей языка существует некое общее представление о том, как выглядят и каким характером обладают эти персонажи.

Так, например, *бабулька*, образованная с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-к-* от слова *бабуля* в некоторых словарях если и встречается, то в рамках словарной статьи для своего производящего (см. например, БТС). Получается, что значение деривата по словарным данным определяется как 'ласкательное к бабушка' (*Даль* 1863: 29; *ПОС* 1967: 86; *БТС* 2000: 54). Словесный портрет, предложенный носителями языка, помогает дополнить это значение и конкретизировать его:

Возраст : *ст аренькая, ближ е к 70, где-т о после 70-75.*

Внешний вид. *на улице обязат ельно в пальт о, пальт ишко уст арешего фасона, коричневые т уфли закрыт ые на небольшом каблуке, перчат ки долж ны быт ь обязат ельно, всегда т еплю одет а, волосы сиренево-седые, обычно химия у нее, прическа долж на быт ь, волосы наверх убраны или кичка, очень аккурат но и опрят но выглядит .*

Характ ер. *бойкая, акт ивная, инт еллигент ная, веж ливая, ст рогая, но в т о ж е время ласковая.*

Социальный ст ат ус. *несмот ря на возраст , имеет акт ивную ж изненную позицию, т еат ралка, эт о не т а бабушка, чт о дома сидит и плюшки печет .*

Полученные данные говорят о том, что в ментальном лексиконе носителя языка существует определенное представление о том, кого мы можем назвать *бабулькой*. Осознание способа словообразования в какой-то степени мешает носителю языка охарактеризовать то, для обозначения какого именно лица используется то или иное слово, о чем свидетельствуют первые реакции респондентов. Поэтому кажется необходимым создать для каждого из диминутивов свою словарную статью в *Словаре русской повседневной разговорной речи*.

Похожая ситуация наблюдается и в случае с антрополоксемой *бабуська*, образованной с помощью уменьшительно-ласкательного *-к-* от

слова *бабуся*, которое, в свою очередь, толкуется словарями следующим образом:

- БАБУ**С**Я, -и, ж. = Бабу**С**ля. (БТС 2000: 54).
- БАБУ**С**Я, -и, ж. Разг. Ласк. к бабушка. (МАС 1999).

По словарным данным, *бабуська* является синонимом слова *бабулька*. Однако словесный портрет *бабуськи*, предложенный респондентами, существенно отличается от предложенного описания *бабульки*, ср.:

Возраст: *старая уже, где-то после 60, наверное, тут не возраст главное, а поведение.*

Внешний вид: *не очень аккуратная, нелепо одетая, в шерстяных колготках с вытянутыми коленками, несуразная она какая-то.*

Характер: *суевливая не по делу, все время хлопчет и вздыхает, беспокойная, смешная и нелепая в своей заботливости и, недовольная жизнью, все время жалует ся.*

Социальный статус: *классическая бабушка, постоянно тревожащаяся за своих детей-внуков-правнуков, пенсионерка из очереди, жалующаяся на власти и любящая Путина.*

Очевидно, что *бабуська* и *бабулька* при всей синонимичности используются для обозначения разных типов старых женщин, что еще раз свидетельствует о необходимости включать данные ментального лексикона в словарные статьи *Словаря русской повседневной разговорной речи*.

Похожая ситуация наблюдается и с антрополоксами *мужичок* и *дядечка*. Словесные портреты тех лиц, которые обозначены этими словами, представлены в Приложении.

Отдельно хотелось бы отметить антрополоксему *мужчина*. В ОРД встретилось три контекста ее употребления:

- *ну как всегда у неё // достает классный телефон / тут ни с того ни с сего / *П начинает мне говорить / *Вот это от **мужчина** / я уже не раз от неё такое слышала / она вот () рассказывала // да? *Н,*
- *это от **мужчина** типа // а на () короче заслуженный (э) певец Украины // при том что () он в меня влюблен в меня / он меня любит*

*вот // и я () его тоже люблю // ну и конечно ему сорок два года / и у него есть жена / семья // *П вот // поэт ему () как бы я его люблю он меня так любит но нам никогда не быть вместе *П // вот // и короче показывает // такой мужчина *Н такой // ну вот // *П вот // такой симпатичный // @ ну понят но // @ (э-э) вот ;*

- *я была / *П за муж чинкой*.*

Как видно из приведенных контекстов, антрополексема *муж чинка* употребляется с положительной коннотацией, а в одном случае, на первый взгляд, приравнивается по значению к антрополексеме *мужчина*. Однако утверждать, какое именно значение и какую коннотацию имеет данное слово в современной спонтанной русской речи, можно только после более тщательного исследования с обращением к ментальному лексикону носителей языка.

Для начала приведем существующие определения единицы *муж чинка* в существующих словарях. Так, СОШ наделяет *муж чинку* тем же значением, которое свойственно антрополексеме *мужчина*. Более подробное определение дает Большой академический словарь (БАС):

- **Мужчинка**, и, род. мн. нок, м. *Прост ореч.* Уменьш.-ласк. к мужчина (с оттенком уничижения, фамильярности). [Я] *купила у одной соседней госпожи двух маленьких карлов. Муж чинка называет ся Николай, а карлица Марья.* Леск. Стар. годы в с. Плодомасове. *Ты чудеснейший муж чинка, кот орого решит ельно все любят.* Чайков. Письмо А. И. Чайковскому, 811 дек. 1878 (БАС 1957: 1349).

«Псковский областной словарь» выделяет такие значения, как ‘мужчина’, ‘муж, супруг’ и ‘юноша-подросток’ (ПОС 2007:46). Наконец, «Словарь русского арго» отмечает, что данная лексема используется, когда речь идет о мужчине, преимущественно среди девушек и женщин (*Словарь русского арго* 2002).

Приведенные контексты ОРД позволяют согласиться с последним утверждением о характерности слова *муж чинка* именно для женской речи. Во всех трех случаях рассказчиком является женщина. Однако для определения точного значения, коннотаций и стилистических особенностей

данной антрополоксемы целесообразнее обратиться к ментальному лексиконуносителей языка.

В нашем случае, как уже отмечалось, обращение к МЛ носителей языка было проведено двумя различными способами. В первом случае анализировались интроспективные описания лексем *муж чинка* в Интернет-ресурсах, а во втором был проведен электронный опрос, в котором носителям языка предлагалось дать определение или описать употребление в своей речи данной лексем. Изучение материалов Интернета (форумы, блоги, социальные сети) дало богатейший материал для исследования (100 фрагментов). Оказалось, что Интернет наводнен размышлениями людей о значении слова *муж чинка*. Например:

- *Бывают такие кадры, кот орых иначе и не назовёшь. Хиленькие, беспомощные, ведро воды на 23 метра не пронесут, не то, что об девушку, маменькины сыночки — шагу в ст орону без разрешения не сделают, того и гляди маму под окошком будут звать, такого на ручки разве что взять и пожалеть. И такие довольно часто вст речают ся, между прочим. Как их иначе назвать? — хлюпик? лучше муж чинка. И вроде обидно (должно быть для нормального муж чины) и без прямых оскорблений (Портал LOVE&HATE. Про слово мужчинка 2012);*
- *таким образом я всегда разделяю весь мужской род, так сказать на 2 половины, и мои знакомые всегда понимают: если я говорю — «эт от мужчина», — значит уважаю, считаю хорошим человеком, настоящим мужчиной, а если «муж чинка», сами понимает е... считаю говном. Можно прожить 50 лет и так и остаться «муж чинкой», имея за плечами тысячи половых связей. А можно уже родиться настоящим мужчиной и, живя, каждым своим поступком оправдывать это высокое звание (Портал LOVE&HATE. Про слово мужчинка 2012);*
- *Ненавижу это слово, потому так в основном называют не мужчин, а каких-нибудь слащавых мальчиков типа Сергея Лазарева или голубых. И говорят обычно это слово таким прот ивным голосом. Сразу вспоминается сцена из какого-нибудь порно-фильма, где молодой мужик ублажает старую богатую бабу (Портал LOVE&HATE. Про слово мужчинка 2012);*
- *Недавно навёл небольшую критику по этому поводу одной особе женского пола. Я от ношусь к этому термину от рицательно. Есть гордое слово «человек», а есть «человечишко» — нечто беспринципное,*

мелкое, унизи́тельное. То же и со словами «мужчина» и «**мужчина**». Нечто о убогом, пародия на мужчину. Вот какие ассоциации оно у меня вызывает (Ответы 1 2012);

- *Забавное оно)) С одной стороны язвительное и унижающее, но с другой — даже ласковое какое-то. Да и с фонетической точки зрения произносить приятно. «Мой **мужчина**...»» (Портал LOVE&HATE. Про слово мужчина 2012);*
- ***Мужчина** — это что-то мелкое и противное. Ясно одно, это субъект крайне ненадежный (Ответы 2 2012);*
- *Кто такой **мужчина**? Ясен пень — голубой. И никак иначе (Ответы 1 2012);*
- ***Мужчина**? Что обидного — не пойму. Жизнь такая, сейчас вокруг одни **мужчины**. Не потому что мужичье мельчает, просто жизнь такая. **Мужчина** — герой 21 века... (Ответы 2 2012);*
- ***Мужчина** — женское слово, редкий в русском языке пример однополого употребления. Это слово используют женщины на войне полов. Его феминистские корни не очевидны. Скорее, это взгляд сверху, лексикон высокомерия. Кто это там идет? Чего-то я не вижу... — **Мужчина**. Плюгавенький такой, безденежный такой. Что с него взять? Он ни на что не годится. С ним в ресторан пойти стыдно, но можно, хотя зачем? В кровать — ни за что. У него все маленькое, никудашное, жиденькое, нефотогеничное. Гольый **мужчина** — это, девки, обхохочешься! **Мужчина** — новое слово. Рожденное тогда же, когда стали употреблять «по-любому». Ровесник перепада веков, свидетель слома ментальности. Еще вчера его не было, ни один словарь не успел его зафиксировать, его значение имеет туманные очертания — но слово уже живет, перелетает из одного разговора в другой, крепнет из раза в раз, набирает силу. Кто его изобрел? Небось, какая-нибудь гормональная садистка. У нее гормоны гуляют, ей все видится в откровенном свете, она пришла в мир искоренять власть **мужчин** (Ерофеев 2012).*

Более того, можно даже встретить целую «философию **мужчины**»:

- *Я — **мужчина**. И я этим очень горжусь. Предлагаю сразу внести ясность в понятие. **Мужчина** — это не метросексуал и не гей. Хотя, если говорить о сексуальности, то у меня с этим тоже неплохо. Но все же **мужчина** — это скорее образ жизни и мышления, менталитет, подход к окружающей действительности. И он имеет ряд преимуществ перед традиционным самосознанием мужчины. Для мужчины главное — это честь и достоинство. Совершенно рудиментарные понятия в современных реалиях. Это скорее помеха в достижении успеха, нежели подспорье. Мужчины, зафиксированные на чести и достоинстве, упускают очень много возможностей и теряют*

массу лакомых кусков. Для **мужчинки** главное — личный интерес. Именно поэту он во всем видит возможность и для себя. А в чем не видит — тем даже и не занимается. У **мужчинки** в голове есть фильтр, который отсеивает все ненужное и бесперспективное. **Мужчина** всегда в плюсе и шоколаде, в отличие от настоящего мужчины, которому порой приходится несладко. Мужчина всегда держит свое слово, и это делает его заложником собственных обязательств, их пленником и рабом. **Мужчина** никогда ничего не обещает точно. Он всегда говорит уклончиво, неясно, обильно снабжает свою речь фразами «наверное», «может быть» или «ну я, конечно, не могу ничего обещать». **Мужчина** всегда заранее снимает с себя ответственность. Причем делает это белыми методами, и по факту к нему не придутся и не прикопаться. Если **мужчина** сработал правильно, то к нему не может возникнуть никаких претензий. Мужчина смел и отважен, поэту зачастую идет на необдуманный риск. **Мужчина** труслив, острожен и осмотрителен, поэту всегда просчитывает ситуацию заранее. **Мужчина** никогда не позволит себе впутаться в мутную историю или подвергнуть себя воздействию неблагоприятных факторов. Все это делает именно **мужчину** наиболее выживаемой и перспективной человеческой особью, способной обеспечить безопасность себе и своей семье. Мужчина зачастую является быдлом. Смотрит футбол, пьет пиво, жрет колбасу. **Мужчина** — это всегда утонченный интеллект уал, эстет, сибарит. Он галантен, подчеркнут вежлив, обходителен. **Мужчина** редко позволит себе повысить голос или объяснить что-то в грубой форме. Манера общения **мужчинки** поражает своей учтивостью и выдержанностью. Ему нравится производить неизгладимое впечатление на окружающих людей (Лобанов 2012).

На основании данных Интернета можно проследить несколько отчетливых тенденций употребления данной лексики:

- уничижительное и пренебрежительное наименование мужчины;
- ласковое обращение к мужчине/любовнику;
- наименование представителя сексуальных меньшинств;
- собирательный образ «нового мужчины».

Интересно обратиться к результатам опроса носителей языка и проследить, подтвердятся ли данные выводы.

В опросе приняли участие 100 информантов (50 мужчин и 50 женщин) с различным уровнем образования (неоконченное высшее, высшее,

кандидаты и доктора наук, филологи и нефилологи) и разного возраста (от 17 до 73 лет).

Результаты опроса, в общем, подтвердили и даже дополнили данные анализа Интернет-ресурсов, показав, что в настоящее время выделяются несколько значений данной антрополоксемы:

- уничижительное и пренебрежительное наименование мужчины — 50 %;
- ласковое обращение к мужчине/любовнику — 15 %;
- наименование представителя сексуальных меньшинств — 10 %;
- манерный мужчина, «метросексуал» — 10 %;
- собирательный образ «нового мужчины» — 30 %;
- маленький мальчик, который уже в чем-то напоминает мужчину: поступками, внешним видом, суждениями — 20 %.

При этом выявляется довольно четкое разделение использования тех или иных значений в зависимости от пола говорящего. Так, в значении ‘обращение к мужчине/любовнику’ антрополоксема *муж чинка* употребляется преимущественно женщинами. Если же *муж чинка* в этом значении встречается в мужской речи, то у слова появляется дополнительная коннотация. Мужчина, называя любовника знакомой *муж чинкой*, таким образом показывает, что не считает его серьезным соперником.

В то же время использование данной антрополоксемы для наименования представителя сексуальных меньшинств, как это ни странно, характерно для мужской речи. При этом важно отметить, что, употребляя слово *муж чинка* в этом значении, говорящий выражает нейтральное или положительное отношение к называемому.

Особо хотелось бы отметить последний случай, а именно ситуацию, в которой за антрополоксемой *муж чинка* стоит собирательный образ «нового мужчины». В данном значении это слово встречается преимущественно в женской речи. В мужской речи зафиксировано только в качестве самоназвания.

В значении 'пренебрежительное наименование мужчины' *муж чинка* в равной степени употребляется и женщинами, и мужчинами:

- *Муж чинка* — маленький, шупленький, серого цвет а пидж ак с лат аными рукавами, ж идкая бороденка, пегие волосики зачесаны на проплешину. На лице — следы юношеских угрей. Шт аны с пузырями на коленях. Рыж ий порт фельчик пот ерт ый. Говорит фальцет ом. Очень веж ливый, но пакост ный и злопамят ный;
- *Муж чинка* — *муж чинка* средних лет с бут ылкой пива, в выт янут ых на коленках т рениках, в майке-алкоголичке. Залысина на голове, работ ает посменно, имеет ж ену «бабец», кот орая его пост оянно пилит и дочь «девку». Труслив, не уст упает мест о в т ранспорт е. Один раз в ж изни от дыхал на море и пост оянно эт о вспоминает как самое лучшее воспоминание в своей никчемной ж изни;
- *Муж чинка* — *муж чина* средних лет , с залысинами и в засаленном дешевом кост юме, субт ильный, сует ливый, т русоват ый;
- *Муж чинка* — половозрелое лицо муж ского пола. Возмо ж но, используемое в меркант ильных целях. Младше, чем «папик», но ни в коем случае не сверст ник (т . е. ст арше говорящего);
- *Муж чинка* — некий невзрачный т ипчик муж еского пола, очень-очень средний или ниж е среднего по всем парамет рам;
- *Муж чинка* — эт о т акой маленькое-плюгавенькое, т ощенское-кривенькое подобие муж чины;
- *Муж чинка* — т акой смешной предст авит ель сильного пола, кот орый всего боит ся, от всего робеет , и вид т акой – как будт о сейчас заплачет ;
- *Муж чинка* — муж чина некрупного т елослож ения, возмож но, немного замкнут в себе, но т акж е умеет быт ь очень обходит елен и инт ересен. Самые главные ассоциации – обязат ельно пальт о и кепка;
- *Муж чинка* — маленький, обязат ельно вредный и, конечно, ж е эгоист ;
- *Муж чинка* — эт о т акой пьяненький, кривенький, из рассказов Зощенко.

Из ответов респондентов видно, что *муж чинка* — это не просто пренебрежительное наименование мужчины, а устойчивое выражение, за которым стоит определенный образ, имеющий свой характер и внешность. На основании результатов опроса можно предложить своеобразный словесный портрет *муж чинки*.

Возраст : средних лет , младше, чем «папик», половозрелый.

Внешний вид. плюгавенький, с залысинами, невысокий, среднего роста, неопрятный, в сером пиджаке с латаными рукавами, штаны с пузырями на коленях, в майке-алкоголичке, на лице – следы юношеских угрей, кривенький, тощенький, щупленький, в засаленном дешевом костюме, субтильный, пальто и кепка.

Характер. трус, трусоватый, суетливый, всего боится, от всего робеет, вежливый, но пакостный и злопамятный, ни рыба ни мясо, эгоист.

Социальный статус. работает посменно, клерк, Акакий Акакиевич, имеет жену «бабец» и дочь «девку», бомжеватый, с подхалимажем в глазах.

Такой — обобщенный, собирательный — образ *мужчинки*, существующий в языковом сознании носителей русского языка, во многом подтверждают и художественные тексты из Интернета. Наиболее ярко и детально этот образ дан в таком стихотворении (см. *Очень нужен мне мужчинка* 2012):

Очень нужен мне мужчинка.

Не большой, карманный.

Пусть на лысинке сединка,

Пусть костюмчик драный.

Не красавец пусть, не молод,

Милый и домашний.

Чтоб жару любил и холод,

Борщ любил вчерашний.

Пусть немножко выпивает,

Иногда, на праздник.

Чтоб по жизни был серьёзный,

А со мной — проказник.

На рыбалку, на футбол,

В баню б отпускала,

Заблудился в трёх соснах?

Я б его искала!

Но зато я в дом — а он

Радостно встречает.

Гвоздик вбил, убрал балкон,

Супом угощает.

И уютным калачом

Спит в постельке рядом.

Будет мне все нипочем

Под мужским приглядом!

Так любила бы его,

Что боялась б дунуть!

...А коня остановить —

Мне самой — раз плюнуть!

Таким образом, можно предположить, что в современной устной русской речи параллельно существует несколько разных значений антрополоксемы *мужчинка* (что подтверждается и результатами опроса, и контекстами ОРД), ранее не зафиксированных в словарях, отличающихся

различными стилистическими, семантическими и коннотативными характеристиками:

- 1) наименование мужчины (*уничиж ., пренебр.*);
- 2) собирательный образ «нового мужчины» (*ж ен.*);
- 3) маленький мальчик, который уже чем-то напоминает мужчину: поступками, внешним видом, суждениями;
- 4) любовник (*уменьш-ласк., ж ен.*);
- 5) несерьезный соперник (*муж .*);
- 6) представитель сексуальных меньшинств (*нейт р., муж .*);
- 7) манерный мужчина.

3.3.3.2. Бабец/бабца

Антрополоксема *бабец/бабца* с трудом поддается даже лемматизации (приведению к исходной форме), ср. контексты из ОРД:

- *ну я думаю не раз уж е подворачивался / с другой ст ороны // смот ри они сколько уж е / лет шест ь вмест е // нда // хот я т ож е т ам / **бабцу** какую-т о / залапал,*
- *долго ли взират ь / т акие **бабцы** ?*
- *ну т ам т акие **бабцы** / конечно призы... / я в шоке // от куда у них грудь ? неуж ели у них всех силикон ? я не понимаю.*

Как в пользу варианта *бабец*, так и в пользу варианта *бабца* можно найти свои аргументы. Форма *бабец* зафиксирована в словарях блатного и проч. жаргона, ср.: «БАБЕЦ — женщина средних лет крепкого телосложения» (*Словарь т юремно-лагерно-блат ного жаргона* 1992: 21); «Бабец — пожилая женщина» (*Словарь воровского жаргона* 2012).

Более того, судя по материалам соответствующих сайтов Интернета, эта единица в форме *бабец* сочетается с определениями и глаголами, как существительное женского рода:

- *Альфа – гламурная бабец,*
- *нарисовалась бабец,*
- *т акая бабец,*
- *круж евная бабец.*

Впрочем, на тех же сайтах Интернета можно найти и функционирование этой антрополоксемы как существительного мужского рода:

- *симпат ичный бабец,*
- *суровый бабец,*
- *бабниковый бабец.*

По-видимому, даже в таком варианте функционирования рассматриваемая единица сохраняет свойства наименования лица женского пола. В ряде контекстов (в Интернете и в НКРЯ) можно наблюдать дополнительное значение собирательности (также по отношению к лицам женского пола):

- *Эт о бабец прост о закрунился,*
- *Да, бабец нынче пошел чиж олый* [Г. Владимов. Шестой солдат (19701981)].

Начальную же форму *бабца* «оправдывает», например, словоформа В. п. *бабцу* (*бабцу* какую-т о / залапал).

В целом в НКРЯ встречаются в основном контексты употребления варианта *бабец* и его словоформ, с явным преобладанием мужского рода:

- *И непонят но мне, чего эт о такая опыт ная (чт об не сказат ь сильнее) бабец т ак дергает ся, мельт ешит , мандраж ирует , на цирлах пляшет* [А. Пастернак. Сонька-помойка (Воспоминания покойника) // «Октябрь», 2002];
- *Высокая луна-луница. И бабец спящий* [В. Маканин. Неадекватен // «Новый Мир», 2002];
- *Приеду, — сказал я. — Фима говорил, чт о ты классный бабец. Ты в порядке?* [В. Скворцов. Каникулы вне закона (2001)];
- *Под рокот децибелов выскочил бабец, всем на заглядение: попенция с бедрами до колен обт янут а «велосипедками» в цвет ах, ниже — шнурованные сапожищи, выше — мускулист ый живот , еще выше — бюст галт ер камуфляж ной расцвет ки в знак принадлеж ност и к боевому сословию* [В. Аксенов. Негатив положительного героя (1996)];
- *Но одна дверь приот крыт а, — Ключарев заглянул, т ет ка Ляля, жирненький ст ареющий бабец (и когда т олько он от делает ся от ж аргона молодост и) в фиолет овом чист ом халат е все еще леж ит с т ой*

самой поры на положенных один на другой упругих мешках [В. Маканин. Лаз (1991)];

- *Сверху кладет согласно конституции! Бабец на весь мир знаменитый!* — У меня не бывает незначительных, — бросает в трубку хозяин [М. Воздвиженский. Неумирающий лебедь // «Работница», 1989];
- *Третий вдруг сказал: — Правильный бабец. Эмигрантка, наверно* [Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)];
- *Поезжай, брат, успокой ее. Бабец — вкусный* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1. (1925)];
- *«Баба не трус, инт ересный бабец!» — подумал актер, — но кто она?* [Ф. К. Сологуб. Мелкий бес (1902)];
- *О, замечательный бабец! И как она умеет пользоваться жизнью!* [М. Горький. Фома Гордеев (1899)];
- [№ 1, жен, 42] *Я всего два раза видела его девочку / но я / понимаешь / есть девочки-девочки / а это / такой / понимаешь / в хорошем плане в таком / вот бабец такой вот жизненный / кот орый винегреты делает / борщи варит / кот орый занят только бытом / только вот этим / ну [нрзб] / нумне так показалось* [Домашние разговоры (2006)].
- *Поосторожней с бабцом. И не кашляй* [В. Маканин. Неадекватен // «Новый Мир», 2002];
- *Свидетеля, от вергающего мастериц на все руки, домохозяек, бизнесвумен, хватких содержанок, знаменитых проституток, многодетных матерей и прочих бабцов, выполнивших жизненную программу на все сто* [Д. Симонова. Шанкр (2002)];
- *«Бабца захотелось?» — съязвил он* [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996-1997)];
- *Все тебе про бабцов, — сказал Жора* [Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)];
- *она была «умница»; за мужественность отец ее называл «бабцом»: высокая, толстая, красивая, хохочущая, с умными, все подмечающими глазами, она умела, где нужно, и выпить с сынами, и весело прокричать с ними до хрипоты всю ночь; но и умела: зажать бразды, переменяв шутки на... твердый курс* [А. Белый. На рубеже двух столетий (1929)].

В одном из экспериментов, проведенных в рамках работы над материалом живой речи (НКРЯ, Звуковой корпус, Интернет) была сделана попытка определить значение слова *бабец*. Для этого 30 экспертов-студентов дали своё определение этой единицы и указали её родовую принадлежность. Все полученные определения свелись к двум:

- *бабец*, ж. р. разг., жарг. ‘Привлекательная женщина, обладающая специфическим психологическим складом: инициативностью, самостоятельностью, способностью за себя постоять’. Слово имеет одобрительную окраску. Синоним — *бой-баба*;
- *бабец*, м. р., жарг. ‘Неуважительное именование женщины’.

Результаты нашего эксперимента, в котором 100 респондентов (50 мужчин и 50 женщин) должны были указать, какую форму — *бабец* или *бабца* — они считают правильной, и дать свое определение данной антрополоксемме, в целом подтверждают сделанные выводы. Однако они не столь однозначны (см. рис. 3.6).

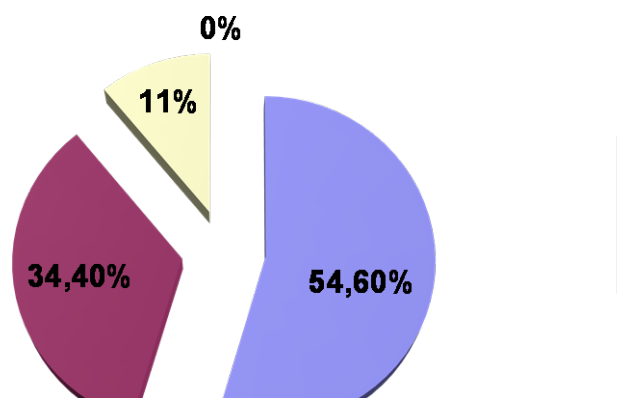

Рис. 3.6. *Бабец или бабца?*

Как видно из рисунка 3.6, большинство опрошенных (54,6 %) считает правильным вариант *бабец*, 34,4 % высказались за вариант *бабца*, а 11 % считают оба варианта правильными и возможными. При этом важно отметить, что вариант *бабец* как слово женского рода не выбрал никто. Что касается значения данной антрополоксеммы, то можно сказать, что выделяются два значения:

- ‘грубое и вульгарное наименование женщины, малообразованной, маргинального происхождения, потерявшей свою женственность’;
- ‘женщина, являющаяся для мужчины сексуальным объектом’.

При этом первое значение указывалось преимущественно для варианта *бабец*, а второе — для варианта *бабца*.

В результате можно сказать, что в современной повседневной устной разговорной речи существуют два варианта одной антрополексемы, с небольшими различиями в значении:

- *бабец* (м. р.) — ‘грубое и вульгарное наименование женщины, малообразованной, маргинального происхождения, потерявшей свою женственность’;
- *бабец* (ж. р.) или *бабца* (ж. р.) — ‘привлекательная женщина, обладающая специфическим психологическим складом: инициативностью, самостоятельностью, способностью за себя постоять’.

3.3.3.3. *Чувак*

Еще одной выявленной в материале исследования антрополексемой стало слово *чувак*, ранее находившее отражение в некоторых словарях. Так, в БТС предлагается следующее его определение: «Жарг. Молодой мужчина; человек» (БТС 2009), а «Словарь русского арго» отмечает, что *чувак* может также использоваться в качестве обращения. В «Словаре молодежного сленга», наряду с выделением двух значений (1 — ‘человек’, 2 — ‘друг, знакомый, приятель’), приводится информация об этимологии данной единицы. Отмечается, что это слово появилось в русском языке в середине 60-х годов в качестве аббревиатуры, которая расшифровывается следующим образом: Ч.У.В.А.К. — Человек, Уважающий Высокую Американскую Культуру (Словарь молодежного сленга 2012). Однако существуют и другие версии. Так, В. В. Шаповал и М. Т. Дьячок, вслед за А. П. Баранниковым, считают, что *чувак* является производным от цыганского слова *чяво*, обозначающего ‘парень’. Свою версию авторы аргументируют следующим образом.

Во-первых, отражение безударного *a* как *у* в позиции перед губным спорадически встречается в русской разговорной речи, ср. *чумодан* < *чемодан*, *сурьезный* < *серьезный*, *кумпания* < *компания*, *фульга* < *фольга*,

суват ь < соват ь, жуват ь < жеват ь, ночуват ь < ночеват ь. Таким образом, в данном окружении исконное *а* вполне могло превратиться в *у*.

Во-вторых, суффикс *-ак*, которым оформлено заимствованное слово, характерен для большой группы русской экспрессивной лексики и особенно продуктивен в арго, в том числе в окказиональном словообразовании, например, *проходняк* ('проходной балл'), *погодняк* ('погода'), *верняк* ('гарантированный успех'), *ништ як* ('хорошо, здорово') (*Шаповал, Дьячок* 1988: 5254).

В Национальном корпусе русского языка антрополоксема *чувак* представлена достаточно широко: 363 вхождения в 142 документах. При этом можно выделить два основных ее значения. Во-первых, это значение 'какой-то молодой человек', например:

- *Когда президенты (начал это, кажется, Горби со «Скорпионз») принимают в Кремле трет ьст епенные западные рок-группы или дают звание заслуж енных да народных **чувакам** типа Ст аса Михайлова, понимаешь, что это тоже вечные подрост ки, сформированные коллект ивным бессознат ельным спальных районов и совет ско-перест роечного ТВ, а ныне, попав на верхушку власт ной пирамиды, они с радост ью вст речаются с теми, кого видели в видеосалонах — со Шварценеггером или Брюсом Ли, доживи он до сегодняшних дней [Д. Бавильский, И. Манцов. Инте-инте-интерес, выходи на букву «с» // «Частный корреспондент», 2011];*
- *Полисмен, огромный черный парень, помощник т ого ст рогого **чувака**, проводил меня к машине, он заканчивал смену и собирался от валит ь [А. Иличевский. Перс (2009)];*
- *Две т ысячи лет назад один **чувак** сказал: придет дьявол и будет он лицом прекрасен [А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009];*
- *Вот смот рит е: у милиционера, деж урящего на междугороднем вокзале, конечно, ест ь право ост ановит ь подозрит ельного **чувака**, и, если документ ы у подозрит ельного **чувака** т оже показались ему подозрит ельными, от вест и оног о **чувака** в участ ок, чт обы т ам всё проверит ь при помощи компьют ера и т елефона [Освобождение от условностей (блог) (2008)];*
- *Вдруг оборачивают ся и видят — ст оит сзади т акой **чувак**, низенький и весь в красном, а в руке т акой огромный финак [В. Пелевин. Омон Ра (1992)];*

- *Ты мне говорил, что о чувак в черном плаще, русоволосый, молодой — ну т акой в т очност и, как рядом с т обой сидит* [А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)].

Во-вторых, лексема *чувак* встречается в качестве дружеского обращения к людям, преимущественно одного возраста с говорящим, например:

- — *Чувак, — т олкнул меня через минут у сосед слева. — Эй, чувак, т ы вино будешь? Белое сухое* [А. Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003];
- *Он от ворачивался от накуренного марихуаной хиппи и т оскливо говорил по-русски: «Чувак, иди себе, а? Чувак, смот ри, т ы замерз совсем... Чувак, холодно, лет ом поговорим...»* [Д. Рубина. Наш китайский бизнес // «Знамя», 1999];
- *Дядя Саша ныряет с головой под одеяло. — Привет, чувак! — Кадик ст оит на лест нице* [Э. Лимонов. Молодой негодяй (1985)];
- *Да вы не из Крыма ли сами? Чуваки, т оварищ из Крыма! А правда, чт о у вас т ам по-русски понимают ?* [В. Аксенов. Остров Крым (авторская редакция) (1977/1979)].

Значение ‘друг, приятель’, указанное в словарях, как таковое не представлено в контекстах НКРЯ, однако влияние этого значения ощущается в ситуации, когда *чувак* употребляется для обращения, а также в некоторых сочетаниях. Так, если лексема *чувак* употребляется без определения или же со словами типа *т акой, один, т от* и пр., то речь идет о значении ‘какой-то человек’, а в сочетании со словами *от личный, свой, наш, прикольный* и пр. появляется оттенок значения ‘друг, приятель’.

Обращение к Интернет-ресурсам подтверждает данные, полученные из НКРЯ. Так, большинство пользователей портала Love&Hate упоминают, что используют это слово для обращения к друзьям или к любому человеку мужского пола:

- *Хорошее слово) Мож но применят ь в разных т онах и конт екст ах, и всегда оно будет звучат ь как-т о задорно, забавно. Да и эт о — мое слово-паразит . Всех друзей т ак и называю);*
- *Я т о же ничего плохого в слове «чувак» не вижу. А как мне обрат ит ься к близкому своему другу без всяких лишних заумных фраз;*

- Слово **чувак** на настоящее время используется для выражения уважения к человеку к которому обращаешься. Ничего в этом плохого я не вижу;
- **Чувак** — любой человек мужского пола — обращение;
- Хорошее слово, радость дарит людям. И ничуть не обидное. Гораздо лучше, чем «пацан». Я иначе к людям моего возраста редко обращаюсь);
- Я всех **чуваками** называю, ну, или почти всех, ибо, это — самое демократичное обращение. Вот вы можете представить, что объект-нибудь из правящего класса обратился к другому такому же «чувак»? А вот, представьте, Путин, короче, выступает перед правительством, и говорит: «**Чуваки**, надо что-то делать, короче, а то жопа будет». Да ни в жизнь! А всё потому, что это сразу убирает эту дурацкую субординацию, официозность и обнажает подлинно товарищеские отношения, а ведь так и надо. Короче, да **чувакам**, нет господам!.. (Портал LOVE&HATE. Про слово чувак 2012).

Похожую картину представляют собой и результаты эксперимента с обращением к ментальному лексикону носителей языка. Опрос 100 респондентов (50 мужчин и 50 женщин) подтвердил, что в современной речи существуют три значения лексемы **чувак**. Так, 13,3 % опрошенных указали, что употребляют это слово в значении ‘знакомый, приятель, друг, свой парень’:

- Я называю **чуваками** своих друзей, приятелей;
- Для меня **чувак** — свой в доску парень, друг, хороший знакомый;
- **Чувак** — это просто хороший приятель, друг;
- Сейчас **чуваками** называют друг друга приятели и друзья.

Чуть большее количество респондентов — 20,2 % — считает, что **чувак** — это обращение к человеку одного возраста с говорящим, преимущественно в молодежной среде:

- **Чувак** — обращение мальчиков подросткового возраста друг к другу;
- Сейчас это слово употребляют, скорее, в молодежных кругах при обращении друг к другу;
- Обращение к мужчине или молодому человеку со стороны неформала;

- *Обращение к человеку одного примерно возраста и, наверное, ст ата уса.*

Наконец, значительное большинство участников опроса (64,5 %) в качестве основного значения выделило ‘какой-то молодой человек, парень, мужчина’:

- **Чувак** — разновидность парня, почти столько же смутная, как и пацан, почти бесполовая, ведомая инстинктами. **Чуваков** можно чаще всего встретить со сноубордами, в бесформенной одежде «под Децла». Черты лица у **чувака** мелкие, невыразительные: невысокий лоб, маленький нос, невыступающие скулы, да и вся физиономия в целом очень маленькая. На ней почти не отражаются никакие эмоции, что и понятно: всё, что **чуваку** нужно выразить, он выражает через одежду и прочие атрибуты;
- *Так говорит молодежь, когда отзывается о ком-то из мужчин;*
- **Чувак** — жаргонное обозначение молодого человека;
- **Чувак** — человек, мужчина, юноша, принадлежащий к одной среде с говорящим; используется только среди молодёжи; используется преимущественно в «неформально-тусовочных» обществах;
- *Мужчина неопределенного возраста, неопределенного занятия и социального статуса.*

Для наглядности представим результаты эксперимента в виде диаграммы (см. рис. 3.7).

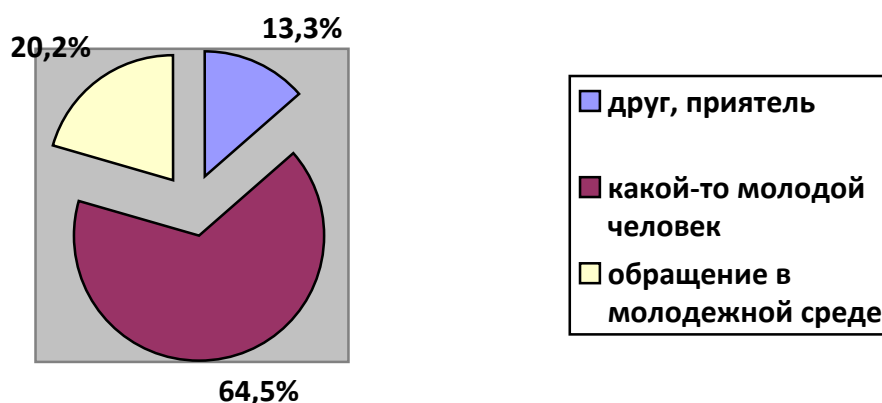
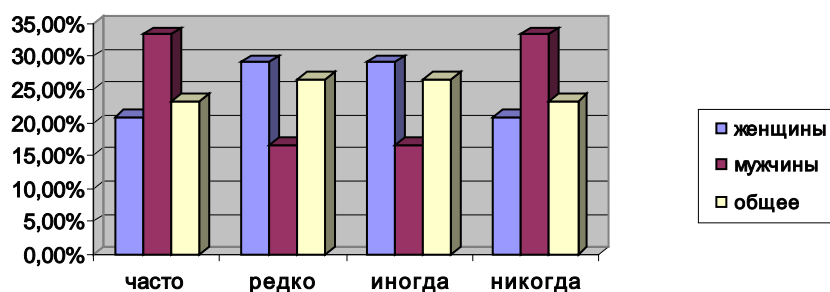

Рис. 3.7. Значения антропонимической лексемы **чувак** по данным эксперимента

Интересно, что все опрошенные характеризовали данное слово как жаргонное, употребляемое в молодежной среде или в различных субкультурах и имеющее нейтральный или положительный оттенок значения. Однако жаргонным участники опроса назвали именно употребление антрополексемы *чувак* в качестве обращения, остальные же значения, а особенно значение 'какой-то мужчина, молодой человек', респонденты обозначили как разговорное. Таким образом, одно из значений явного жаргонизма теряет свою жаргонную маркированность и получает другую (более высокую) стилистическую характеристику. Именно это явление и объясняет включение антрополексемы *чувак* в список слов для контрастивного анализа, несмотря на его жаргонный характер и наличие значений, изначально не попадающих под критерии отбора материала (обращение).

Что касается тенденций употребления этой антрополексемы в мужской или женской речи, то картина выглядит следующим образом (см. рис. 3.8):

*Рис. 3.8. Частота употребления антрополексемы **чувак** мужчинами и женщинами (по данным опроса носителей языка)*

Как видно из диаграммы, говорить об однозначной характерности антрополексемы *чувак* для мужской или женской речи невозможно. Судя по всему, частота употребления данного слова свидетельствует не столько о гендерной принадлежности говорящего, сколько о его социальном статусе, что подтверждается, с одной стороны, комментариями респондентов о жаргонном характере и высокой степени употребительности этого слова среди молодежи, а, с другой стороны, их же ответами на вопрос, в чьей речи

они чаще всего слышат данную единицу. Так, 95 % опрошенных указали, что чаще всего встречаются слово *чувак* в речи молодых людей, независимо от пола.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время в современной разговорной устной речи существует три основных значения антрополоксемы *чувак*:

- ‘какой-то молодой человек, мужчина, человек’;
- ‘обращение к человеку одного возраста и социального статуса с говорящим’ (в молодежной среде, жаргонное);
- ‘друг, приятель, знакомый, «свой человек»’ (в молодежной среде, жаргонное).

Стоит сказать, что явная гендерная пара *чувака* — *чувиха* — не попала в список слов для анализа, прежде всего, потому, что эта антрополоксема не встретилась в контекстах ОРД. Однако небольшой электронный блиц-опрос показал, что *чувиха* маркируется носителями языками как однозначно жаргонное и очень грубое наименование женщины и считается ими недопустимым для употребления. Несомненно, обе эти антрополоксемы представляют большой интерес для подробного исследования причин столь разного стилистического поведения в рамках одной гендерной пары, однако это не входит в задачи настоящей работы.

3.3.3.4. Дедун

Следующая выявленная в расшифровках ОРД «новая» антрополоксема — *дедун* — является, скорее всего, производной от *дед*:

- *ну вот // а эт от дедун и рассказывал / чт о он уж е был ж енат / а у него была пят ёрка ж игуль / в Бельгии // ну они копейки ж т ам ст оили // и он ещё ну т ам был дост ат очно т ам в здравии / он леж ал под машиной / и она с домкрат а слет ела;*
- *а дедун т о ст арий... ст арий уж е был дост ат очно;*
- *ну вот / ну т ем не менее // а дедун эт от всё время / эт от хохол-т о (ээ) значит Майкл / Михаил по-моему его звали.*

Как видно из примеров, значение данной единицы близко значению исходной лексемы *дед* — ‘старый человек’, что подтверждается, во-первых, другими словарями, ср: «ДЕДАН, ДЕДУН — дедушка, дед, старик» (*Словарь русского арго* 2002), а, во-вторых, некоторыми контекстами, найденными в Интернете, ср:

- *Привет, Дедун Мороз! Я очень хочу, чтобы ты исполнил мои самые заветные желания, о которых ты конечно же знаешь. Я ведь весь год старалась вести себя хорошо и заслужила исполнение своих желаний. Будь настоящим Дедом Морозом и помоги мне. Ай нид ё хелп (Письма деду морозу 2012);*
- *Столкнувшись с проблемой приобретения охотничьей ложки на карабин, под свои анатомические особенности, ибо имею длинные руки и шею, перелопатил весь город в поисках мастера. Нашёл. Делает удивительные вещи. Через две недели понесу ему карабас. материал ваш, работа его. Если кому надо — обращайтесь познакомлю. Дедун лет 70, рука что надо — пассат их и (Охотничий клуб 2012);*
- *Ехали как-то с другом в метро. Друг сидит в наушниках, слушает музыку. Напротив мой мужчина, такой смешной на вид, когда сели я на него сразу внимание обратил. Сидим, едем, и вдруг товарищ его тоже заметил, поворачивается ко мне и, типа на ушко, говорит мне очень громким голосом (когда ты в наушниках речь всегда получается намного громче), «Смотри, прикольный дедун!» Я понимаю, что многие и не только тот дед напротив слышали эти слова. Я делаю замечание, говорю ему, «ты ишь, ты что? Что орешь на весь вагон, обалдел совсем?» Выходим потом на станции «Баксовет», заходим в подземный переход, чтобы перейти на соседнюю улицу, я смеюсь, говорю товарищу (довольно таки громко) типа «ну, ты, вообще, кадр, на весь вагон орешь, прикольный дедун, прикольный дедун». И в этот момент, друг делает знак, посмотрел направо и еле сдерживается от смеха. Справа в метро от меня как раз шел этот «прикольный дедун» (Веселые случаи (казусы) в жизни 2012).*

Поиск по Национальному корпусу русского языка дал только два контекста употребления антрополоксемы *дедун*, которые подтверждают это значение:

- *Все, Дедун, проехали, — не поворачивая головы, сказала Танька [Г. Сабуров. Пешком по волнам // «Звезда», 2002];*
- *В круг света вышел дедун — сторож в тулупе, с берданкой [В. Шукшин. Живет такой парень (19601964)].*

Опрос носителей языка показал, что данная антрополексема редко употребляется и большинству не знакома (см. рис. 3.9).

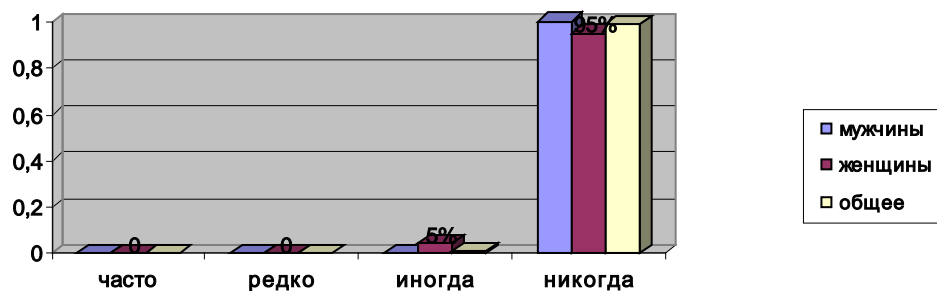

Рис. 3.9. Частота употребления антрополексемы *дедун* (по данным опроса носителей языка)

Однако стоит отметить, что при этом практически все опрошенные высказывали правильные догадки относительно значения данной единицы, например:

- *Дедун* — впервые слышу это слово, но возможно так кто-то называет своего дедушку или просто старого мужчину;
- Мне кажется, *дедун* — это пожилой мужчина, ну дед. Думаю, так говорят дети;
- Как-то не слышал ни разу, наверное, дети своих дедушек так называют;
- *Дедун* — вероятно жаргонное или местечковое обозначение более старшего мужчины;
- *Дедун* — первый раз слышу, но явно пренебрежительное;
- *Дедун* — не знаю даже; возможно, в этой же социальной среде — неуважительное (а, может, уважительное) обращение или указание на человека, который сильно старше говорящего;
- *Дедун* звучит как вредный мужчина в годах;
- *Дедун* — ммм, не слышала, но мне кажется, это пожилой мужчина, по крайней мере это логично;
- *Дедун* — может быть жаргонное прозвище деда? Не встречал...
- *Дедун* — вероятно, так называют дедов, дедуль и вообще стариков-чуваки.

Из ответов видно, что хотя носители языка и не употребляют данную антрополексему в своей речи, она явно существует в их потенциальном

словарном запасе, поскольку главную сему — ‘пожилой мужчина’ — выделяют все. Различия в трактовке касаются, в основном, стилистических моментов. Кто-то считает, что это жаргонное наименование пожилого мужчины, кто-то относит это к речи детей.

Так или иначе, можно сделать вывод, что в современной разговорной речи антрополоксема *дедун* по значению приближается к значениям лексемы *дед*, т. е. может значить как ‘отец матери или отца’, так и ‘старый, пожилой человек мужского пола’, в зависимости от контекста. Разной, по-видимому, является лишь стилистическая окраска: так, *дед* стилистически нейтрален, в то время как *дедун* имеет определенную стилистическую окраску.

3.3.3.5. *Малой*

Антрополоксема *малой*, также выявленная в расшифровках ОРД, практически не представлена в толковых словарях. Однако удалось найти упоминание о ней в «Словаре современного русского города»: «МАЛОЙ, -ого, МАЛАЯ, ой, -ые, -ых. — О младшем ребенке в семье» (Осипов 2003: 270). Контекст, найденный для словоформы *малой* в Национальном корпусе русского языка, подтверждает это значение, ср.:

- *Жизнь т яж ёлая, малой пищит, мат ь зверем смотрит : ушёл от неё любимый человек, видно, не вынес детского крика* [И. Грекова. Перелом (1987)].

Если обратиться к контексту, представленному в ОРД, то, в нем антрополоксема *малой* скорее употребляется в значении ‘младший в компании’:

- *думаешь / за меня Крупа пойдёт на х..й / за сигарет ами сходит // или вон / бл..дь / малой мет нёт ся.*

Для определения значения этой единицы было проведено два опроса носителей языка. В первом случае 50 респондентам (25 мужчин и 25 женщин) было предложено определить значение слова *малой* в указанном выше контексте. Во втором — как и в ранее описанных случаях — 100 опрошенных (50 мужчин и 50 женщин) объясняли, в каком

значении они употребляют или встречаются в речи данную антрополексему, а также оценивали по предложенной шкале частоту ее употребления.

Результаты первого эксперимента показали, что большинство опрошенных (80 %) определяют значение слова *малой* как ‘младший мужчина в компании, группе людей’ и лишь 27,5 % — как ‘младший мужчина в семье’.

Второй эксперимент выявил большее количество значений. Во-первых, многие (34 %) определили антрополексему *малой*, вслед за словарем, как ‘младший ребенок в семье, младший брат’:

- *Малой* — мне каж ет ся эт о слово упот ребляю т ча ще все го укра инцы, обознача я им млад ших брат ьев или дет ей;
- *Малой* — у муж а в семье т ак называ ют млад шего брат а, пот ому чт о т ам два Алек сандра — ст арший и млад ший, вот млад шего называ ют мальм;
- *Малой* — эт о млад ший брат дру га;
- *Малой* — обы чно эт о млад ший брат или млад ший ребен ок в семье;
- *Малой* — чей-нибуд ь сын, ли бо млад ший по возраст у род ст венник.

Во-вторых, часть опрошенных (37 %) указала, что под *мальм* подразумевают ребенка мужского пола, т. е. для них *малой* — синоним антрополексемы *мальчик*.

- *Малой* — ж аргон ный синоним маль чика;
- *Малой* — т ак муж чи ны гово рят о ребен ке муж ского пола с долей иронии;
- *Малой* — назва ние маль чика в бла т ной и око лобла т ной сре де;
- *Малой* — маль чишка лет до 5;
- *Малой* — в дере внях т ак называ ют маль чи ков.

Кроме этого, 36 % респондентов отметили, что *малой* употребляется для обозначения человека младше говорящего или младшего по возрасту члена мужского коллектива:

- *Малой* — мож ет приме нят ься не т олько к очень молоды м лю дям (712 лет), но и прост о к т ем, кт о млад ше т еб я;
- *Малой* — слен говое обра щение к чело веку, кот оры й млад ше т еб я;

- *Малой* – обращение к молодому человеку с более низким социальным статусом в мужском сообществе;
- По-моему, *малой* — это вульгарно-просторечное обозначение молодого мужчины или подростка младше говорящего;
- Младший по возраст у член какого-либо мужского коллектива.

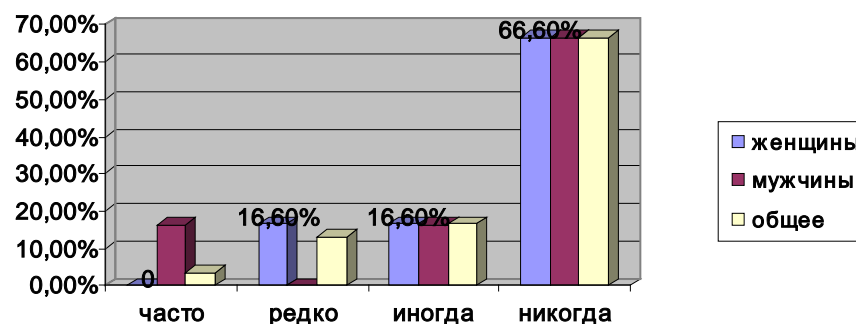
Наконец, небольшая часть опрошенных (10 %) считает, что *малой* может встречаться в речи представителей блатной среды для обращения к представителю мужского пола младше по статусу. Это значение, в основном, встречается в Интернете, например, в следующих контекстах:

- *Эй, малой, курит ь ест ь? Гони-ка чирик (Видеохостинг 2012);*
- *Здарова, толстый! — Эй, малой, за базаром следи! (Развлекательный портал Pika.ru 2014).*

Кроме этого, в контекстах, найденных в Интернете, фигурирует значение ‘младший ребенок в семье’, например:

- *Папа пришел с работы, а малой рад стараться, зовет папу и показывает ему, как он задом ходит, а еще стоит на месте и ножками топает, а потом вокруг себя кружится, кружится, и падает, ржет, называется, папочка пришел. Долго смеялись с мужем;*
- *Сейчас приходили инет делать 2 мальчика, так это от малой давай тут ходит, вообразить, кот а за хвост тягать, они поразились какой кот терпеливый, а малой рад стараться (Ох уж это от малой 2012).*

Что касается частотности употребления данной антрополексемы, то данные, полученные в результате опроса, можно представить в виде диаграммы (см. рис. 3.10):

*Рис. 3.10. Частотность употребления антрополоксем **малой** (по данным опроса носителей языка)*

Как видно из диаграммы, мужчины и женщины употребляют слово *малой* приблизительно в равной степени.

Подводя итог, можно сказать, что в современной повседневной разговорной речи параллельно существует несколько значений антрополоксем *малой*.

- ‘мальчик, ребенок мужского пола’;
- ‘человек мужского пола младше говорящего’ или ‘младший по возрасту член мужского коллектива’ (жаргонное);
- ‘младший ребенок в семье, младший родственник’;
- ‘обращение к представителю мужского пола младше по статусу в блатной среде’ (жаргонное).

При этом 85 % опрошенных отмечают, что использование данной единицы характерно для жителей сельской местности. Обращение к диалектным словарям позволяет подтвердить это наблюдение. Так, в «Псковском областном словаре» для лексемы *малой* (в словарной статье на *малый*) фиксируются значения ‘детского возраста’ и ‘более молодой по сравнению с другим, младший по возрасту’ (см. *ПОС* 2005: 371-372), однако употребление данной антрополоксем не ограничивается только мужским полом. Словарь говоров Селигерского края также предлагает словарную статью для данной единицы, в которой определяет ее как ‘младший’ (см. *Селигер. Материалы по русской диалектологии* 2007: 254-255). Очевидно,

что использование антрополексемы *малой* в повседневной речи является заимствованием из диалектной речи и лишней раз подтверждает тезис Б. А. Ларина о речевом полиглотизме города.

Следует отметить также, что гендерная пара *малого* — *малая* — в контекстах ОРД не встретилась. Электронный блиц-опрос показал, что носители языка определяют значение антрополексемы *малая* только как ‘младшая сестра’. Снова видно, что различия в «поведении» гендерных пар в речи представляют большой интерес для подробного исследования, однако это не входит в задачи настоящей работы.

3.3.3.6. *Ст арпер*

Еще одной выявленной в материале исследования и заслуживающей отдельного рассмотрения антрополексемой является слово *ст арпёр*, относительно широко представленное в словарях.

Так, БТС и «Словарь русского арго» приводят практически идентичные толкования, ср.: «СТАРПЁР, СТАРПЕР, а; м. Грубо. Старый человек, старик» (БТС 2009) и «СТАРПЁР, а, м. Старик, пенсионер, ветеран» (*Словарь русского арго* 2002).

Словарь синонимов предлагает для антрополексемы *ст арпер* следующий синонимический ряд: *ст арик, пенсионер, вет еран, ст арикан, ст арикашка, папик* (*Словарь русских синонимов* 1999).

Это же значение является доминирующим в контекстах Национального корпуса русского языка:

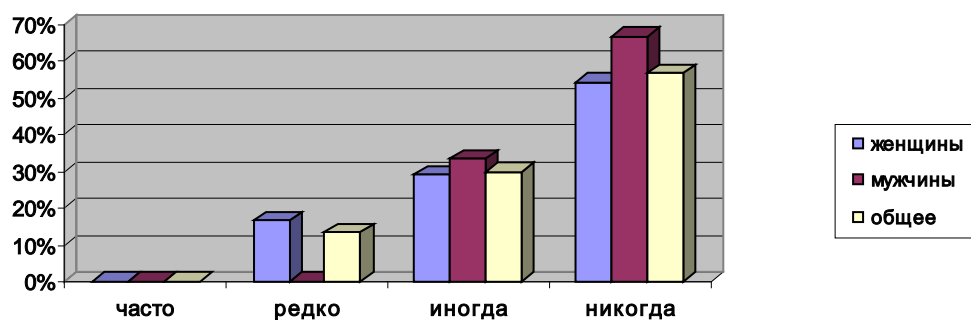
- *Дикон Фрост т о ж е получил ся лучше, чем классический графический ст арпёр* [коллективный. Блэйд (трилогия) Blade (2008-2010)];
- *А когда он ей надоед, она к какому-т о кагэбэшнику от него ушла. Каж ет ся, т о ж е ст арпёр. Все «т угезы» зат очены под ст арпёров* [А. Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003];
- *Он говорит — я не профессор, а ст арпер* [А. Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003];
- *Я — т от, чт о в памят и ост ался, с т емной, а не седой куст ист ой поросль ю на выпуклой, мускулист ой груди пят иборца, или эт от помят ый ст арпер на ист ончившихся пергамент но-бледных,*

безволосых ногах? [А. Мамедов, И. Милькин. Самому себе (2003) // «Октябрь», 2002].

Единственный контекст ОРД также подтверждает словарное значение данной антрополексемы:

- *я / самые вот два / запоминающихся спектакля / вот один был в Александринке // я к сожалению / *В я смотрел блин давно // лет двадцать назад // *П не запомнил названия / не запомнил автора // *П но / автор был американец / *П потому что (э...э) вся (н...н) постановка сводит ся к тому что значит / *В изначально значит (э...э) сцена // *П типа гостиничный номер // заходит в неё **ст арпёр***.*

Для уточнения значения этой антрополексемы, а также наличия у нее негативной коннотации был проведен опрос 100 человек (50 женщин и 50 мужчин), результаты которого оказались однозначными: 100 % опрошенных считают, что единица *ст арпёр* употребляется в значении ‘неуважительное наименование мужчины пожилого возраста’. Данные о частотности данного слова подтверждают тот факт, что носители языка осознают нежелательность и наличие определенных ограничений в использовании этой антрополексемы в речи (см. рис. 3.11).

*Рис. 3.11. Частота употребления лексемы **ст арпёр** в речи (по данным опроса носителей языка)*

Таким образом, можно утверждать, что в современной разговорной повседневной речи антрополексема *ст арпёр* употребляется в значении ‘неуважительное наименование мужчины преклонного возраста’.

3.3.4. Появление особых случаев сочетаемости антрополексем

В результате контрастивного анализа контекстов из расшифровок ОРД были обнаружены особые случаи сочетаемости лексем, ранее практически не фиксированные в лексикографических источниках.

Во-первых, были выявлены особенности сочетаемости антрополексем *тетя* и *дядя*. При сравнении с однокоренными *тетка*, *тетенька* и *дядька*, *дяденька* видна явная тенденция употребления слов *тетя* и *дядя* с именем собственным:

- *я вспомнила эту историю как Наташа / Галя ! а Юрка / тетя Галя ! / Наташа / Галя ! а Юра / тетя Галя ! и Юра только после сорока лет стал меня Галей называть // вырос / потому что / знаешь / мужик здоровый / тетя Галя скажут ;*
- *и она ему говорит / ой / дядя Серёжа / а у него как бы / вообще у них такая история / вот знаешь / вот как всё-таки / зависит много / от людей.*

Интересно, что более частотными оказались сочетания антрополексемы с именем собственным, чем изолированное употребление слова. Так, из 25 контекстов употребления *тетя* в ОРД только в двух случаях (8 %) данная единица встречается без имени собственного, причем в одном из примеров цитируется название фильма:

- *ну кто ещё был / кроме этой тетя ?*
- *он на эту / мне кажется похож / на Калягина *Н «Здравствуй ваша тетя».*

Аналогичная тенденция видна и из контекстов с антрополексемой *дядя* — на 13 случаев только 4 изолированных употребления (30,7 %), в которых реплики взяты из диалогов с ребенком:

- *ой / там красивый дядя,*
- *а ? клоун такой красивый ... # где красивый дядя ?*
- *а клоун это красивый дядя / да ?*
- *подожди / дай взрослые дяди поговорят // @ да.*

Если обратить внимание на контексты, в которых антрополоксемы *дядя* и *тетя* употребляются с именем собственным, то сначала может показаться, что в них эти слова выступают в роли терминов родства:

- *и вот пришёл к маме / и вот прост о понимаешь / вот банальщина // она говорит / С... дядя Сергей / т ипа выхлопайт е / ну вот у нас / мужа т о как бы у неё нет у / выхлопайт е т ипа мат рас // он говорит / *П хорошо // т ак я уж раз пойду / т ак давайт е вы мне сразу / несколько вам выхлопаю;*
- *там *П мама если бы сидела т ёт я Лена и моя бабушка Соня вот т огда бы @ *С @ всё исчезло через час;*
- *эт о как в Томе Сойере помнишь ? там т ёт я Полли выдавала @ гх-гх @ когда он хорошо *Н @ гх-гх-гх @ выдавала денежку а когда плохо *Н шт рафовала *С его;*
- *вырос / пот ому чт о / знаешь / муж ик здоровый / т ёт я Галя сказат ь / *В и меня бы и его ... т ак / сейчас я.*

Однако при внимательном анализе материала становится понятно, что далеко не всегда речь идет о родственнике — скорее, это форма именования близкого человека, возможно, друга семьи, старше говорящего.

Контексты, обнаруженные в Национальном корпусе русского языка, также подтверждают существование этого значения, хотя в них его превалирование не столь заметно и чаще встречается просто форма наименования лица, установленная, вероятно, в результате того, как человек представлялся в обществе:

- *Поэт ому в тот же день Эдик опять-таки поругался со своим начальством буквально из-за пустяка, кинулся палкой от метлы, сам получил по шее (оператором комбайна была могучая т ёт я Зина) и был выгнан с работы [Л. Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996];*
- *На складе загорелась лампочка. Появилась кладовщица т ёт я Зина. В руках она держала пухлую тетядь, заломленную карандашом [С. Довлатов. Виноград (1990)];*
- *Выбирался Яков из дома, свистел возле Капустиных и Башелуковых. Техничка т ёт я Варя топила печь. И уроки шли, как и раньше: по расписанию, с переменами [Б. Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996];*

- *Нас сфот ографировал дядя Пет я — мамин друг, у кот орого была машина* [А. Геласимов. Жанна (2001)];
- *Мы прошли чуть не всю деревню и вст рет или почт альона дядю Илюшу* [Ю. Коваль. Листобой (1972)];
- *Дворник дядя Захар на ночь запира л их на замок, ост авляя для прохода узкую, т ож е ж елезную, калит ку* [Р. Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»].

Очевидно, что в некоторых случаях значение данных антрополексем пришло из детской речи, поскольку именно дети обращаются к знакомым старшего возраста, используя слова *тет я* и *дядя* с именем собственным (часто в уменьшительно-ласкательном или кратком варианте).

Стоит отметить, что эта особенность фиксируется и в некоторых словарях. Например, в БТС в качестве второго значения для антрополексем *тет я* и *дядя* приводится:

- (обычно в сочет. с краткой формой собственного имени). *Разг.* Знакомая женщина старшая по возрасту. *Соседка т. Наст я. Уборщица т. Даша;*
- (обычно в сочет. с краткой формой собственного имени). *Разг.* Знакомый мужчина старший по возрасту. *Сосед д. Коля. Ст орож д. Саша* (Большой толковый словарь русского языка 2009).

Для того чтобы прояснить, какие все-таки значения антрополексем *тет я* и *дядя* существуют сейчас в современной разговорной речи, было проведено два эксперимента с обращением к ментальному лексикону носителей языка. Первый был нацелен на выяснение значения сочетаний с именем собственным и проходил в два этапа. На первом этапе 50 носителей языка (25 мужчин и 25 женщин) определяли, что данные сочетания означают в контекстах. При этом 95,4 % опрошенных ответили: ‘подруга или друг родителей’ — и только 4,6 %: ‘сестра или брат родителей’. На втором этапе другим 50 носителям языка (с такой же балансировкой по половому признаку) был задан вопрос «Как вы называете друга или подругу родителей?» 80 % респондентов ответили «*тет я/дядя* + имя», 13 % — по имени, 5 % — по имени и отчеству, 2 % — в зависимости от ситуации: или «*тет я/дядя*+ имя», или по имени и отчеству.

Во втором эксперименте, как и в случае с выяснением значения других антрополоксем, не зафиксированных в словарях, 100 респондентов (50 мужчин и 50 женщин) описывали то, как они и их окружение употребляют данные слова. Результаты показали, что в ментальном лексиконе говорящих существует три значения данных единиц:

- ‘сестра или брат родителей’ (80 %);
- ‘(с краткой формой имени собственного) подруга или друг родителей, знакомые с детства’ (75 %);
- ‘незнакомая женщина или мужчина, которые выглядят не очень презентабельно’ (23 %).

Хотелось бы обратить внимание на комментарии испытуемых к последним двум значениям.

Так, респонденты отмечали, что в тех случаях, когда антрополоксемы *тетя* и *дядя* употребляются с именем собственным для обозначения подруги или друга родителей, это говорит о том, что говорящий знает их с детства, т. е. форма обращения или наименования лица явно переходит из детской речи. Если же говорящий познакомился с друзьями родителей в более позднем возрасте (подростковом, юношеском или взрослом), то для называния или обращения будут использоваться или сочетание имени с отчеством, или только имя.

Что касается третьего значения, то результаты опроса показали, что носители языка называют *тетями* и *дядями* незнакомых людей, выглядящих не очень опрятно, старше своего возраста, в безвкусной одежде и т. п. Для более нейтрального наименования они, скорее, используют антрополоксем *женщина* и *мужчина*.

Таким образом, можно предположить, что в современной разговорной устной спонтанной речи параллельно существуют три значения антрополоксем *тетя* и *дядя*, которые необходимо зафиксировать в *Словаре русской повседневной разговорной речи*.

Кроме этого, в ОРД встретился интересный контекст употребления лексемы *тетя*, появившийся отчасти как следствие тенденции превалирования сочетания *тетя* с именем собственным — в составе устойчивого выражения *тетя Мотя* (см. следующий раздел работы).

3.3.5. Появление «новых» устойчивых сочетаний с единицами данной лексико-семантической группы

Наконец, необходимо рассмотреть сочетания разной степени устойчивости, зафиксированные с различными единицами исследуемой лексико-семантической группы.

3.3.5.1. Тетя Мотя

Об одной такой единице, имеющей явный идиоматический характер, уже упоминалось выше (см. также: *Богданова 2010e*). Речь идет о сочетании *тетя Мотя*, обнаруженном в следующем контексте:

- *и они вот задрали эту цену // а тетя Мотя тут / они сейчас критикуют / вон тут в подъезде / вон встал тут ром / вон президент сказал / что об музеи не повышали.*

В существующих словарях русского языка, включая самые современные, такая лексическая единица не зарегистрирована.

Для выяснения лексического значения данной идиомы был проведен эксперимент с обращением к *ментальному лексикону* носителей языка: соответствующий вопрос был разослан по электронной почте разным людям, по большей части филологам, в ответ были получены реакции такого рода (см. подробнее: *Богданова 2010e*):

- *Какая-то тетя (пренебр.);*
- *Простая тетя (пренебр.);*
- *Женщина старанного вида, может быть, незнакомя женщина старанного вида;*
- *Простая женщина из народа;*
- *Опростоватой, глуповатой женщине деревенского происхождения;*
- *Эвфемизм «глупой женщины», ироничное отношение к несообразительности и в какой-либо ситуации;*

- Мне кажется, что «**Мот я**» — неопределенный артикль к слову «**т ёт я**». То есть некая дама среднего/старшего среднего возраста (+ возможно, активная, дородная 😊);
- Это такая немолодая, недалекая женщина, у которой мало что хорошо получается, но она всех судит, считает себя умнее всех, имеет свой взгляд на вещи;
- **Тёт я Мот я** — обыватель;
- Электротехник-нижеступный;
- Недалекая непростая женщина в возрасте;
- **Тёт я Мот я** — образ собирательный. Наверняка есть какая-то любопытная история, которой объясняется появление этого шуточного названия. Я бы сказал, что употребляет фамильярно или шуточно от носительно социально активных деятельных женщин среднего и старшего возраста, но без осуждения. Предполагается, что функция **т ёт и Мот и** в обществе необходима. **Тёт я Мот я** всегда помогает заметить узкие места в семье или в обществе, но редко сама предлагает конструктивные способы устранения трудностей, тем более сама никогда не предпринимает усилий к устранению этих трудностей, поскольку не рискует. Она отличается изрядным любопытством, всюду суёт свой нос, но, обладая большим жизненным опытом, дает верные и объективные, часто нелицеприятные оценки. Образ **т ёт и Мот и** входит в более широкое представление о сердобольной тетеньке, которой замечает недостатки, но не отвечает за их исправление. Она часто досаждают, но в целом она «всегда права». Далее, **т ёт я Мот я** входит в круг бабушек, двоюродных сестер, братьев, племянников, крестных, разных дальних родственников и свойственников, с которыми приходится периодически встречаться и резонерство которых приходится хотя бы изредка выслушивать. Избежать этого никак нельзя, поскольку это предписывают неписанные законы обхождения с родней;
- **Тёт я Мот я** — прототип «гласа народа». В речи интеллигенции — человек из толпы;
- **Тёт я Мот я** — обыватель, представитель народа, собирательный образ типичного, обычного человека, на которого обрушивается, как правило, неожиданно самая разная информация. **Тёт я Мот я** может выразить самое реальное и откровенное отношение к полученной информации;
- В моем понимании «**т ёт я Мот я**» употребляет в отношении некоей колоритной персоны женского пола, скорее всего, не без еврейских корней, которой делает/говорит нечто не совсем ожидаемое, либо не входящее в привычное, неприятное говорящему/рассказывающему персонажу/субъекту, даже абсурдное с его точки зрения;

- *Тётя Мотя* — образ старый, всем известный, но сейчас подвергающийся переосмыслению (пост модернистскому). Традиционная *тётя Мотя* фольклорный персонаж, для которого характерно абсурдное поведение, обусловленное не только простодушием, но еще и откровенной глупостью, склонностью к демонстративному поведению;
- Немолодая женщина в немодной, безвкусной или неопрятной одежде, в нелепом головном уборе или с плохой прической;
- На мой взгляд, выражение «*тётя Мотя*» имеет одно из следующих значений: 1) любая взрослая женщина (скорее с шутивым или пренебрежительным оттенком); 2) некто, одна из группы людей (соседей, пассажиров, участниц чего-либо и т. д.), второстепенный персонаж, т. е. не участник происшествия, а скорее одна из свидетелей; 3) 1-е или 2-е + выделяется среди других за счет какого-либо внешнего фактора (манера поведения, одежда, социальный статус и т. д.);
- По поводу *тетя Моти*... я представляю ее так: очень простоватая женщина, необразованная, безвкусно одетая, недалекая, немолодая... Вот такая неприглядная картинка;
- Я считаю, что это нарицательное существительное для обозначения женщины, скорее, простой, обычной, возможно даже, заурядной. Срифмованное словосочетание собственное и нарицательного существительных хорошо запоминается, что типично для фольклора (например, «волк-зубами щёлк», «зайчик-побегайчик», у болгар — «кумчовълчо»);
- *Тётя Мотя* — тетя необразованная, неуклюжая, неловкая, недалекая, везде встречающаяся и попадающая впросак, но не злобная;
- Словосочетание мало употребляется. В последнее время оно неожиданно всплыло благодаря некоторым публичным личностям, но в основном, по-видимому, из-за фонетических, а не смысловых ассоциаций;
- обобщенный народный образ, примерно равно «Клава» для другого временного отрезка + матерщина.

Видно, что *тётя Мотя* так или иначе знакома практически всем носителям русского языка, все имеют о ней какое-то представление, в том числе не только о ее характере, но и о внешности. Н. В. Богданова, используя данные эксперимента, суммировала это знание и предложила своего рода словесный портрет *тетя Моти*.

Возраст: взрослая, немолодая, среднего / старшего среднего / старшего возраста, с большим жизненным опытом.

Внешний вид. дородная, колоритная, неуклюжая, неловкая, ст раннего вида, неопрятная, в немодной и безвкусной одежде, в нелепом головном уборе, с плохой прической.

Характер и особенность личности и поведения. простоватая, простодушная, глуповатая, глупая, несообразительная, недалекая, недотёпа, не злобная, активная, любопытная, демонстративное или абсурдное поведение, всюду суёт свой нос, во все встречается, попадает впросак, всех судит, считает себя умнее всех, имеет свой взгляд на вещи, но конструктивного решения проблем не предлагает.

Социальный статус: простая, необразованная, деревенского происхождения, из народа, из толпы, обыватель, электротехнический работник, типичный, обычный человек, собирательный образ, обобщенный народный образ (см.: Богданова 2010е).

Такой — обобщенный, собирательный — образ *тетя Мотя*, существующий в языковом сознании носителей русского языка, во многом подтверждают как тексты из Интернета, так и произведения художественной литературы.

Однако Национальный корпус русского языка предлагает и большое количество контекстов, в которых *тетя Мотя* обозначает конкретную женщину, например:

- *На сундуке у тети Моты Василий кот решил уснуть* [Е. Чеповецкий. Непоседа, Мякиш и Нетак (1989)];
- *Желтые куртки они придумали сами, а сшила их тетя Мотя — соседка Кадика* [Э. Лимонов. Подросток Савенко (1982)];
- *Тетя Мотя жила на первом этаже, а ее соседи по квартире, портной Иосиф с женой и детьми, чьи окна выходили на задний двор, жили в полуподвале* [В. Сидур. Памятник современному состоянию (1973/1974)];
- *Давно уже состоялась Пуфла с соседкой тетей Мотей в ссоре из-за куриных яиц, кот орые нанесла Пуфлина Рябка в Мотинном малиннике* [Л. М. Леонов. Барсуки (1924)];
- *Бабушек и дедушек рядом не было и мои родители на протяжении нескольких лет до детского сада вынуждены были нанимать для меня*

няньку. Нянек было несколько и помню я их только по рассказам матери. Но одну — тетю Мотю помню и часто вспоминаю. Память моя не сохранила ее лица, я могу ошибиться с ее возрастом, но лет, как я полагаю, было ей тогда около или чуть больше пятидесяти, была она не худая, а скорее полноватая, носила какие-то серые мешкообразные платья и такое же черного или темно серого цвета пальто. Была она добра ко мне, говорлива и по-доброму ворчлива [А. Шуваевский. Тетя Мотя].

Все это говорит о том, что обобщенный образ рождался постепенно, впитывая в себя черты характера и внешности конкретных женщин и заимствуя их, в том числе, и у обладательницы полного имени — *Матрены* или *матрешки*, заключающей в себе идею собирательности (Богданова 2010е: 57).

Интересно, что в современной разговорной речи существует довольно большое количество аналогичных идиоматических выражений, таких как, например, *тетя Клава*, *тетя Маша*, *тетя Соня*, *дядя Петя*, *дядя Вадя* и *дядя Вася* (см. подробнее Богданова 2010 е, ж). Появление такого рода выражений лишний раз говорит о влиянии тенденции употребления антропонимов *тетя* и *дядя* с именем собственным, а также подтверждает необходимость их фиксации в словарях.

3.3.5.2. Молодой человек

Еще одним устойчивым выражением, выявленным в ходе анализа расшифровок ОРД, стало сочетание *молодой человек*. Если говорить об уровне его устойчивости или идиоматичности, то кажется правомерным охарактеризовать это выражение как фразему, т. е. устойчивое сочетание слов, постоянное по своему значению, составу и структуре, и использующееся в речи в качестве самостоятельной лексической единицы (Розенталь 1976).

Несмотря на то что эта фразема активно используется в современной разговорной речи (по данным НКРЯ — 12 243 вхождений, по данным ОРД — 6 контекстов), она не зафиксирована практически ни в одном словаре. Лишь «Словарь русских синонимов» отмечает, что *молодой человек* является

синонимом для антрополоксем *мужчина* и *юноша* (*Словарь русских синонимов* 1999).

Отчасти сходство значений этих лексических единиц подтверждается и контекстами ОРД и из НКРЯ, например:

- *Действующие лица: Рассказчик — молодой человек тридцат и сорока лет. Рассказчик стоит вне «ринга», потом подходит к нему и после небольшой паузы шагает внутрь* [Е. Гришковец. *Одновременно* (2004)];
- *Рядом раздеваются двое, это молодой человек и девушка с угловатыми движениями* [Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06];
- *Но тут, откуда-то из первых рядов выскочил молодой человек в очках, с длинными кудрями, брюнет и красавец* [Запись LiveJournal (2004)].

Однако в этих же источниках данная фраза встречается и в несколько другом значении — в качестве обращения к лицу мужского пола, при этом не обязательно, что реальный возраст того, к кому обращаются, соответствует определению *молодой*.

- *молодой человек / вы () либо ложитесь / *П либо выходите отсюда;*
- *Он от вас ил. Не надо понимать так буквально, вы же умный молодой человек, должны кое-что понимать...* [И. Э. Кио. *Иллюзии без иллюзий* (1995/1999)];
- — *Молодой человек, молодой человек, — сказал он, — как же вы мало знаете жизнь, а ещё спорите с нами, стариками* [Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 1* (1978)].

Для того чтобы уточнить, какое же значение имеет сочетание *молодой человек* в нашей речи, был проведен опрос носителей языка (100 респондентов, 50 мужчин и 50 женщин). Результаты исследования выявили одновременное существование трех значений данной фраземы:

- ‘какой-то незнакомый молодой мужчина, парень’ (60 %);
- ‘обращение к незнакомому мужчине независимо от возраста’ (45 %);
- ‘жених, сексуальный партнер’ (60 %).

При этом никаких различий в употреблении в зависимости от пола говорящего выявлено не было.

Интернет-ресурсы также подтверждают существование этих трех значений, ср.:

- *Здравствуйте, проблема такая: я категорически не нравлюсь родителям своего **молодого человека**. Уже 3 года встречаемся, из них 1.5 только от его родителей. Я даже позвонить при них ему не могу. Ему 25, он живет с ними и не собирается съезжать (он живет в Москве, я в СПб). Расстояние – не проблема и чувства действительно искренние. Родители не говорят, чем именно я им не нравлюсь. При этом ВСЕМ друзьям своего **молодого человека** я очень нравлюсь и их родителям тоже (нет симптомов этикетных от ношения)* [значение (3)] (Консультация психолога он-лайн 2012);
- *Мой молодой человек вообразил себя звездой русского репа смоки-мо и постоянно мне врёт, самое поразительное, что он верит в то, что говорит* [значение (3)] (Психологический форум 2012);
- *Они очень красивая пара, и я была за них рада. Им не хватало только свадьбы и ребенка. Он очень об этом мечтал... И тут недавно я узнаю, что мама предложила своему **молодому человеку** расстаться...* [значение (3)] (Консультация психолога он-лайн 2012);
- *Предположим, герой — **молодой человек**, холостой кавалер, должен ехать в провинцию, дней так на десять, делать дела* [значение (1)] (Щербаков 2012);
- *Вопрос Моментального Миллионера застал **молодого человека** врасплох* [значение (1)] (Фишер 2012);
- *Добрый день! Я Алексей. Веселый, энергичный **молодой человек**, ответственный и ответственный) Хочу летом работать в лагере либо под Питером, либо на юге* [значение (1)] (Сайт знакомств 2012);
- ***Молодой человек**, у вас есть 24 часа, чтобы извиниться. Вы можете сделать это здесь в ветке или отдельным постом...* [значение (2)] (Grag-hoppers 2012).

Принимая во внимание то, насколько часто употребляются указанные выше фразеологические выражения в современной речи, а также то, что они без каких-то затруднений опознаются носителями языка, т. е. известны всем, представляется целесообразным включить их в состав словарика *Словаря русской повседневной разговорной речи* и снабдить отдельной словарной статьей.

3.4. Структура словарной статьи

Прежде чем приступить к рассмотрению словарной статьи в *Словаре русской повседневной разговорной речи*, необходимо вкратце повторить основные подходы и принципы его создания.

Ключевыми в организации такого словаря являются *принцип дифференциальности* и *корпусный подход*, которые и определяют состав словника: в словарь войдут только те речевые употребления антрополексем, которые обнаружались в блоке ОРД Звукового корпуса русского языка. При этом был выбран путь лексикографического описания *отдельных лексико-семантических групп*, поскольку именно в этом случае внимание сосредотачивается на речевых (в отличие от неречевых и условно-речевых) функциональных единицах повседневной спонтанной речи. Однако, осознавая относительно небольшой корпус контекстов, а также определенный региональный фактор, выяснение значений антрополексем, вошедших в словник, было решено проводить при помощи обращения к ментальному лексикону широкого круга носителей языка. Таким образом, в словаре найдут отражение как значения, зафиксированные в контекстах ОРД, так и значения, существующие в ментальном лексиконе носителей языка.

Планируется, что *Словарь русской повседневной разговорной речи* будет представлен в двух вариантах: бумажном и электронном, с возможностью прослушать любой звуковой фрагмент, включающий исследуемую единицу.

Следует также отметить, что в связи со спецификой материала, словарная статья будет представлять собой своеобразное *лингвистическое эссе*, задача которого представить особенности того или иного речевого употребления антрополексемы в повседневной речи, а также восприятия его носителями языками через обращение к их ментальному лексикону. Структура словарной статьи создавалась на основе полученных в ходе контекстного анализа результатов. Поскольку разные единицы требовали

обращения к разным аспектам анализа (где-то было необходимо обращение к этимологии, где-то к фольклору и художественным текстам), лингвистические эссе будут отличаться по своему наполнению, однако некоторые общие зоны такой словарной статьи были выделены. Зоны выделялись эмпирическим путем: от практических результатов — к теоретическому обобщению.

Итак, лингвистическое эссе для каждой из единиц словника имеет вид последовательности зон, в каждой из которых содержится определенная информация. Принцип обозначения зон позаимствован из «Толкового словаря русской разговорной речи» Л. П. Крысина, поскольку принятая в нем система технически существенно облегчает процесс перевода информации из бумажного вида в электронный:

DEF: толкование;

MORPH: морфологические сведения;

PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом;

SYN: синонимы в разговорной речи;

PRAGM: особенности употребления данного слова;

ILL: иллюстративные примеры;

VOC: данные о фиксации значения в толковых словарях;

INTR: интроспекции участников опроса, дополнительные сведения.

Вход, а также зоны DEF и ILL обязательны и есть в любой статье, остальные же носят факультативный характер и заполняются при наличии соответствующей информации.

Рассмотрим подробнее каждую из зон, а также использованные в них пометы.

Вход в словарную статью не имеет отдельной метки. Заглавное слово набирается прописными буквами, полужирным шрифтом, обязательно имеет знак ударения. В случае если в повседневной речи существуют варианты произношения или написания слова, то они указываются через косую черту

(/). В электронной версии, при нажатии на значок , появляется меню, позволяющее прослушать звуковой фрагмент.

- **DEF**

Зона DEF представляет значение лексемы. При этом если слово многозначное, то статья будет состоять из нескольких частей, для каждой из которых приводятся свои зоны (ILL, SYN, PRAGM и т. д.). Поскольку при составлении словаря выделялись как значения слов, фигурирующие в ОРД, так и значения, выделенные в ходе психолингвистических экспериментов, была разработана специальная система помет. Так, значения в ОРД перед толкованием имеют помету *ORD*, а значения, выделенные в ходе опроса носителей языка, — *ML*. Для многозначного слова первым указывается значение по ОРД, а затем, в порядке убывания частотности, — значения в ментальном лексиконе. В случае если в ходе исследования было выявлено, что значение лексемы полностью совпадает с указанным в МАС и при этом нет никаких особенностей употребления, новых фразеологизмов, коннотаций и пр., то напротив заголовочного слова стоит знак (=) и стоит помета МАС, а также указывается номер значения и самое значение. Если же при совпадении значений появляются какие-то новые нюансы, нуждающиеся в фиксации, то значение вносится с пометой *МАС*.

- **MORPH**

В зоне MORPH фиксируются грамматические особенности той или иной единицы в речи.

- **PHRAS**

В зоне PHRAS фиксируются фразеологические выражения, включающие в себя рассматриваемую лексику, которые нашли отражение в контекстах ОРД. Объяснения фразеологизма здесь не приводятся, поскольку для каждого из них приведена отдельная словарная статья.

- **SYN**

В зоне SYN представлены синонимы, встречающиеся в контекстах ОРД, в том случае если их синонимичное значение характерно только для

разговорной речи. Так, например, в статье для выражения *молодой человек* при рассмотрении значения ‘жених, сексуальный партнер’ в качестве синонима предлагается лексема *парень*, но для значения ‘молодой мужчина’ она не обозначена, поскольку это значение характерно не только для разговорной речи, но и для языка как такового.

- **PRAGM**

Зона PRAGM представляет отдельный интерес, поскольку именно в ней отмечаются самые разнообразные особенности употребления лексем в речи. Во-первых, именно в этой зоне отмечается характерность той или иной лексемы для мужской, женской, детской речи (пометы *муж ., ж ен., дет .* соответственно). Во-вторых, здесь приводятся коннотативные различия в употреблении, особые случаи сочетаемости лексем и пр.

- **ILL**

Зона ILL является иллюстративным материалом, т. е. в ней показаны контексты употребления рассматриваемой семантемы в речи. При этом если рассматриваемое значение зафиксировано в ОРД, то в этой зоне приводится контекст из ОРД (электронная версия дает возможность прослушать звучание при нажатии на значок). Если же оно выявлено в результате обращения к ментальному лексикону носителей языка, то пример берется из Интернет-ресурсов, при этом предпочтение отдается блогам, форумам, чатам и пр., поскольку они являются наиболее достоверным отражением разговорной речи, или из ответов респондентов.

- **VOC**

Зона VOC будет особенно интересна лексикографам, так как она является историей фиксации в словарях того или иного значения лексемы. Несмотря на то что, в основном, в состав словника попали слова и значения, не нашедшие отражения в Малом академическом словаре, часть значений встречается в более поздних лексикографических источниках. Разумеется, представить все словари невозможно, поэтому был выделен определенный список, в который попали некоторые толковые словари, словари разговорной

речи, а также словари, представляющие различные жаргоны. Итак, в этой зоне можно проследить, встречалось ли такое значение в следующих источниках:

- «Большой толковый словарь» под редакцией С. А. Кузнецова (помета — БТС);
- «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (помета — ТСУ);
- «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (помета — СОШ);
- «Словарь современного русского города» под ред. Б. И. Осипова (помета — ССРГ);
- «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика (помета — БСРРЭР);
- «Словарь русского арго» под ред. В. С. Елистратова (помета — СРА);
- «Словарь воровского жаргона» (помета — СВЖ);
- «Словарь молодежного сленга» под ред. Т. Г. Никитиной (помета — СМС);
- «Псковский областной словарь» (помета — ПОС);
- «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (помета — ДАЛЬ).
- **INTR**

Наконец, последняя зона INTR, в которой можно найти интроспекции носителей языка о значении рассматриваемых лексем, в полном виде доступна только в электронном виде, поскольку очень объемна. В электронной версии словаря в этой зоне представлены кроме интроспекций также дополнительные интересные материалы экстралингвистического характера, например, рисунки, фотографии, портреты, а также этимология слова и другие данные, полученные в ходе исследований.

Что касается шрифтов, которые используются в лингвистических эссе, то, за исключением помет, которые представлены в соответствующих зонах,

для толкования используется обычный шрифт, а для примеров и интроспекций — курсив, при этом рассматриваемая лексема дополнительно выделена полужирным шрифтом.

Отдельных помет, касающихся стилистики, в *Словаре русской повседневной разговорной речи* не предусмотрено, так как они были бы в большинстве случаев слишком субъективными. Однако зона PRAGM, в которой приводятся комментарии относительно самых разнообразных нюансов употребления лексемы, отчасти берет на себя функцию разъяснения стилистических особенностей ее употребления.

Предложенная структура является рабочим вариантом, принятым для создания словарных статей для антрополексем, входящих в исследуемую группу. Вполне вероятно, что при анализе других лексических единиц или слов других частей речи появится необходимость добавления каких-то новых зон и/или помет. Наличие электронной версии позволит в этом случае оперативно обновить статьи, созданные ранее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью работы был анализ употреблений различных лексических единиц современной повседневной разговорной речи, а также рассмотрение возможных путей и принципов лексикографического описания их функционирования, что позволило определить специфику *речевой лексикографии*. Это направление лингвистических исследований занимается описанием современной повседневной разговорной речи и представляет результаты такого описания в произведениях словарного или справочного типа.

Основная задача речевой лексикографии — отражение тех значений единицы, которые зафиксированы в конкретном ее употреблении носителем языка, что связано с заимствованным из теории прагматики представлением о значении слова как о его функции в конкретном высказывании.

Таким образом, в словарях, создаваемых в рамках речевой лексикографии, словники составляют конкретные *употребления* как речевых, так и условно-речевых единиц спонтанной речи.

Необходимо также отметить, что основой всех исследований в рамках этого направления должен быть принцип дифференциальности, т. е. лексикографическому описанию подвергаются только те единицы, употребление которых в речи хоть чем-то отличается от данных языка.

Развитие речевой лексикографии неразрывно связано с *корпусным* подходом к анализу материала, поэтому для создания *Словаря русской повседневной разговорной речи* было решено обратиться к проекту «Один речевой день» в рамках Звукового корпуса русского языка, как к источнику, содержащему городскую разговорную диалогическую и полилогическую устную спонтанную речь, характеризующуюся максимальной степенью естественности.

Корпусный подход предполагает несколько путей работы с материалом. Среди них, например, — лексикографическое описание единиц, отобранных методом сплошной выборки, охватывающее все классы

единиц спонтанной речи и за счет этого делающее невозможным структурный подход к описанию, так как представленные типы явлений обладают своими индивидуальными особенностями. Вторым путем становится обращение к наиболее частотным единицам словника ОРД, сводящееся к описанию функционирования дискурсивных единиц (хезитационных конструкций, вербальных хезитативов) и служебных слов и открывающий возможности для создания *Словаря вербальных хезитативов*. Наконец, последним, выбранным для составления *Словаря русской повседневной разговорной речи*, является последовательное описание отдельных лексико-семантических групп. Именно этот путь затрагивает лексические или, по другой классификации, речевые (в отличие от неречевых и условно-речевых) единицы спонтанной речи и позволяет обратить внимание на семантику слова в употреблении и проследить семантические, коннотативные и стилистические изменения в употреблении тех или иных слов.

Для апробации последнего пути была выбрана группа лексики, обозначающая лица мужского или женского пола. Эти слова, как уже отмечалось выше, справедливо считают наиболее древним пластом лексики любого языка, они обозначают базовые концепты любой культуры (см.: *Ефремов 2010а: 19*). В связи с тем, что полный список слов с обозначением лиц мужского и женского пола (антрополоксем) в русском языке слишком велик, показалось целесообразным ограничиться словами с самым общим значением:

- 1) общие наименования (*женщина, баба, тётя, мужчина, мужик, дядя*);
- 2) возрастные наименования (*девочка, бабушка, юноша, старик*);
- 3) наименования с учетом семейного статуса (*женщина — девушка, девка; мужчина — парень*).

Результаты анализа материала (всего 41 единица) с данными значениями показали, что выделяются определенные тенденции изменения функционирования лексем в речи по сравнению с их «поведением» в языке:

- 1) наличие в речи у некоторых слов коннотаций, ранее незафиксированных в словарях;
- 2) наличие в речи значений слов, ранее не зафиксированных в словарях;
- 3) наличие в речи лексических единиц, не зафиксированных в словарях;
- 4) наличие в речи особых случаев сочетаемости лексем;
- 5) наличие в речи фразеологизмов с единицами данной лексико-семантической группы, ранее не зафиксированных в словарях.

Серия из 18 психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка, т. е. к их наивному представлению о значении слова, о возможностях его употребления, стилистике и различных коннотациях, подтвердила и дополнила результаты контрастивного анализа, позволив, тем самым, разработать структуру словарной статьи, представляющей собой объемное лингвистическое эссе и состоящей из следующих зон:

- DEF: толкование;
- MORPH: морфологические сведения;
- PHRAS: фразеологизм(ы) с данным словом;
- SYN: синонимы в разговорной речи;
- PRAGM: особенности употребления данного слова;
- ILL: иллюстративные примеры;
- VOC: данные о фиксации значения в толковых словарях;
- INTR: интроспекции участников опроса, дополнительные сведения.

Предложенная структура позволит в дальнейшем создать лингвистические эссе для всех единиц словника *Словаря русской устной*

повседневной разговорной речи. Сам же Словарь является частью создаваемой в настоящее время информационно-исследовательской системы «Язык мегаполиса» Реализация предлагаемого проекта имеет важное значение для решения как фундаментальной научно-исследовательской задачи лексикографического описания современного русского языка повседневного общения, так и актуальных прикладных задач в области речевых технологий, телекоммуникации, психологии, образования и лингвистического мониторинга современного российского общества.

Потенциальные пользователи данной информационно-исследовательской системы - русисты всех специализаций, коллоквиалисты, специалисты в области речевой коммуникации, журналисты, психолингвисты, социолингвисты, специалисты в области речевых технологий и лингвистической экспертизы, преподаватели русского языка для русских и иностранных учащихся, студенты-филологи, а также широкий круг лиц, интересующихся современным состоянием живой русской речи в реальных коммуникативных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАС	— Большой академический словарь.
БСРРЭР	— Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (В. В. Химика).
БТС	— Большой толковый словарь (под ред. С. А. Кузнецова).
ДАЛЬ	— Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (в словарной статье)
ЗКРЯ	— Звуковой корпус русского языка.
КЛЯ	— кодифицированный литературный язык.
КУТ	— Корпус устных текстов Национального корпуса русского языка.
МАС	— Малый академический словарь (под ред. А. П. Евгеньевой) и лексикографическая помета, маркирует значение слова по Малому академическому словарю.
МЛ	— ментальный лексикон.
НКРЯ	— Национальный корпус русского языка.
ОП	— основной подкорпус Национального корпуса русского языка.
ОРД	— Один речевой день.
ПОС	— Псковский областной словарь.
РЛ	— речевая лексикография.
РР	— разговорная речь.
САТ	— сбалансированная аннотированная текстотека.
СВЖ	— Словарь воровского жаргона.
СОШ	— Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой.
СМС	— Словарь молодежного сленга.
СР	— спонтанная речь.
СРА	— Словарь русского арго (под ред. В. С. Елистратова).
ССР	— Словарь современного русского города (под ред. Б. И. Осипова).
ТСУ	— Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова).
УР	— устная речь.
ХК	— хезитационная конструкция.
DEF	— толкование слова (в словарной статье).

- ILL — иллюстративные примеры (в словарной статье).
- ML — лексикографическая помета, маркирует значение слова, выявленное в ходе психолингвистического эксперимента с обращением к ментальному лексикону говорящих.
- MORPH — морфологические сведения о слове (в словарной статье).
- ORD — лексикографическая помета, маркирует значение слова по ОРД.
- PHRAS — фразеологизм(ы) с данным словом (в словарной статье).
- PRAGM — особенности употребления данного слова (в словарной статье).
- SYN — синонимы к данному слову в разговорной речи (в словарной статье).
- VOC — данные о фиксации значения в толковых словарях (в словарной статье).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. — СПб.: Наука, 1994. — 157 с.
2. *Алешина Л. В.* К вопросу об экспериментальной лексикографии // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография. Материалы Всерос. науч. конф. — Ярославль: ЯГПУ, 2001.
3. *Андросова (Осьмак) Н. А., Чен Ч. В.* О возможностях лексикографического описания русской спонтанной речи // Современные коммуникации: Язык. Человек. Общество. Культура: Сборник статей. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2010. С. 231-236.
4. *Антошницева М. А.* Проблемы лексикографического представления замкнутой лексико-семантической группы (на материале лексики родства) // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — СПб., 2007. — С. 210-225.
5. *Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. — С. 37-67.
6. *Апресян Ю. Д.* Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). — С. 10-29.
7. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. — М.: Языки славянских культур, 2009. — 568 с.
8. *Арутюнова Н. Д.* Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). — М.: Изд-во РАН; Отделение литературы и языка, 1995. — С. 34-46.
9. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
10. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Яценковой. — М.: Советская энциклопедия, 2000. — С. 137.
11. *Ахадов Ш. А.* Полилог как сложная форма организации диалога // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание». Вып. 1/2006. Ивановский государственный университет, 2006. — С. 57-63.
12. *Бабаев И. А.* Из истории нормативной лексикографии в России // III Международная конференция «Культура русской речи». «Русский язык в культурно-историческом измерении». Посвящается

- 200-летию Я. К. Грота. Тезисы докладов. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 23-27.
13. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенциональности. — М., ИВАН СССР, 1988. — С. 45-69.
 14. *Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // *М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества.* — М.: Искусство, 1979.
 15. *Белошапкина В. А.* Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. — М.: Московский университет, 1970. — С. 13–29.
 16. *Бельчиков Ю. А.* Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. *В. Н. Ярцевой.* — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 402.
 17. *Березович Е. Л.* Язык и народная культура: этнолингвистические исследования. — М.: Индрик, 2007. — 600 с.
 18. *Бернштейн С. И.* Словарь фонетических терминов / Под ред. *А. А. Леонтьева.* — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. — 176 с.
 19. *Блумфильд Л.* Язык // *В. А. Звегинцев.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. 3-е изд. — М.: Просвещение, 1965. — С. 181-208.
 20. *Богданова Н. В.* Устная литературная речь как объект лингвистического исследования // Материалы XXVI межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Фонетика. Грамматика. Стилистика русской публичной и художественной речи. Вып. 5. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1997. — С. 35–39.
 21. *Богданова Н. В.* Живые фонетические процессы русской речи: пособие по спецкурсу. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. — 186 с.
 22. *Богданова Н. В.* Типология спонтанных монологов в устной и письменной формах речи // Фонетические чтения. К 100-летию Л. Р. Зиндера. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — С. 214-217.
 23. *Богданова Н. В.* К единице описания синтаксической структуры устного спонтанного монолога: проблемы, методика, гипотезы // ...СЛОВО ОТЗОВЁТСЯ: памяти Аллы Соломоновны Штерн и Леонида Вольковича Сахарного. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. — С. 288-293.

24. *Богданова Н. В.* Полевая лингвистика и проблема учебного текста // Материалы XXXVI международной филологической конференции. Секция «Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы», 12-16 марта 2007 года. / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — С. 21-30.
25. *Богданова Н. В.* Звуковой корпус русского языка как материал для новых лексикографических проектов // Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11-13 ноября 2009 года. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010а. — С. 459-465.
26. *Богданова Н. В.* О корпусе текстов живой речи: новые поступления и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 9 (16). По материалам международной конференции «Диалог» (2010) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2010б. — С. 35-40.
27. *Богданова Н. В.* Уровень речевой компетенции как реальная социальная характеристика говорящего, определяющая его речь // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Выпуск 22. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 16-20 марта 2009 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010в. — С. 29-40.
28. *Богданова Н. В.* Частотный словник ОРД — взгляд с «высоты птичьего полета» // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. Выпуск 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010г. — С. 3-13.
29. *Богданова Н. В.* Слово в словаре и ментальном лексиконе носителя языка // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов. Часть 4 / Отв. ред. *Г. В. Судаков*. — Вологда: ВГПУ, 2010д. — С. 7-13.
30. *Богданова Н. В.* Кто Вы, *тетя Мотя*? // Мир русского слова, 2010, № 4. — СПб.: Издательский дом «МИРС», 2010е. — С. 53-62.
31. *Богданова Н. В.* *Тети Моти, дяди Вади* и проблемы перевода и преподавания русского языка // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII. HUMANIORA: LINGUA RUSSICA.

- Развитие и вариативность языка в современном мире. — Тарту, Изд-во Тартуского университета, 2010ж. — С. 9-26.
32. *Богданова Н. В.* Об одном типе хезитационной вставки в русской устной спонтанной речи // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой международной конференции (Владимир, 22-24 сентября 2011 года). — Владимир: ВГУ, 2011а. — С. 50-56.
33. *Богданова Н. В.* Конструкция *(я) думаю (что)* в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Материалы научной конференции «Пермская социопсихолингвистическая школа: Идеи трех поколений». К 70-летию со дня рождения Аллы Соломоновны Штерн. Пермь, 1 февраля 2011 г. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2011б. — С. 266-275.
34. *Богданова Н. В.* Действительно ли наша устная речь экономна в средствах? // Язык и речевая деятельность. 2010-2011. Том 10-11. В честь Н. Д. Светозаровой. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011в. — С. 33-44.
35. *Богданова Н. В.* Русское слово в трех режимах фиксации — словарь, ментальный лексикон и реальное употребление (лексикографический и лингвометодический аспекты) // XII Конгресс Международной Ассоциации Преподавателей Русского Языка и Литературы «Русский язык и литература во времени и пространстве» / Под ред. Л. А. Вербицкой, Л. Лю, Е. Е. Юркова. Т. 1. — Шанхай, 2011г. — С. 419-425.
36. *Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Выпуск 11 (18) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. — М.: РГГУ, 2012а. — С. 71-83.
37. *Богданова Н. В.* Про не это самое (материалы к словарю дискурсивных единиц русской речи) // Слово. Словарь. Словесность: Литературный язык вчера и сегодня (к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова). Материалы ежегодной Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 16-17 ноября 2011 года / Отв. ред. В.Д. Черняк. — СПб., САГА, 2012б. — 276 с. С. 77-82.
38. *Богданова-Бегларян Н. В.* Словарная идиоматика в реальной звучащей речи // Материалы Международной научной конференции «Слово. Текст. Время — XII. Фразеология в идиолекте и системе славянских языков. К 200-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко». г. Щецин,

Институт славянской филологии, 14-15 ноября 2013 года. — Щецин, 2013 (в печати).

39. *Богданова Н. В., Бродт И. С., Куканова В. В., Павлова О. В., Сапунова Е. М., Филиппова Н. С.* О «корпусе» живой речи: принципы формирования и возможности описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 7 (14). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2008) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2008. — С. 57-61.
40. *Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус как основа для лингвистических исследований и преподавания русского языка // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8-10 сентября 2010 г. К 55-летию преподавания русского языка в Испании. Том II. Доклады и сообщения / *R. G. Tirado, L. Sokolova, I. Votyakova* (eds.). — Granada, 2010a. — С. 1499-1502.
41. *Богданова Н. В., Асиновский А. С., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А. В., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 9 (16). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2010) / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2010б. — С. 41-46.
42. *Богданова Н. В., Осмак Н. А.* О некоторых лексических «открытиях» на материале русской спонтанной речи (корпусное исследование) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25-29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / Отв.ред. *А. Е. Кибрик*. М., РГГУ, 2011. С. 110-123.
43. *Богданова Н. В., Степанова С. Б., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новый подход к исследованию речи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2011». 27-29 июня 2011 г., Санкт-Петербург. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 98-103.
44. *Богданова-Бегларян Н. В.* Хезитационные конструкции русской спонтанной речи как один из типов речевых автоматизмов: опыт лексикографического описания // Всемирный Виртуальный Конгресс по русистике и культуре «Планета “Русский язык” в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве». Болонский университет — Италия, МЭСИ — Россия, Мидлбери колледж — США, Университет Сан-Мёнг — Южная Корея, Национальный университет Аль-Фараби — Казахстан. — Форли, Италия, 2012а. — С. 74-78.

45. *Богданова-Бегларян Н. В.* Конструкция (...) скажем (...) в повседневной русской речи (материалы к словарю дискурсивных единиц) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2, 2012б. — С. 153-157.
46. *Бондарко Л. В.* Темп речи // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. *Ф. П. Филин*. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — С. 349.
47. *Бондарко Л. В.* Фонетика современного русского языка. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. — 276 с.
48. *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В.* Основы общей фонетики: учебное пособие. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. — 152 с.
49. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2001. — 408 с.
50. *Бродт И. С.* Спонтанный монолог в лингвистическом и социолингвистическом аспектах (на материале текстов разного типа) Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2007 (машинопись). — 289 с.
51. *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. — М.: Просвещение, 1965. — 486 с.
52. *Вальденфейс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1: Общество и сферы смысла. — М.: Прогресс, 1991. — С. 39-50.
53. *Ваулина Е. Ю.* Принципы описания омонимии в «Нормативном толковом словаре живого русского языка» // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности / Под ред. *Г. Н. Складневской*. — СПб., 2007. — С. 42-63.
54. *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 256 с.
55. *Винокур Т. Г.* Устная речь и стилистические свойства высказывания // Разновидности городской устной речи. Сборник научных трудов / Ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская*. — М.: Наука, 1988. — С. 44-84.
56. *Вязовик Т. П.* Конструкции с местоимениями, включающими частицу «вот» в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1981. — 37 с.
57. *Гаранович М. В.* Эмоциональность речевого поведения в наивном представлении носителей языка // Проблемы социо- и психолингвистики. Выпуск 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн.

- Сб. статей / Отв. ред. *Е. В. Ерофеева*. — Пермь, Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. — С. 308-317.
58. *Герд А. С.* Современная русская речь на севере СССР и перспективы ее изучения // Литературный язык и народная речь. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 1984. — С. 3-10.
59. *Герд А. С.* Русский литературный язык и русская разговорная речь в городах Заполярья // Литературный язык и народная речь. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 1986. — С. 3-11.
60. *Герд А. С.* Новый академический словарь — исходные позиции и ориентиры // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка / Под ред. *Г. Н. Складневской*. — Л., 1990. — С. 29-30.
61. *Горбова Е. В., Слепокурова Н. А., Комовкина Е. П., Макарова А. Б., Малов Е. М., Риехакайнен Е. И.* Современная русская спонтанная телевизионная речь: некоторые итоги исследования // Современная русская речь: состояние и функционирование. Выпуск 3. Сборник аналитических материалов / Под ред. *О. И. Глазуновой, Л. В. Московкина, Е. Е. Юркова*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. — С. 5-82.
62. *Гришина Е. А.* О маркерах разговорной речи (Предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка, www.ruscorpora.ru) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». Выпуск 22 / Гл. ред. *А. Е. Кибрик*. — М.: РГГУ, 2007. — С. 147-156.
63. *Гришина Е. А.* Частица *вот*: варианты, используемые в непринужденной речи // Инструментарий русистики: корпусные подходы (*Slavica Helsingensia* 34). — Хельсинки, 2008. — С. 63-91.
64. *Гришина Е. А., Савчук С. О.* Корпус устных текстов в Национальном корпусе русского языка: состав и структура // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы. — СПб., 2009. — С. 129-148.
65. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (Извлечения) // Психолингвистика в очерках и извлечениях. — М.: Прогресс, 1984. — С. 68-93.
66. *Дараган Ю. В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Международного семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. — Протвино: РГГУ, 2000. — С. 67-73.

67. Дараган Ю. В. *Риторическая структура текста и маркеры порождения речи* // Труды Международного семинара Диалог 2002. Том 1. Теоретические проблемы. — Протвино: РГГУ, 2002. [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7309>
68. Дараган Ю. В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Труды Международного семинара Диалог 2003 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Том 1. Теоретические проблемы. — Протвино: РГГУ, 2003. — С. 166-178.
69. Девкин В. Д. *Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика.* — М.: Международные отношения, 1979. — 256 с.
70. *Дискурсивные слова русского языка. Опыт контекстно-семантического описания* // Под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. — М.: Метатекст, 1998. — 448 с.
71. *Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. Сборник статей / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара.* — М.: Азбуковник, 2003. — 206 с.
72. Долинин К. А. *Стилистика французского языка.* — М.: Просвещение, 1987. — 303 с.
73. Досимова М. С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина» (на материале русского и казахского языков). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2008. — 23 с.
74. Дубичинский В. В. *Лексикография русского языка.* — М.: Наука: Флинта, 2008. — 432 с.
75. Дуличенко Л. В. Антрополоксемы с негативным значением и их лексикографическое описание. Дис. ... канд. филол. наук. — Тарту, 2000 (машинопись). — 187 с.
76. Дьячок М. Т., Шаповал В. В. *Русские арготические этимологии* // *Русская лексика в историческом развитии.* — Новосибирск: ИИФФ СОАН СССР, 1988. — С. 52-60.
77. Ельмслев Л. *Пролегомены к теории языка* // *Новое в лингвистике.* Вып. 1. — М., Изд-во иностр. лит-ры, 1960. — С. 264-389.
78. Ерофеева Е. В. *Вероятностные структуры идиомов.* — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. — 320 с.
79. Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. А. *Структура семантического поля «человек» в сознании носителей русского языка* // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* Вып. 1 (13). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. — С. 7-19.

80. *Ерофеева Т. И.* Опыт исследования речи горожан (территориальный, социальный и психологический аспекты). — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. — 136 с.
81. *Ерофеева Т. И.* Стратификационное описание речи горожанина в параметрах социобиопсихологических характеристик // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания: Семантика и коммуникация / Под ред. *Л. В. Сахарного*. Вып. 4. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1996. — С. 190-199.
82. *Ерофеева Т. И.* Современная городская речь. — Пермь: Изд-ва ПермГУ, Прикам. соц. ин-та, Прикам. соц.-гум. колледжа, 2004. — 316 с.
83. *Ерофеева Т. И.* Социолект: стратификационное исследование. — Пермь: Изд-во ПермГУ, 2009. — 240 с.
84. *Ерофеева Т. И.* Частные социолекты: социальная стратификация устной речи // Проблемы социо- и психолингвистики. Выпуск 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. *Е. В. Ерофеева*. — Пермь, Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. — С. 211-227.
85. *Ефремов В. А.* Номинации женщины в русском языке: жена — женщина — баба — дама // Мир русского слова. № 1, 2010а. — С. 19-25.
86. *Ефремов В. А.* Социолингвистические трансформации русского языка: концептуальное пространство «мужчина — женщина» // *Studia Slavica IX*. Сборник научных трудов молодых филологов. Таллинн, 2010б. — С. 56-58.
87. *Жумагулова Б. С.* Дискурсивное слово «ВОТ» в полемике // http://www.rusnauka.com/25_NPM_2009/Philologia/51106.doc.htm (2010).
88. *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. — 205 с.
89. *Залевская А. А.* Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. — Тверь: ТвГУ, 1992. — 136 с.
90. *Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 382 с.
91. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / *Н. В. Богданова-Бегларян (Богданова), И. С. Бродт, В. В. Куканова, О. В. Павлова (Ильичева), Е. М. Сапунова, И. А. Суббота,*

- Н. С. Филиппова, Н. А. Хан, В. М. Чуйко* и др. / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 532 с.
92. *Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / *Н. В. Богданова-Бегларян (Богданова), Н. Г. Кутруева, Н. А. Осьмак (Андросова), С. Ю. Пужаева, Н. А. Хан* и др. / Отв. ред. *Н. В. Богданова-Бегларян*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014 (в печати).
93. *Земская Е. А.* О понятии «разговорная речь» // *Русская разговорная речь. Сборник научных трудов* / Под ред. *О. Б. Сиротининой*. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970. — С. 3-17.
94. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. — М.: Русский язык, 1979. — 240 с.
95. *Земская Е. А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // *Разновидности городской устной речи* / Отв. ред. *Д. Н. Шмелев, Е. А. Земская*. — М.: Прогресс, 1988. — С. 5-44.
96. *Земская Е. А.* Разговорная речь // *Русский язык. Энциклопедия*. — М.: Советская энциклопедия, 1998. — С. 406.
97. *Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. — М.: Наука, 1993. — С. 90-136.
98. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. — М.: Наука, 1981. — 277 с.
99. *Зиндер Л. Р.* О лингвистической вероятности // *Вопросы языкознания*, 1958, № 2. — С. 121-125.
100. *Зырянова Е. Г.* Частная записка как жанр естественной письменной русской речи. Автореф. ... канд. филол. наук. — Кемерово. 2009. — 24 с.
101. *Иванова О. А.* Специфика бытовой речи различных профессионально ориентированных групп. Дис. ... маг. лингв. — СПб., 2011 (машинопись). — 232 с.
102. *Иссерс О. С.* Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. — Омск, Ом. гос. ун-т, 2012. — 276 с.
103. *Кавинкина И. Н.* Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка. — Гродно: ГрГУ, 2007. — 129 с.

104. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1976. — 354 с.
105. *Караулов Ю. Н.* Методология лингвистического исследования и Машинный фонд русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. — М.: Наука, 1986. — С. 13-25.
106. *Касавин И. Т., Щавелев С. П.* Анализ повседневности. — М.: Канон+, 2004. — 432 с.
107. *Кечкеш И.* Слово, контекст и коммуникативное значение // Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ (Варна, 2007). http://www.mapryal.org/congressXI/Materials/plenarnye_napravleniya/Keckesh.pdf (2013).
108. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... докт. филол. наук. — М., 2003 (машинопись). — 90 с.
109. *Кибрик А. А., Подлеская В. И.* Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Диалог 2009. www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/60.htm (2011).
110. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. — М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. — 189 с.
111. *Кислощук А. И.* Опыт систематизации функций слова *вот* в спонтанном монологе // Актуальные проблемы современной науки. Материалы международной научно-практической конференции научной сессии «XIII Невские чтения». СПб., 20-22 апреля 2011 г. / Под общ. ред. *Н. И. Озеровой*. — СПб., 2011. — С. 157-164.
112. *Кислощук А. И.* *Вот (так) вот*: об одном типе речевых автоматизмов русской устной речи // XV Международная конференция студентов-филологов. Секция «Лексикология и стилистика русского языка». Тезисы. СПб., 20-27 апреля 2012 года. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012а. — С. 127-128.
113. *Кислощук А. И.* Ещё одна функция слова *ВОТ* в русской речи // Теория и практика русистики в России и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции научной сессии «XIV Невские чтения». СПб., 23-28 апреля 2012 года. / Под общ. ред. *Н. И. Озеровой*. — СПб., 2012б. — С. 217-221.
114. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. — М.: Научный мир, 2005. — 493 с.
115. *Кобозева И. М.* Указательное слово «ВОТ» — наречие или частица? // Лингвистические идеи В. А. Белошапковой и их воплощение в современной русистике: коллективная монография / Сост., отв. ред. *Л. М. Байдуж*. — Тюмень: Мандр и Ка, 2010. — С. 189-193.

116. *Кокошкина И. В.* Место десемантизированных элементов дискурса в коммуникативной компетенции говорящего и слушающего // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 10. — Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2010. — С. 154-160.
117. *Колесов В. В.* Культура речи – культура поведения. — Л.: Лениздат, 1988. — 272 с.
118. *Колесов В. В.* Язык города. — М.: Высшая школа, 1991. — 192 с.
119. *Колесов В. В.* Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. — СПб.: Юна, 1998. — 246 с.
120. *Колокольцева Т. Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. — Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2001. — 260 с.
121. *Компьютерная лингвография / К. Р. Галиуллин, Д. Р. Валиахметова, Н. А. Обносова, В. Н. Виноградова, С. Л. Наумова, Н. А. Чашковая / Науч. ред. Н. К. Замов, К. Р. Галиуллин.* — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1995. — 120 с.
122. *Конюхова А. А.* Лингвистические особенности свободного монолога на заданную тему // Русская филология. 18. Сборник научных работ молодых филологов. — Тарту: Тартуский ун-т, 2007. — С. 222-230.
123. *Королёва И. В.* Роль лингвистических факторов в развитии процессов чтения (экспериментальное исследование на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2006 (машинопись). — 227 с.
124. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. — М.: Гардарики, 2005. — 287 с.
125. *Красильникова Е. В.* Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. — Свердловск: Урал. Ун-т, 1988. — С. 5-18.
126. *Краузе М.* Частица *ВОТ* как верификатор (на материале диалектных текстов) // Семантика. Функционирование. Текст. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. — С. 235-244.
127. *Кронгауз М. А.* Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 232 с.
128. *Крысин Л. П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М.: Наука, 1989. — 186 с.
129. *Крысин Л. П.* Современный русский интеллигент: штрихи к речевому портрету // Литературный язык и культурная традиция. — М., 1994. — С. 262-282.

130. *Крысин Л. П.* Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. № 2 (16) 2008. — М., 2008. — С. 110-118.
131. *Крысин Л. П.* Инструкция по разработке «Толкового словаря русской разговорной речи» // Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2010. — С. 16-40.
132. *Крысин Л. П.* О лексикографическом представлении русской разговорной речи // III Международная конференция «Культура русской речи». «Русский язык в культурно-историческом измерении». Посвящается 200-летию Я. К. Грота. Тезисы докладов. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 129-135.
133. *Куканова В. В.* Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009 (машинопись). — 328 с.
134. *Курилова А. Д.* Предисловие // Толковый словарь разговорного русского языка. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — С. 3-9.
135. *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. — М.: Наука, 1976. — 397 с.
136. *Лантева О. А.* Современная русская устная научная речь. Текстовые, лексико-грамматические словообразовательные особенности. Том 3 / Под общей ред. *О. А. Лантевой*. — М.: Филологический факультет МГУ, «Филология», 1995. — 272 с.
137. *Лантева О. А.* Живая русская речь с телеэкрана. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 520 с.
138. *Лантева О. А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 400 с.
139. *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города // *Б. А. Ларин*. История русского языка и общее языкознание. — М.: Просвещение, 1977а. — С. 175-189.
140. *Ларин Б. А.* К лингвистической характеристике города (несколько предпосылок) // *Б. А. Ларин*. История русского языка и общее языкознание. — М.: Просвещение, 1977б. — С. 189-199.
141. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы Международного конгресса исследователей русского языка. — М.: МГУ, 2001а. — С. 467-474.

142. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как объект исследования // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. — Барнаул, 2001б. Вып. 1. — С. 4-10.
143. *Лебедева Н. Б.* Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография / Отв. ред. *И. А. Купина* и *М. Б. Хомяков*. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — С. 286-296.
144. *Лебедева Н. Б.* «Спонтанность» как конституирующий признак естественной письменной речи // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Язык. Культура. Образование». 2006а. № 123. Декабрь. — С. 122-132.
145. *Лебедева Н. Б.* Естественная письменная русская речь как проявление повседневной народной культуры // Антропотекст-1: Сборник статей. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006б. — С. 295-303.
146. *Лебедева Н. Б.* Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М.: Лабиринт, 2007. — С. 116-124.
147. *Лебедева Н. Б., Кудачова Т. Н., Небольсина М. С., Панасенко М. В.* Естественная русская речь: сбор, обработка, паспортизация материала // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. — Барнаул, 2001. Вып. 1. — С. 10-15.
148. *Левонтина И. Б.* Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. — М.: Научный мир, 1999. — С. 188-201.
149. *Левонтина И. Б.* Русское финальное *a*? Портрет невидимки // Слово в тексте и в словаре. Сборник статей к семидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна / Ред. *Л. П. Крысин, И. М. Богуславский*. — М.: Языки славянской культуры, 2000. — С. 144-152.
150. *Левонтина И. Б.* Пересказывательность в русском языке // Диалог 2010 <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2010/materials/pdf/44.pdf> (2011).
151. *Левонтина И. Б.* О причинном значении союза *a to* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Выпуск 12 (19) / Гл. ред. *В. П. Селегей*. — М.: РГГУ, 2013. — С. 446-457.

152. *Лексикография русского языка*: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка» / А. С. Герд, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова и др. / Под ред. Д. М. Поцenni. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 672 с.
153. *Личностный опросник ЕРІ* (методика Г. Айзенка) // Альманах психологических тестов. — М.: КСП, 1995. — С. 217-224.
154. *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. — М.: Изд-во МГУ, 1975. — 253 с.
155. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. — М.: Изд-во Моск.ун-та, 1979. — 320 с.
156. *Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности. — Тюмень: ТюмГУ, 2000.
157. *Малиновская А. И.* Репродуктив как объект многоаспектного анализа (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... маг. лингв. — СПб., 2012 (машинопись). — 104 с.
158. *Макаров М. Л.* Языковое общение в малой группе: Опыт интерпретативного анализа дискурса. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Саратов, 1998. — 43 с.
159. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК Гнозис, 2003. — 280 с.
160. *Маркасова Е. В.* Слово-резонер «безусловно» // *Auspicia* № 2, 2009. — Прага, 2009. — С. 124-127.
161. *Маслова Е. Р.* Конструкция (...) *знаешь* (...) как одна из дискурсивных единиц русской речи // XV Международная научная конференция студентов-филологов. Тезисы докладов. СПб. 20-27 апреля 2012 года. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. — С. 130-131.
162. *Морковкин В. В.* Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // *Вопросы языкознания*, 1987, № 6. — С. 33-42.
163. *Морозова О. Е.* Проблемы лексикографирования городской устной речи // *Слово. Словарь. Словесность: Текст словаря и контекст лексикографии*. Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 11-13 ноября 2009 года. — СПб.: Сага, 2010. — С. 222-226.
164. *Осипов Б. И.* Предисловие // *Словарь современного русского города*. — М.: Русские словари, Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2003. — С. 3-14.
165. *Павлова О. В.* Спонтанна ли спонтанность? // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции 16-20 марта 2009 г.

- Вып. 22: Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 105-112.
166. *Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., Наука, 1985. 272 с.
167. *Пигрова Е. К.* К вопросу о монологе в разговорной речи // Мысли о русском языке. Прошлое. Настоящее. Будущее. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. — С. 138-146.
168. *Плаксина Н. Ю.* Маргинальные страницы тетрадей как жанр естественной письменной русской речи. Автореф. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2009. — 23 с.
169. *Плотникова А. А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. — М.: Институт славяноведения РАН, 2000. — 208 с.
170. *Полевая лингвистическая практика: Учебно-методический комплекс сложной структуры. Ч. 1: Теоретические основы и методика сбора лингвистических данных для представления их в речевом корпусе русского языка.* / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. — СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — 140 с.
171. *Поливанов Е. Д.* Революция и литературные языки союза ССР // За марксистское языкознание. — М.: Федерация, 1931. — С. 73-94.
172. *Прокуровская Н. А.* Некоторые особенности употребления частицы *ВОТ* в устной разговорной речи // Вопросы стилистики. Вып. 8. — Саратов, 1974. — С. 116-120.
173. *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. — М.: Наука, 1975. — 349 с.
174. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина.* — М.: Помовский и партнеры, 1993, — 208 с.
175. *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. А. А. Кибрика и В. И. Подлесской.* — М.: Языки славянских культур, 2009. — 736 с.
176. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. — М.: Просвещение, 1967. — 542 с.
177. *Риехакайнен Е. И.* Взаимодействие контекстной предсказуемости и частотности в процессе восприятия спонтанной речи (на

- материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010 (машинопись). — 261 с.
178. *Розанова Н. Н.* Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест / Под ред. *Е. А. Земской*. — М.: Наука, 1983. — С. 5-79.
 179. *Русская грамматика*. Том II / Гл. ред. *Н. Ю. Шведова*. — М.: Наука, 1980. — 714 с.
 180. *Русская спонтанная речь коми-пермяков*. Звучащая хрестоматия. / Под ред. *Т. И. Ерофеевой*. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. — 71 с.
 181. *Рылов Ю. А.* Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. — 311 с.
 182. *Рюмин Р. В.* Разговорная лексика в социолектной лексикографии // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина: Филология. Вып. 1(9). — СПб., 2008. — С. 149-157.
 183. *Санников В. З.* Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика. Синтаксис). — М.: Наука, 1989. — 266 с.
 184. *Сапунова Е. М.* Неподготовленное чтение как вид речевой деятельности и тип устного спонтанного монолога. Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009 (машинопись). — 237 с.
 185. *Светозарова Н. Д.* Темп речи // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 508.
 186. *Сибирякова И. Г.* Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. *Т. В. Матвеева*. — Екатеринбург: Арго. — С. 115-135.
 187. *Сиротинина О. Б.* Современная русская разговорная речь и ее особенности. — М.: Просвещение, 1974. — 143 с.
 188. *Сиротинина О. Б.* Русская разговорная речь: пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1983. — 79 с.
 189. *Сиротинина О. Б.* Языковой облик г. Саратова // Разновидности городской устной речи / Под ред. *Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской*. — М.: Наука, 1988. — С. 247-253.
 190. *Скляревская Г. Н.* Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. статей / Отв. ред. *Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон*. — М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. — С. 463-472.

191. *Скляревская Г. Н.* Лексикографическое описание русского языка начала XXI века: проблемы словника (к проекту «современного толкового словаря живого русского языка») // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции Шестые Шмелевские чтения 24-26 февраля 2004 г. / Под ред. *Л. П. Крысина*. — М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004. — С. 100-102.
192. *Скляревская Г. Н.* Нормативный толковый словарь живого русского языка: основные постулаты и типологические признаки // Нормативный толковый словарь живого русского языка: теоретические проблемы и практические трудности / Под ред. *Г. Н. Скляревской*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. — С. 17-41.
193. *Сковпень О. П.* Функционирование предлога *через* в современном русском языке (на материале Звукового корпуса «Один речевой день») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Филология. Востоковедение. Журналистика. Серия 9. — СПб., 2014 (в печати).
194. *Скребнев Ю. М.* Введение в коллоквиалистику. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. — 210 с.
195. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (Проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — М.: Учпедгиз, 1952. — С. 182-203.
196. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста: Учебное пособие. — М.: Флинта, Наука, 1997. — 265 с.
197. *Сороколетов Ф. П.* Русская лексикография в Академии наук // Вопросы языкознания. № 6, 1974. — М., 1974. — С. 19-31.
198. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Перевод с фр. *А. М. Сухотина*, под ред. и с примеч. *Р. О. Шор*. — М., 1933. — 272 с.
199. *Соссюр де Ф.* Курс общей лингвистики // *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — С. 46-57.
200. *Стародумова Е. А.* Акцентирующие частицы в русском языке. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1988. — 96 с.
201. *Степанова С. Б.* Темп речи как отражение социальных и психологических характеристик говорящего // «Approaches to Slavic Interaction». University of Potsdam. Conference, March 16-18, 2011, University of Potsdam. Abstracts. — Potsdam, 2011. — Pp. 44-45.
202. *Степихов А. А.* Соотношение синтаксического и интонационного членения в спонтанном монологе. Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2005 (машинопись). — 334 с.

203. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, Воронеж. ун-т, 1985. — 172 с.
204. *Стернин И. А.* Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда / Под.ред. *В. Б. Кашкина*. — Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. — С. 4-16. // <http://tpl1999.narod.ru/index/0-21> (2013).
205. *Сторожева Е. М.* Оценка идиомной коннотации слова представителями разных социальных групп // Проблемы социо- и психолингвистики. Выпуск 15. Пермская социопсихолингвистическая школа: идеи трех поколений. К 70-летию Аллы Соломоновны Штерн. Сб. статей / Отв. ред. *Е. В. Ерофеева*. — Пермь, Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2011. — С. 300-308.
206. *Суббота И. А.* Коммуникативные стратегии говорящего в построении описательного монолога (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... маг. лингв. — СПб., 2011 (машинопись). — 84 с.
207. *Таннен Д.* Ты просто меня не понимаешь: женщины и мужчины в диалоге // Гендер и язык / Мос. гос. лингв. ун-т; Лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 235-505.
208. *Томпсон П.* Голос прошлого: устная история. — М.: Весь мир, 2003. — 367 с.
209. *Трахтеров А. Л.* Английская фонетическая терминология. Справочное пособие для студентов и преподавателей вузов иностранных языков. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1962. — 352 с.
210. *Урысон Е. В.* Союзы *a to* и *a не to*: почему в некоторых контекстах они синонимичны [Электронный ресурс] // <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2008/materials/html/82.htm>.
211. *Урысон Е. В.* Составные союзы А ТО и А НЕ ТО: возможности семантического композиционального анализа // Вопросы языкознания, 2010, № 1. — С. 61–73.
212. *Урысон Е. В.* Союзы, коннекторы и теория валентностей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Выпуск 11 (18). — М.: РГГУ, 2012. — С. 627-637.

213. *Филин Ф. П.* Просторечная лексика // Русский язык. Энциклопедия / Гл.ред. *Ф. П. Филин*. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — С. 273-275.
214. *Филиппов К. А.* Проблемы синтаксиса и интонации спонтанной речи. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. — 164 с.
215. *Филиппова Н. С.* Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010 (машинопись). — 189 с.
216. *Фонетика спонтанной речи* / Под ред. *Н. Д. Светозаровой*. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 245 с.
217. *Фролова О. Е.* Спонтанный текст: структура и типология // Международная конференция «Теория и практика речевой коммуникации»: 7-9 сентября, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова: Тезисы докладов. — М.: МГУ, 2004. — С. 145-148.
218. *Хан Н. А.* Конструкция (*я не знаю*) в русской спонтанной речи: соотношение разных функциональных типов // Мир русского слова, № 3. — СПб., 2012. — С. 24-29.
219. *Хан Н. А.* Спонтанные монологи разного типа в коммуникативно-дискурсивном аспекте (на материале Звукового корпуса русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2013 (машинопись). — 284 с.
220. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 272 с.
221. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (Предисловие). — СПб., 2004. // <http://philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm> (2011).
222. *Цейтлин Р. М.* Лексикон // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. *Ф. П. Филин*. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — С. 128.
223. *Чуйко В. М.* О четырех степенях естественности устной спонтанной речи (данные аудиторского эксперимента) // Материалы XL международной филологической конференции. Выпуск 24. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков. 23-25 марта 2011 г. Санкт-Петербург / Отв. ред. *А. С. Асиновский*, науч. ред. *Н. В. Богданова*. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. — С. 222-229.
224. *Черняк В. Д.* Современная лексикография как зеркало социальной жизни современной России // Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов / Под ред. *С. И. Богданова*, *Л. А. Вербицкой*, *Л. В. Московкина*,

- Е. Е. Юркова.* — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — С. 131-155.
225. *Что такое корпус?* // Официальный сайт Национального корпуса русского языка <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html> (2011).
226. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского литературного языка. — М.: Просвещение, 1972. — 188 с.
227. *Шаповал В. В.* «Жэ» многострадальная // <http://www.philology.ru/marginalia/shapoval5.htm> (2012).
228. *Шаронов И. А.* Виды информации в словаре коммуникативов /// III Международная конференция «Культура русской речи». «Русский язык в культурно-историческом измерении». Посвящается 200-летию Я. К. Грота. Тезисы докладов. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. — С. 218-222.
229. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 377 с.
230. *Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б.* Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи. Материалы XXXVIII Международной филологической конференции (16-20 марта 2009 г.) — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — С. 66-75.
231. *Ширяев Е. Н.* Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога // Русский язык в научном освещении. № 1. — М., 2001. — С. 132-147.
232. *Шмелев А. Д.* Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург. Тез. междунар. науч. конф. (29-31 окт. 1998 г.). — Екатеринбург: УрГУ, 1998. — С. 151-153.
233. *Шмелев А. Д.* «Показатели хезитации» в русской устной речи // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. — М.: Языки славянских культур, 2005. — С. 518-530.
234. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., Наука, 1973. 274 с.
235. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. — С. 129-137.
236. *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1957. — С. 115-129.

237. *Щерба Л. В.* Предисловие [к русско-французскому словарю] // *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность.* — Л.: Наука, 1974а. — С. 304-312.
238. *Щерба Л. В.* Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий // *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность.* — Л.: Наука, 1974б. — С. 253-264.
239. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // *Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность.* — Л.: Наука, 1974в. — С. 24-39.
240. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование / Отв. ред. А. А. Леонтьев.* — М.: Наука, 1986. — С. 17-58.
241. *Aitchison J.* Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon. — Oxford; Melbourne: Blackwell Publishing. 2003. — 314 p.
242. *Altenberg B., Eeg-Olofsson M.* Phraseology in spoken English: presentation of a project // *Theory and practice in corpus linguistics.* — Rodopi, 1990. — P. 1-27.
243. *Bara B. G., Tirassa M.* A mentalist framework for linguistic and extralinguistic communication // *Proceedings of the 3rd European Conference on Cognitive Science (ECCS'99).* Certosa di Pontignano, Siena, Italy, 27th – 30th October, 1999. — Roma, 1999. — P. 1-7.
244. *Barsalou L.* Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences,* 22. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — P. 577-609.
245. *Vocale P.* Дискурсивные слова в разговорной речи // russian.slavica.org/article9375.html. — Cambridge. 2011а.
246. *Vocale P.* Роль текстовых коннекторов в молодежной речи // russian.slavica.org/article514.html. — Roma. 2011б.
247. *Discourse as structure and process. Discourse studies: A multidisciplinary introductions.* Vol. 1, 2 / *T. A. van Dijk* (ed.). — London, SAGE Publications, 1997.
248. *Evans V.* Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction // *Cognitive Linguistics.* 17(4). 2006. — P. 491-534.
249. *Handbook of standards and resources for spoken language systems / edited by D. Gibbon, R. Moore, R. Winski.* — Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. — 886 p.
250. *Karcevski S.* La phonologie de la phrase // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague,* 1931, № 4. — Pp. 188–223.
251. *Kisloshchuk A.* Functions of the Word VOT in Spontaneous Verbal Speech // XII Students' International scientific conference PPCY

- (Pedagogic, public sector, culture, youth work). — Narva, Estonia, May 3-5, 2012. — P. 76.
252. *Leech G.* Principles of Pragmatics. — London: Longman, 1983. — 250 pp.
253. *Levelt W. J. M.* Speaking: From Intention to Articulation. — Massachusetts: MIT Press, 1993. — 584 p.
254. *Meyer C. F.* English Corpus Linguistics: An Introduction. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 168 p.
255. *Miller J., Weinert R.* Spontaneous Spoken Language. Syntax and Discourse. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — 472 p.
256. *Oldfield R. C.* Things, Words, and the Brain // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1966. Vol. 18. — Pp. 340-353.
257. *Sherstinova T.* Quantitative data processing in the ORD speech corpus of Russian everyday communication // Proc. of International Quantitative Linguistics Conference QUALICO 2009. — Graz, Austria. 2009. — Pp. 56-57.
258. *Stubbs M.* Text and corpus analysis. — Oxford: Blackwell publishers, 1996. — 267p.
259. *Tomasello M.* Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. — Harvard University Press, 2003. — 388 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ РЕСУРСОВ

Словари

1. *Англо-русский словарь* [Электронный ресурс] // <http://english-dictionary.ru> (2013).
2. *Большой толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / Под ред. С. А. Кузнецова. ГРАМОТА.РУ, 2009 // <http://www.slovari.gramota.ru>.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка (в 4 томах). М., 1863-1866.
4. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. — М.: Русский язык, 2001. — 863 с.
5. *Курилова А. Д.* Толковый словарь разговорного русского языка. — М.: АСТ, Астрель, 2007. — 640 с.
6. *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Новый частотный словарь русской лексики. [Электронный ресурс]. — М., 2009 // <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.
7. *Народный словарь русского языка* [Электронный ресурс] // www.slovoborg.ru (2013)
8. *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь: словарь молодежного сленга. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 592 с.
9. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. — М.: Изд-во «Азъ», 1992. — 908 с.
10. *Осипов Б. И.* Словарь современного русского города. — М.: Русские словари, АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2003. — 565 с.
11. *Попов В. М.* Словарь воровского и арестантского языка. — Киев: Печатня, 1912. — 128 с.
12. *Псковский областной словарь* [Электронная версия]. — Л.–СПб., 1967-2008.
13. *Русский семантический словарь* Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос). М., 1998. Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Всё, создаваемое руками и умом человека (населённые места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда; организации и учреждения). Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению. употреблению. — М., 2000. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир.

- Состояние природы, человека. Общество. — М., 2003. Т. 4: Глагол. Глаголы с ослабленной знаменательностью: глаголы-связки и полужнаменательные глаголы, глаголы фазовые, глаголы модальные, глаголы связей, отношений и именованя. Дейктические глаголы. Бытийные глаголы. Глаголы со значением собственно активного действия, деятельности, деятельностного состояния. — М., 2007. (URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=283>).
14. *Розенталь Д. Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс] — М., 1976 // http://ksanank.narod.ru/Book/Lingvo_termin/main.html.
 15. *Селигер. Материалы по русской диалектологии.* Словарь. Выпуск 3. К-М / Авторы – *Н. В. Богданова, С. Н. Варина, З. А. Петрова* / Под ред. *А. С. Герда.* — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. — 177 с.
 16. *Словарь воровского жаргона* [Электронный ресурс] // <http://slovari-online.ru> (2012).
 17. *Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона* [Электронный ресурс] // www.slanger.ru (2013).
 18. *Словарь молодежного сленга* [Электронный ресурс] // <http://teenslang.su/> (2012).
 19. *Словарь русских синонимов* и сходных по смыслу выражений [Электронный ресурс] / Под ред. *Н. Абрамова.* — М., 1999 // <http://slovari.yandex.ru/~книги/Словарь%20синонимов>.
 20. *Словарь русского арго* [Электронный ресурс] / Под ред. *В. С. Елистратова.* ГРАМОТА.РУ, 2002 // <http://gramota.ru/slovari/argo/>
 21. *Словарь русского языка* [Электронный ресурс] / Под ред. *А. П. Евгеньевой.* — М., 1999 // <http://mas-dict.narod.ru>.
 22. *Словарь современного русского литературного языка* (в 17 томах) / Т. 6. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
 23. *Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Том IV. Д* / Ред. *К. С. Горбачевич.* Изд. 2, перераб. и доп. — М., Русский язык, 1993. — 76 с.
 24. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона.* Речевой и графический портрет советской тюрьмы. — Одинцово, 1992.
 25. *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс] / Под ред. *Д. Н. Ушакова.* — М., 2000 // <http://ushdict.narod.ru>
 26. *Толковый словарь русской разговорной речи: Проспект.* / Под ред. *Л. П. Крысина.* — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2010. — 346 с.
 27. *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. — СПб.: Норинт, — 2004.

28. Шаров С. А. Частотный словарь // <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (2012).
29. *Этимологический словарь русского языка*. Том 1. Вып. 5. Д, Е, Ж./ Под ред. Н. М. Шанского. — М.: Изд-во Московского университета, 1973. — 304 с.

Интернет-ресурсы

30. *Веселые случаи (казусы) в жизни* [Электронный ресурс] // <http://www.disput.az/index.php?showtopic=59226> (дата обращения 06.09.2012).
31. *Видеохостинг Youtube* [Электронный ресурс] // <http://www.youtube.com/watch?v=vcpP5YsXON4> (дата обращения 17.07.2012).
32. *Ганчаров Л. Великое слово* [Электронный ресурс] // <http://www.stihi.ru/2009/08/07/3411> (дата обращения 03.02.2014).
33. *Ерофеев В. Мужчины: тираны и подкаблучники* [Электронный ресурс] // http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/97721/48/Erofeev_-_muzhchiny_tirany_i_podkabluchniki.html (дата обращения 15.02.2012).
34. *Записки из-за бугра. Бегство* [Электронный ресурс] // http://www.adventure.df.ru/project/other/zapis/lit_notes.htm (дата обращения 06.01.2011).
35. *Записки мизантропа* [Электронный ресурс] // <http://avmalgin.livejournal.com/2135585.html> (дата обращения 06.01.2011).
36. *Консультация психолога он-лайн* [Электронный ресурс] // <http://pskype.ru/ne-nravlyus-roditelyam-parnya/> (дата обращения 14.10.2012).
37. *Лингволаборатория Амальгама* [Электронный ресурс] // <http://www.amalgama-lab.com> (дата обращения 14.04.2013).
38. *Лингвофорум* [Электронный ресурс] // www.lingvoforum.net/index.php (дата обращения 14.04.2013).
39. *Лобанов М. Чем мужчинка лучше мужчины?* [Электронный ресурс] // <http://lobanovmaksim.livejournal.com/101694.html/> (дата обращения 15.02.2012).
40. *Насколько хорош этот Макаров?* [Электронный ресурс] // <http://forum.guns.ru/forummessage/152/336898-7.html> (дата обращения 06.01.2011).
41. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс] // <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.03.2012).

42. *Ответы 1.* Служба ответов портала mail.ru [Электронный ресурс] // <http://otvet.mail.ru/question/50874858/> (дата обращения 16.02.2012).
43. *Ответы 2.* Служба ответов портала google.ru [Электронный ресурс] // <http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=30428e75ba6cedbb&pli=1> (дата обращения 16.02.2012).
44. *Охотничий клуб* [Электронный ресурс] // <http://www.hunting.ru/forum/nareznoe-oruzie/karabin-sks/840/> (дата обращения 06.09.2012).
45. *Ох уж этот малой* [Электронный ресурс] // http://www.babyblog.ru/user/v-9472_unlim/988041 (дата обращения 17.07.2012).
46. *Очень нужен мне мужчинка...* [Электронный ресурс] // <http://www.liveinternet.ru/tags/%CE%D7%C5%CD%DC+%CD%D3%C6%C5%CD+%CC%CD%C5+%CC%D3%C6%D7%C8%CD%CA%0.../> (дата обращения 01.10.2012).
47. *Письма деду морозу* [Электронный ресурс] // http://www.kolesogizni.com/view_full.php?stat=55 (дата обращения 06.09.2012).
48. *Портал LOVE&HATE* [Электронный ресурс] // <http://www.lovehate.ru/> (дата обращения 13.01.2012).
49. *Портал LOVE&HATE. Про слово мужчинка* [Электронный ресурс] // <http://www.lovehate.ru/opinions/60657> (дата обращения 15.02.2012).
50. *Портал LOVE&HATE. Про слово чувак* [Электронный ресурс] // <http://www.lovehate.ru/opinions/24752> (дата обращения 25.08.2012).
51. *Походу вместо похоже* [Электронный ресурс] // http://www.proz.com/forum/russian/161086Походу_вместо_похоже%3A_ваше_отношение.html (дата обращения 25.03.2012).
52. *Психологический форум* [Электронный ресурс] // <http://ivezha.ru/threads/32527.html> (дата обращения 14.10.2012).
53. *Развлекательный портал Pikabu* [Электронный ресурс] // http://pikabu.ru/story/yey_tolstyiy_2025444 (дата обращения 03.01.2014).
54. *Сайт знакомств* [Электронный ресурс] // <http://dating.ru/atosfer> (дата обращения 14.10.2012).
55. *Синтаксически размеченный корпус русского языка* [Электронный ресурс] // <http://www.ruscorpora.ru/instruction-syntax.html> (дата обращения 15.06.2011).
56. *Структура и состав НКРЯ* [Электронный ресурс] // <http://www.ruscorpora.ru/corpora-structure.html> (дата обращения 15.06.2011).

57. *Трехкулачковый патрон* [Электронный ресурс]
// http://www.chipmaker.ru/topic/95044/page_st_20 (дата обращения 06.11.2012).
58. *Фишер М.* Секрет миллионера. [Электронный ресурс]
// <http://smirnovs.info/Fisher/3.html> (дата обращения 14.10.2012).
59. *Щербаков М.* Предположим, герой - молодой человек, холостой кавалер... [Электронный ресурс]
// <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=12040> (дата обращения 14.10.2012).
60. *Grag-hoppers* [Электронный ресурс] // <http://grag-hoppers.livejournal.com/> (дата обращения 14.10.2012).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Образцы лингвистических эссе Словаря русской повседневной разговорной речи

БА БАБА

DEF: = МАС (3). Женщина вообще.

PRAGM: Характерно в большей степени для мужской речи. В большинстве контекстов ОРД, в которых встречается употребление слова *баба*, говорящий — мужчина. Данные обращения к МЛ подтверждают это наблюдение.

ILL:

- *все бабы дуры ! *П эта не знает куда едет / эта не знает чего хочет ! повернулся и пошёл;*
- *и получается как в совке* // *П в один номер там двухместный блин / там в общем / появляется / кого угодно запихивают // *В и в итоге в одном номере образуется (э...э) мужик и баба;*
- *и / это самое / они значит там / вместе тусуют там / всё их не устраивает / а потом они ради прикола просто трахаются / *П всё им нравится // *В через год / *П этот мужик / (...) приезжает опять в этот же номер // *П такой / так было прикольно / такие воспоминания блин / такой сидит там типа / *Ч так интересно вообще было вообще / и так просто он весь в воспоминаниях / *П и появляется баба;*
- *при чём здесь какие-то тётки / дядьки какие-то / бабы ? при чём они то тут ? я то к ним какое отношение имею ?*

INTR:

- *Баба — это просто женщина.*
- *Бабой я называю женщину. Ну понятно, что не в официальных ситуациях, а так — между собой.*
- *Бабой называют обычно мужчины женщину, женщины редко так о себе говорят.*

ДЯ ДЕЧКА

DEF: *ORD, ML* Незнакомый взрослый мужчина средних лет.

PRAGM: В сознании носителей языка существует своеобразный словесный портрет, выявленный при помощи обращения к МЛ:

Возраст: взрослый, немолодой, среднего / старшего среднего / старшего возраста, потрепанный годами жизни.

Внешний вид: сутулый, потрепанный, улыбающийся, лысый или с проплешинами, оттопыренные уши, морщинистый.

Характер и особенности личности и поведения: хоть потрепанный, но все еще бодрый, живчик, активный.

Социальный статус: простой, недалекий, типичный, обычный человек, представитель среднего класса времен советского союза, инженер или сотрудник никому не нужных НИИ.

ILL: а там дядечка такой.

INTR:

- **Дядечка** — это какой-то мужчина, наверное, среднего возраста, незнакомый мне.
- **Дядечкой** я называю мужчину просто, немолодого и нестарого, выглядящего немного нелепо, пожалуй.
- **Дядечка** — это представитель мужского пола среднего возраста, но, конечно, не любой. Кто-то в свои 40 будет дядечкой, а кто-то вполне себе мужиком.

МУЖИЧОК

DEF: ORD, ML Мужчина.

PRAGM: Имеет уменьшительно-ласкательный оттенок значения. В сознании носителей языка существует своеобразный словесный портрет, выявленный при помощи обращения к МЛ:

Возраст: взрослый, немолодой, среднего / старшего среднего / старшего возраста, закаленный годами жизни, лет 40-50.

Внешний вид: улыбающийся, коренастый, с умными глазами, в обычной одежде.

Характер и особенности личности и поведения: закаленный годами жизни, хитрый, находчивый, активный, часто смеется и хохмит.

Социальный статус: из народа, хранитель народной мудрости и хитрости, женат, но при этом сохранил достоинство.

ILL: есть тут жилые дома вообще ? (э-э) @ *Н @ дак (э) никто не знает // а потом () какой-то вот **мужичок** мне указал / что вот вам туда надо // @ конечно // @ да я вот оттуда вот / такой крюк сделал.

INTR:

- **Мужичок** я использую, если хочу ласково назвать мужчину бодрого лет 40-50;

- *Мужичок* — это ласково о мужчине, представляется такой коренастый субъектик среднего возраста, хитрый и умный, себе на уме.

ПАЦАН

DEF: *ORD, ML* Молодой человек, мужчина

PRAGM: В мужской речи для обозначения лица, одного возраста с говорящим. Часто *пацан* обладает характерной внешностью, качествами. Часто употребляется в молодежной среде.

ILL: *пацанов из тридцать четвертой роты тоже берём //*

я / если если я проеду / еду обратно / пацаны едут тоже обратно //

вообще / завтра с девчон... / ну / пацаны собираются с девчонками / пойти в музей / так что можете за компанию тоже сходить //

смысл в том / что бл...дь / б... пацана выручить / нех...ёво бл...дь //

*ну тяжело / да / *П я тоже вот когда есть / *П такие варианты / что с кем-то допустим даже комнату снимать // я в принципе пацан / пацана взять / да на хер он мне нужен / я уже привык жить один //*

*даже я сидела /*С вот так / пялилась /*С // *П слушай там пацаны просто утонули /*С //*

*потому что па... пацаны то / *В в компьютерах ...пацаны-то рубят же в этом деле //*

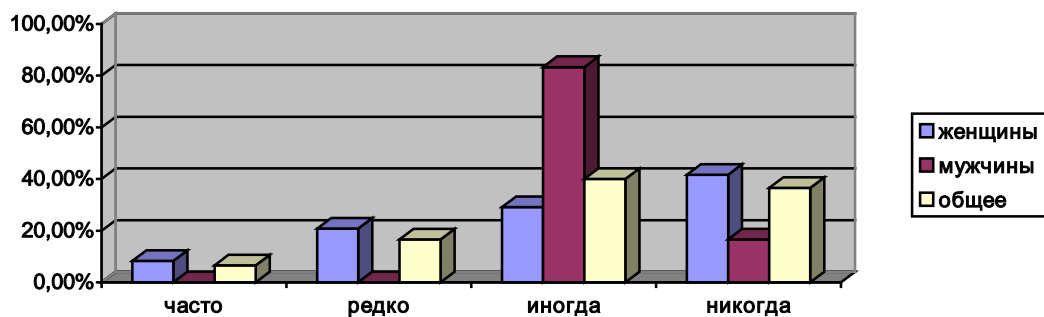
*пацана молодого тут одного () повязали / правильно козла // значит он / *В (э) для разминки значит он доехал на та... / () ну придурок / на такси ехал //*

INTR: *Пацан* — свой парень. Непременно в толстовке с капюшоном, или в тренировочном костюме, простой, грубоватый, хамоватый, но в сущности хороший. Обладает определенными принципами, понятными для говорящего и разделяемыми им. *Пацан* бывает «нормальным» и «реальным», дружит с девками и девчонками.

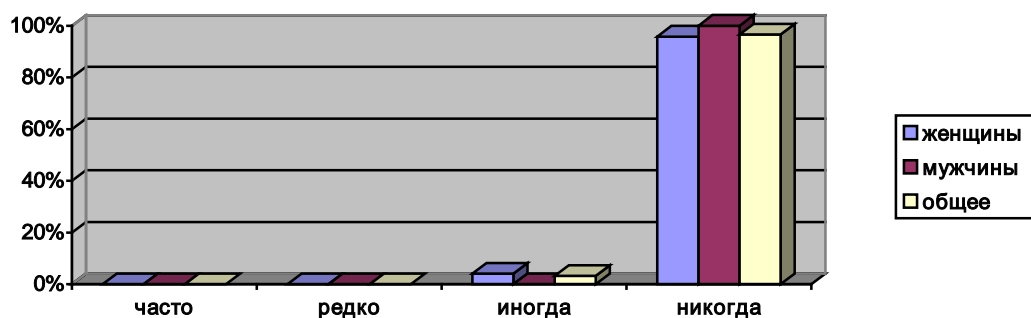
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Частота употребления некоторых антрополоксем в речи (по данным психолингвистического эксперимента)

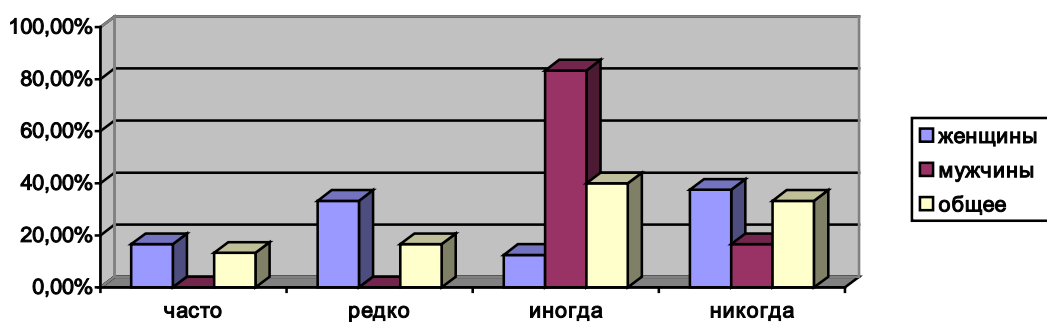
- *Баба*

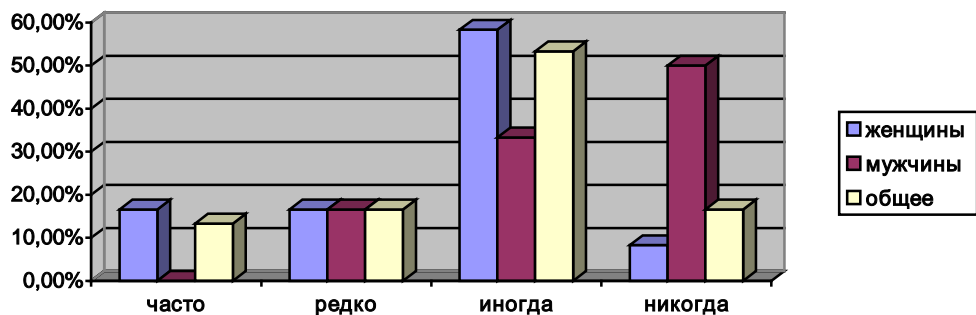
- *Бабец/бабца*

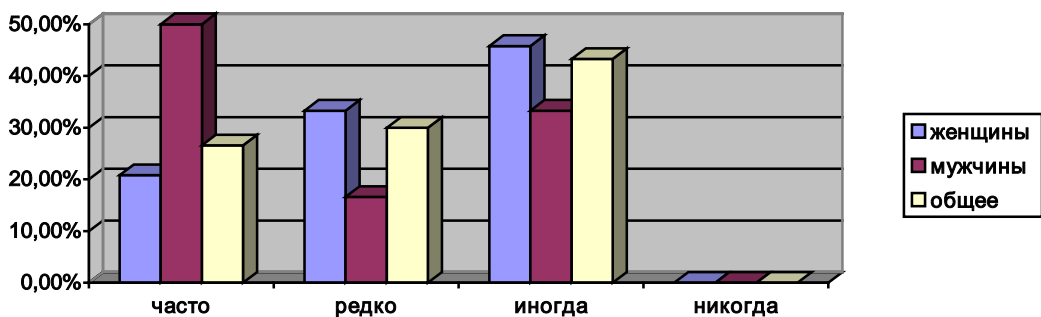
- *Барышня*

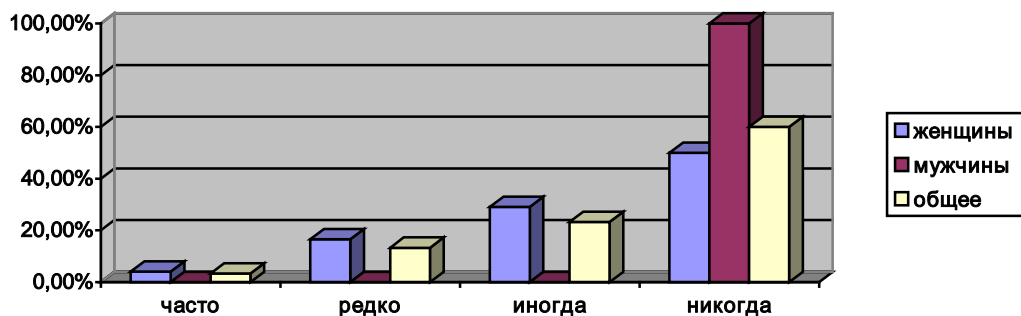
- *Девка*

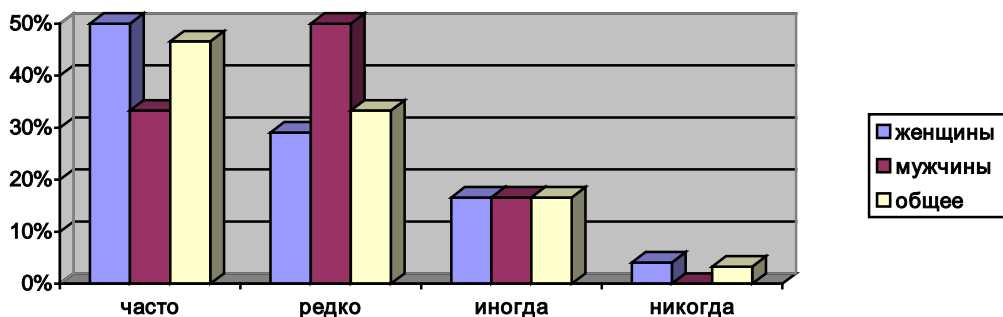
- *Мужик*

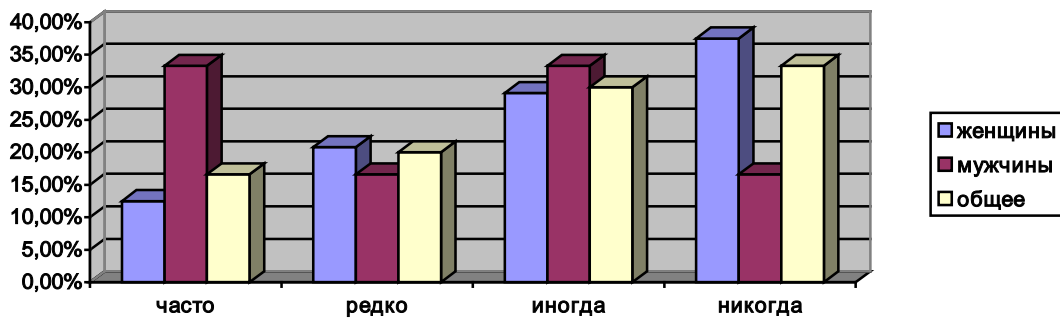
- *Мужчинка*

- *Парень*

• Пацан

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Образец анкеты для электронного опроса носителей языка

Данные о Вас:

- 1) пол:
- 2) возраст:
- 3) семейное положение:
- 4) образование: высшее/неоконченное высшее/среднее/кандидат наук/доктор наук
- 5) профессия:

Часть 1. Заполните следующую таблицу, исходя из предложенной ниже системы оценки:

- 1) Оцените степень употребления слова в своей речи:
 - a. Часто
 - b. Редко
 - c. Иногда
 - d. Никогда не употребляю
- 2) Оцените степень употребления слова в речи окружающих (возможно несколько вариантов ответов):
 - a. Часто
 - b. Редко
 - c. Иногда
 - d. Никогда не встречал/а
 - e. Встречал/а только в СМИ
 - f. Встречал/а только в художественной литературе
- 3) Для какой речи характерно употребление этого слова:
 - a. Для женской
 - b. Для мужской
 - c. Для детской
 - d. Для мужской и женской
 - e. Для любой
 - f. Затрудняюсь ответить

Слово	Вопрос 1	Вопрос 2	Вопрос 3.
<i>девочка</i>			
<i>женщина</i>			
<i>девушка</i>			
<i>девчонка</i>			
<i>тетка</i>			
<i>тетя</i>			
<i>бабка</i>			
<i>баба</i>			
<i>бабушка</i>			
<i>старушка</i>			

<i>бабуля</i>			
<i>девка</i>			
<i>ст арая дева</i>			
<i>ст аруха</i>			
<i>бабулька</i>			
<i>т ет енька</i>			
<i>бабца/бабец</i>			
<i>барышня</i>			
<i>бабища</i>			
<i>бабуська</i>			
<i>муж ик</i>			
<i>мальчик</i>			
<i>парень</i>			
<i>муж чина</i>			
<i>пацан</i>			
<i>дядя</i>			
<i>мальчишка</i>			
<i>чувак</i>			
<i>дед</i>			
<i>дедун</i>			
<i>дядька</i>			
<i>мальчонка</i>			
<i>муж чинка</i>			
<i>юноша</i>			
<i>ст аричок</i>			
<i>малой</i>			
<i>дяденька</i>			
<i>дядечка</i>			
<i>ст арпер</i>			
<i>молодой человек</i>			
<i>муж ичок</i>			

Часть 2. Как вы употребляете указанные выше слова? Как их употребляют люди в вашем окружении. Дайте своеобразный «словесный портрет» (если это возможно). Подчеркните то значение, которое, на ваш взгляд является самым распространенным. Если у вас есть какие-то ассоциации – не забудьте о них рассказать.

Часть 3. Выберите вариант ответа:

1. Как вы называете мать отца/матери?:
 - a. Баба
 - b. Бабуля
 - c. Бабуся
 - d. Бабушка
 - e. Бабка
 - f. Свой вариант (укажите)
2. Как вы называете отца матери/отца:
 - a. Дед
 - b. Дедок
 - c. Дедун
 - d. Дедуля
 - e. Дедушка
 - f. дедка
 - g. Свой вариант (укажите)
3. Как вы называете брата матери/отца:
 - a. Дядя
 - b. Дядька
 - c. Дяденька
 - d. Дядечка
 - e. Дядя + Имя
 - f. Имя
 - g. Свой вариант (укажите)
4. Как вы называете сестру матери/отца:
 - a. Тетка
 - b. Тетенька
 - c. Тетечка
 - d. Тетя
 - e. Тетя+Имя
 - f. Имя
 - g. Свой вариант (укажите)

Часть 4. Какие слова вы чаще всего используете для обозначения а) лица женского пола б)лица мужского пола?

- А)
- Б)